

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ — 1972

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я
Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ—1972

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: 370602, ГСП, Баку-122, просп. Нариманова, 31, Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. П. ДУЛЬЗОН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АЛТАЙСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

Ранее опубликованные специальные работы, посвященные данному вопросу¹, в значительной мере способствовали его изучению. В этих работах подобран и классифицирован большой языковой материал, что делает возможным проведение обобщения накопленных фактических данных.

Основным недостатком многих работ в этой области является попытка объяснить возникновение и развитие средств обозначения множественности умозрительно, исходя из самой природы понятия множественности. Такое направление исследовательской мысли основано на подразумеваемом предположении о прямолинейном («логическом»), подсказываемом здравым смыслом развитии понятий. Однако подобный метод мышления и здесь заводит в тупик². Объяснение показателей множественности в современных языках возможно только на основе изучения формальных средств обозначения множественности на предыдущих ступенях их истории и выявления характера выражавшихся ими понятий. Иначе говоря: показатели множественности алтайских (или урало-алтайских) языков могут быть объяснены только исходя из их доалтайского (или доурало-алтайского) состояния.

Необходимо также при этом установить, что типологически представлял собой язык, к которому восходят урало-алтайские языки.

В XIX веке эти языки (как и индоевропейские) обычно возводились непосредственно к первобытному аморфному состоянию; конкретно это выражалось в том, что исследователи пытались происхождения каждого аффикса объяснить ранее существовавшим самостоятельным словом. Теперь нам ясно, что человек доурало-алтайского времени (шесть-восемь тысяч лет тому назад) антропологически находился уже на уровне вполне сложившегося современного человека, далеко ушедшего от первобытного примитивного состояния. Это подтверждается сохранившимися памятниками материальной культуры. На этом уровне мышления ему нужен был хорошо разработанный язык. Ввиду отсутствия письменных памятников представление о доурало-алтайском языковом состоянии можно

¹ В. И. Цинциус. Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках. — «Ученые записки ЛГУ, серия филол. наук», вып. 10, 1946; D. Sinor. On some ural-altaic plural suffixes. Asia Major, 5, 1952, vol. II, pt. 2; O Pritsak. Tschuwaschische Pluralsuffixe, Studia Altaica, 1957; А. Н. Кононов. Показатели собирательности—множественности в тюркских языках. Л., 1969; Б. А. Серебренников. О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа -лаг в тюркских языках. — «Советская тюркология». Баку, 1970, № 1, стр. 42 и сл.

² Ср.: Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1948, стр. 21.

получить только пользуясь методом реконструкции, разработанным современным сравнительно-историческим языкознанием. При этом следует исходить из данных урало-алтайских языков и в какой-то мере из логических предположений о сущности природы предшествовавшего им языкового состояния. Чем больше фактов урало-алтайских языков получают удовлетворительное объяснение при определенных логических допущениях, тем более вероятна их правомерность и истинность.

Мы основываемся на допущении, что урало-алтайские языки восходят к полисинтетическому классному языку типа енисейских³. В последних грамматической категории числа существительных, присущей современным урало-алтайским языкам, еще не было. В енисейских языках понятие числа имени еще отчетливо связано с понятием класса посредством коррелирующих субъектных и объектных аффиксов у глагола. В единственном числе существительное особого показателя числа в своем составе не содержит. Когда оно относится к одушевленному классу и является субъектом, его одушевленность и действительность выражает префикс *d-* в составе соотнесенного глагола, а число (единичность) — нулевой аффикс в конце глагола; во множественном числе такие существительные присоединяют суффикс *-n*, которым заканчивается также и соотнесенная глагольная форма, например: *qim d-ibbet* 'женщина это сделает'; *qim-p d-ibbeti-p* 'женщины это сделают'. Сопоставляя только формы числа этого глагола, можно установить, что в них идея одушевленности (*d-*) отделена от идеи единичности (нуль) или множественности (*-n*). У существительных это же *-n* выступает в роли классного показателя (совокупности одушевленного множества), поскольку у существительных неодушевленных показателем множественного числа является аффикс *-ŋ*⁴. Особенно отчетливо понятие класса выражено у кетских существительных, имеющих значение «ставший тем-то» или «становящийся тем-то», например: *pan-bet-s*, *pan-bet-si* 'пекарь', множ. ч. *panbet-si-n*; *pan-bediŋ-s* 'тот, который обычно (всегда) хлеб делает'. Эти производные существительные образованы посредством глагола *i* 'быть' с классным показателем *s* (*si* 'стать, приобрести одушевленное существование'), к которому во множественном числе присоединяется аффикс одушевленного множества (*n*). Отметим еще, что в енисейских языках имена вещей, выступая в предложении в качестве субъекта, в глаголе особым аффиксом обычно не сигнализируются ни в единственном, ни во множественном числе, а аффикс *-ŋ* могут принимать во множественном числе также и названия одушевленных предметов, при объединении в группу индивидов разного пола. Этим может объясняться различие в образовании формы числа у личных местоимений: кет. *öt-p* 'мы', *öq-p* 'вы', вероятно, имевших первоначально эксклюзивное значение — «мы (мужчины), мы (женщины), вы (мужчины), вы (женщины)» в отличие от местоимения 3 л. *bu-ŋ* 'они (мужчины и женщины)'. Следует заметить, что множественное число у кетских существительных среднего рода, то есть у слов, обозначающих вещи, большей частью выражает не совокупность, а скопление и скученность предметов (собираемость); не удивительно, что это понятие обозначается тем же аффиксом, что и множественность действия, например: *il* 'петь, песня' — *ilŋ* 'пение, песни'.

Из сказанного видно, что исследование проблемы происхождения показателей множественности — собираемости в эnumerативном по-

³ А. П. Дульзон. Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими. — «Вопросы лингвистики», вып. 2. Томск, 1969, стр. 110 и сл.

⁴ См. подробнее: Т. И. Поротова. Способы образования множественного числа кетских существительных. — «Языки и топонимия Сибири», II. Томск, 1970, стр. 70 и сл.

рядке малоперспективно, так как такой порядок исследования искажает ту систему отношений, к которой они возводятся при нашем допущении. С этой точки зрения наиболее целесообразным следует признать следующий порядок их рассмотрения:

- 1) показатели числа у личных местоимений и отместоименных грамматических морфем;
- 2) показатели числа у слов, обозначающих профессию или вид занятий;
- 3) показатели числа у слов, обозначающих живые существа, различаемые по полу;
- 4) показатели числа у слов, обозначающих неодушевленные предметы или вещи.

1. Особенно отчетливо древнее значение формантов числа выступает у алтайских **личных местоимений**; как будет показано дальше — это пережиточно сохранившиеся показатели именных классов. Для единственного числа система личных местоимений совпадает во всех алтайских языках в виде двух основ, реконструируемых для праязыкового времени следующим образом:

	монгольские	тунгусские	тюркские
1 л.	bi/bin	bi/min	min/min
2 л.	č'i/č'in	si, hi/sin, hin	sin/sin

Косвенная основа содержит *n*, которое имеет свое соответствие в енисейском *d* — показателе класса одушевленных существ; при именительном падеже, то есть падеже субъекта, он в енисейских языках входил в состав глагольного сказуемого. По признаку наличия или отсутствия этого показателя в одной временной плоскости находятся монгольские и тунгусские языки, а из тюркских — только чувашский (e-pě/maп 'я', e-še/saп 'ты'). В остальных тюркских языках показатель класса $n < d$ сросся с морфемой, обозначавшей до этого только лицо (mi-n, mā-p, ba-n). Форма 1 л. в праалтайском, вероятно, была *bi/bin. Отметим еще, что монгольская косвенная форма bin из всех алтайских наиболее древняя, поскольку она еще сохранила *b* в одном слоге со звуком *n*. Для 2 л. следует предположить два варианта в праалтайском языке: *ti/*tin < *ti-d, *γi/*γin < *ki-d. Показатель класса *d* ясно виден также в личном местоимении 3 л. прамонг. i/in, сохранившегося в маньчжурском; в тюркских языках i/in представлено в функции притяжательного местоимения 3 л. Этому местоимению в кетском языке соответствует id в значении «он, его (род. п.)».

Значительно запутаннее картина образования форм множественного числа личных местоимений.

Тунгусские языки и монгольские в 1 л. различают эксклюзивную форму и инклюзивную (прамонг. ba/maп 'мы без вас', bida/bidaп 'мы все'), которой противостоит единая форма в тюркских языках (bis, biz, чув. e-piğ 'мы одни, мы с вами').

Множественное число эксклюзивной формы (в монгольских и тунгусских языках) образуется посредством вариации гласных, как и множественное число личного местоимения 2 л. (прамонг. ta/taп-, пратунг. su, hu/suп-, huп-); конечный согласный *n* в косвенной основе представляет собой аффикс родительного падежа (посессива), восходящий к классному показателю (в кетском языке родительный падеж множественного числа содержит *d* или *n*).

Из форм, представленных в тюркских языках, можно выделить конечный согласный $-s, -z, -r < *t$ как показатель одушевленного множества. Его возникновение можно объяснить, исходя из доурало-алтайского состояния, следующим образом.

В енисейских языках (по данным кетского) показатель этого класса был сложным и находился в составе глагола:

единственное число — $d- \dots$ нуль,

множественное число — $d- \dots n$.

При устранении классной системы эти показатели из состава глагола перешли в состав имени в качестве суффикса, причем $d > n$; во множественном числе $-dn$ через $*-tn$ перешло в $-t$. Качество конечного согласного в тюркских языках ($z \sim r$) указывает на то, что за ним когда-то

следовал гласный, что объясняет переход $t > d > \delta$ 5. Монгольские

языки этот гласный фактически сохранили (ср. *bida* 'мы все' из $*bi-ta$). К. Менгес в этой форме видит сложение: «я (*bi*) и вы (*ta*)»⁶, что очень правдоподобно. Однако, поскольку эта форма свойственна также тунгусским языкам, ее объяснение потребует привлечения материала обеих языковых подгрупп.

Приведем фактический материал⁷: уд. *minti*, орок. *biti*, эвенк. *mite, mite, mit, mut*, эвен. *mut*, негид. *butta, bitta*; в орок., ульч. и нан. существует только одна форма множественного числа для обоих значений, совпадающая с эксклюзивной.

В эвенкийском и эвенском языках обращают на себя внимание формы с начальным m вместо b . Это m могло появиться вместо b перед n в том же слоге; исходя из этого, можно реконструировать $mit < *mint$, $mut < *munt$. Таким образом, получаем теоретически ту форму, которую фактически имеет удэгейский язык. В негидальском *bitta, butta* b сохранилось потому, что стоящее перед ним исконное d (t) рано ассимилировалось со следующим t (*bitta < *bid-ta*, *butta < *bud-ta*); в орокской форме *biti*, как и в монгольской *bida*, произошло упрощение геминации. Второй компонент этого слова (ta или $ti < tai$) требовал родительного падежа первого компонента, то есть связь между компонентами слова первоначально была определительная, а не копулятивная. Второй компонент (ta), по-видимому, выражал идею множественности не как совокупность, а как социативное или собирательное соединение отдельных единиц. Можно поэтому думать о тождестве или родстве этого компонента слова с аффиксом социатива на $-ta$, о котором речь пойдет ниже. Добавим к сказанному, что упомянутый выше аффикс множественного числа $r < t$ встречается в некоторых тунгусских языках у местоимения 3 л.; ср. эвенк. *пиҕа-п* 'он' — *пиҕа-г-туп* 'они'.

Перейдем к рассмотрению суффиксов числа в составе отместоименных личных суффиксов.

Необходимо выделить следующие группы алтайских отместоименных личных суффиксов:

- а) посессивные суффиксы при именах,
- б) предикативные суффиксы при именах,
- в) посессивные суффиксы при глаголах,
- г) предикативные суффиксы при глаголах.

⁵ Ср.: А. П. Дульзон. Некоторые вопросы методики реконструкции общетюркской системы звуков. — «Советская тюркология». Баку, 1971, № 2, стр. 19.

⁶ Из письменного сообщения; ср. также: К. Menges. Die tungusischen Sprachen. — «Handbuch der Orientalistik», I. Abteilung, V. Band, 3. Abschnitt, Tungusologie. Leiden, 1968, стр. 51.

⁷ См.: О. П. Суник. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М., 1962, стр. 150 и сл.

Нет надобности подробно останавливаться на всех этих суффиксах. Однако не следует забывать, что в одних случаях, при одинаковой функции, они материально совпадают, а в других — обнаруживают расхождения.

Отместоименные суффиксы в составе глагольных (финитных) форм в монгольских языках полностью отсутствуют, однако в них имеются приименные отместоименные суффиксы. Методика исследования требует выявления характерных особенностей выделенных выше групп суффиксов прежде всего в тех языках, в которых все они налицо. Лишь после этого можно уточнить место монгольских языков в общеалтайской системе.

Тунгусо-маньчжурские языки сохранили наиболее древние (то есть наиболее близкие к енисейским) формы глагольных посессивных суффиксов; их можно возвести к следующим исходным формам:

а) единственное число:

- 1 л. $-w, -u, -i, -wi, -bi < *bi, *-ib;$
- 2 л. $-s, -si, -\gamma i < *si, *-\gamma i$, доалт. $*-ik, *-ki;$
- 3 л. $-in, -ni < *in, *-ini < \text{доалт. } *i-di.$

б) множественное число:

- 1 л. экскл. $-un, -wu, -wun, -u, -bu < *wun;$
инкл. $-t < *ft, *wt; p < *pt < *bt;$
- 2 л. $-su, -sun < *sun, -\gamma u < *yun$, доалт. $qu-n;$
- 3 л. $-ti, -\check{c}'i, -tin < *ti, *tin$ вместо $*in-t.$

Полученные архетипы в единственном числе точно соответствуют енисейским притяжательным аффиксам (1 л. — b , 2 л. — q , 3 л. — d). Во множественном числе тунгусские посессивные глагольные аффиксы присоединяют во втором лице и в первом эксклюзивном показателе числа n , общий с енисейским. Инклюзивная форма 1 л. множественного числа образуется при помощи показателя числа t , который уже упоминался выше (аналогичное развитие глагольного окончания $-t$ из $-ft$ и $-wt$ имеется в селькупском языке)⁸.

Тюркские посессивные аффиксы отличаются от тунгусских как в единственном, так и во множественном числе. Общая особенность суффиксов единственного числа состоит в том, что они возводятся (за исключением чувашского языка) к формам, содержащим в своем составе звук n , а именно:

- 1 л. $-m < *mn$, 2 л. $-\eta < *q\eta < *qn$, 3 л. $-i < *in.$

Наличие звука m вместо b в притяжательном суффиксе 1 лица множественного числа, как будто бы не обусловленного ассимиляцией, говорит в пользу того, что этот суффикс восходит к указанной выше форме $*min-ta$; если это так, тогда надо думать, что якутское $-bit$ возникло из $*bid-ta$. Для суффикса 2 лица можно предположить аналогичное развитие: $-\eta iz < *n-giz, -siniz < *sin-giz, -sinar < *sin-gar$, алт. $-\gamma ar < *n-gar$, тув. $-\eta ar < *n-gar$; в них звуки z и r восходят к t , сохраненному в якутском в виде $-t$. Первая часть суффикса тождественна с енис. ki 'ты', вся форма ($*kin-ta$) означала «ты с кем-то». Во всех этих суффиксах $n < *d$ представляет собой суффикс древнего родительного падежа, который наиболее отчетливо сохранился в монгольских языках: 1 л. калм. $-m\dot{a}$, $-m < *mini$ 'мой', бур. $-m, -mni$, монг. $-min'$; 2 л. калм. $-\check{c}'n'$ 'твой', бур.

⁸ А. П. Дульзон. Опыт исторической интерпретации селькупских глагольных форм. «Советское финно-угроведение», V. Таллин, 1969, стр. 203.

š, -šni, монг. čin'; 1 л. мн. ч. калм. -mān, бур. -mnai, -nai, монг. man' 'наш'; 2 л. калм. -tn, бур. — -tnai, монг. — -tan' 'ваш'; в них ni < *nai, что этимологически означает (исходя из енисейских норм): «сделавшийся моим, твоим» и т. д. (ср. кет. öt-па-s' 'наш; тот, который наш'; öt 'мы').

По енисейским языкам мы знаем, что в состав предикативного аффикса глагола должен был входить показатель класса деятеля (d) и показатель числа (ед. ч. — нуль, мн. ч. — -n). Эти компоненты отчетливо прослеживаются в тунгусо-маньчжурских языках:

единственное число:

1 л. -m, -mi, -mbi, -bi < *n-bi;

2 л. -nni, -nri, -č'i, -ti < *n-ti;

множественное число:

1 л. экскл. -w, -u, -wun < *bu-n;

2 л. -s, -su, -sun, -γu < *su-n, *γu-n, доалт. *qu-n.

Различие между предикативными и посессивными суффиксами нередко проявляется с предельной ясностью; ср. эвен. bise-m 'я есмь' — bisi-w 'я был'.

Не менее отчетливо названные компоненты выступают в тюркских языках в суффиксах единственного числа:

1 л. -mān, -men, -min, -ban, -ben < *-man, *-min < *ba-n, *bi-n;

2 л. -sin, -san, -gin < *si-n, *ki-n.

Рассмотрим суффиксы множественного числа.

В тунгусских языках суффикс 1 лица множественного числа с инклюзивным значением -p, -t, -fi возводится к *p-t < *b-t, первый компонент которого (b) обозначает лицо, а второй (t < ta или tai) — совместность.

Предикативный суффикс того же лица в тюркских языках -miz, -biz, -per тождествен и позволяет реконструировать для алтайских языков исходную форму *bid-ta, *binta. В пратюркском языке компонент t праалтайского суффикса стал самостоятельным суффиксом числа, поскольку он выступает в его функции в бинарной оппозиции bi-n/bi-z, be-r, bi-t, si-n, gi-n/si-z, si-r, gi-t.

2. Остановимся на показателях числа у существительных, обозначающих профессию или вид занятий. В енисейских языках основным средством обозначения множественного числа существительных является аффикс -n или -η (в зависимости от одушевленности — неодушевленности). Окончание -η в основном употребляется в названиях вещей. Примечательно, что енисейские личные местоимения, когда они имеют субъектное значение, во множественном числе оканчиваются на -n, а когда употреблены в объектном значении, они оканчиваются на -η, например: öt-n 'мы' — d-a-η 'нас', öq-n 'вы' — q-a-η 'вас'; a 'его', i 'ее' — a-η, i-η 'их' (объект всегда рассматривается как вещь). В енисейских языках для образования числа вариация гласных применяется сравнительно редко, например: кет. ses 'река' — sas 'реки'. По-видимому, этот способ возник по аналогии с образованием числа у глагола, например: let 'немного побить' — tat 'сильно побить'. В енисейских языках категория числа была полностью подчинена именной классной системе. При разрушении этой системы и возникновении категории числа, не связанной с категорией именных классов, нужно было использовать другие средства выражения; как будет видно из дальнейшего, эти средства возникли на основе идеи скопления и собирательности, которая выражалась имевшимися показателями социативности и комитативности.

Встречающиеся в алтайских языках случаи образования множественного числа посредством суффикса *-n*, например, при именах деятеля, можно рассматривать в качестве реликтов доурало-алтайского состояния: в монгольских языках докласс. монг. *jabuγč'i* 'пешеход', мн. ч. *jabugč'in*; *surquī* 'спрашивающий'⁹, мн. ч. *surqun*; письм. совр. монг. *moritai* 'владелец коня', мн. ч. *moritan*. В тюркских языках случаи употребления *-n* в качестве показателя множественного числа единичны. Махмуд Кашгарский приводит два таких примера — егеп 'мужи' (ед. ч. *eg*) и *oγlan* 'сыны' (ед. ч. *oγul*). Можно согласиться с А. Н. Кононовым, что этот суффикс в тюркских языках никогда не был продуктивным¹⁰. Поскольку енисейский классный показатель *d* в алтайских языках находит выражение через *n*, то можно предположить, что распространённый в последних (особенно в монгольских и тунгусских языках) тип существительных с основой на *n* представляет собой реликт именного класса *d*; например: монг. *amba(n)* 'сановник', *alba(n)* 'волшебник', *malša(n)* 'скотник', *моги(n)* 'лошадь', *modo(n)* 'дерево', *ама(n)* 'рот', аха 'старший брат' (мн. ч. *ахан-ар*), *аша* 'внук' (мн. ч. *ашан-ар*, *ашан-ад*).

3. Существительные, обозначающие живые существа (людей и крупных животных), различаемые по полу, в енисейских языках образуют множественное число посредством суффикса *η* (когда имеются в виду индивиды обоего пола), например: кет. *bis'ep* 'брат, сестра' — *bis'ebaη* 'братья и сестры', *ke't* 'мужчина, женщина' — *de'η* 'люди'. Этот суффикс, по-видимому, сохранен в уральских языках в личном местоимении; ср. нган. *mi* < *mi-n 'мы двое', *туη* 'мы все' (-*tu* < *tu-t — окончание 1 л. мн. ч. у глаголов); сюда же относятся, вероятно, личные окончания венг. 1 л. *-uk* < -*wuk* < *wuη 'мы', 2 л. *-tok* < *toη 'вы', 3 л. *ak* < *aη 'они'. В тюркских языках этот аффикс в вариантах *q* и *η* мы находим в функции показателя 1 л. множественного числа глаголов в посессивной серии (например: алт. *bagdy-q* 'мы ушли') и в качестве показателя того же лица в якутском, хакасском, шорском и чулымском языках у императива, но в значении двойственного числа, например: як. *bagyax* 'пойдем-ка мы с тобой'¹¹, чул. *рагаq*, шор. *рагаη* 'пойдем вдвоем'. В императиве гласный перед *q* или *η* относится к аффиксу: чул. *раг-аq*, *sur-аq* 'спросим оба', *rüg-äk* 'согнем вдвоем', *рег-äk* 'дадим вдвоем'; после основ на гласный *a* отпадает: чул. *uqla-q* 'поспим вдвоем', *угla-q* 'споем вдвоем', *āzga-q* 'покормим вдвоем'. Исходя из того, что суффикс 3 л. императива определенно восходит к местоимению (*раг-зуп* 'пусть уйдет', *суп 'он'), можно допустить то же самое и для формы 1 л., то есть *-аq* < *ba-q, *ba-η, что означало «мы двое (разного пола)». Можно предположить, что так же развивался и суффикс 1 л. множественного числа, представленный только вариантом *-q*, так как основа, к которой он присоединяется, кончается на гласный (*bagdy-q*). В этом аффиксе вследствие стяжения выпал компонент *ba*, *bi*, обозначавший лицо; такое выпадение наблюдается и в других случаях, например: чул. *rārdy-s* 'мы ушли', употребляемое наряду с *rārdy-wy-s*. Аналогичный пример приводит Н. А. Баскаков для туркменского языка: *alar-yn* < *alar-тун* 'я возьму', *alar-ys* < *alar-тус* 'мы возьмем'¹². Так как в форме императива 3 л. значение числа формально четко отделено от значения лица (чул. *раг-зуп-паг* 'пусть они дойдут', якут. *kōrdün-pāg* 'пусть они посмотрят'), то естественно предположить это и для

⁹ N. Porre. Introduction to mongolian comparative studies. Helsinki, 1955, стр. 176.

¹⁰ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 15—18.

¹¹ Е. И. Убрятова. Задачи сравнительного изучения тюркских языков. — «Тюркологический сборник». М., 1970, стр. 72 и сл.

¹² См.: Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. II, стр. 268.

1 л.: чул. *paqaq-tar* 'сходим все', *suraq-tar* 'спросим', *pügäk-tär* 'согнем', *regäk-tär* 'дадим'; последние содержат компонент, указывающий на совместность (*ta*) и суффикс одушевленного множества $r < *l$. В шорских и хакасских вариантах на *-äŋ*, которые А. Н. Кононов возводит к форме **aŋaŋ*, сопоставляемой с якут. *-aууŋ* и т. д.¹³, γ входит в ряд чередования $b > \omega > \gamma$, то есть восходит к *b*: якут. *kögüö-γŋ* $< *kögüö-bŋ$, в котором **bŋ* ~ *туŋ* когда-то означало «мы разного пола». Однако звук γ , имеющийся в этой якутской форме, не следует смешивать со звуком γ , указанным А. Н. Кононовым¹⁴ в составе слова *gedaγep* 'пойдем я и вы (многие)'. Это γ входит в ряд $\gamma \sim \eta \sim q$ и поэтому конечное *n* этого слова нельзя отождествлять с показателем двойственности η ; аффикс *n* здесь исконный доалтайский, сохранившийся в определенных фонетических условиях (**ked-aŋ-en* $> *kedaγep$). А. Н. Кононов прав, говоря, что убедительных тюркских примеров образования множественного числа посредством суффикса $q \sim \eta$ не имеется; возможно, что сюда относится только *ajaq* 'нога' от *ai* 'шагать, ступать' (по аналогии с енисейскими нормами **ai-a-ŋ* 'шаг-делать-множественно'). Но насколько рискованно делать выводы на основании единичных случаев, видно из следующего примера: *qanät* 'крыло', в котором *t* отделяют как показатель числа; ср. с этим якут. *qunat*, *qujat*, с.-уйг. *quinat*¹⁵. В кетском языке (сым.) это слово звучит *keiat*, мн. ч. *keñadin*, имб. *keiet*, мн. ч. *keñeden*. Первый компонент представляет собой прилагательное «летательный» (*kei* — ед. ч., *keŋ* — мн. ч.), второй компонент *at* 'кость', мн. ч. *adaŋ*. Тождество тюркского слова с этим кетским не вызывает сомнения; конечное *t*, очевидно, неотделимо.

Рассмотренный суффикс $-q < -\eta$ является, по-видимому, тождественным с общеуральским показателем двойственного числа¹⁶; он обозначал только число, но не лицо; это доказывают данные селькупского языка с его личными окончаниями двойственного числа: *-wi* 'мы вдвоем', *-li* 'вы вдвоем', *-di* 'они вдвоем'¹⁷.

В тюркских языках при их формировании была использована одна из имевшихся в доалтайском языковом состоянии возможностей для выражения близких значений эксклюзивности (двойственности) и инклюзивности или совокупной множественности (суффиксы *-n*, *-ŋ* и *-t*). Суффикс *-n* не мог быть использован для выражения двойственности, так как это привело бы к омонимии с единственным числом. Оставался доалтайский суффикс *-ŋ*, который и был использован для обозначения двойственности — категории, впоследствии сохранившейся только в трех указанных выше языках.

4. Слова, обозначавшие **неодушевленные предметы или вещи**, в енисейских языках во множественном числе оставались неизменными или присоединяли к себе суффикс *-ŋ*. Без изменений они оставались в том случае, когда множество рассматривалось как совокупность без выделения составляющих его единиц. В урало-алтайских языках суффикс *-ŋ* не мог быть использован для этой категории существительных, так как он применялся для выражения идеи двойственности и эксклюзивности —

¹³ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 9.

¹⁴ Там же, стр. 12.

¹⁵ M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969.

¹⁶ B. Collinder. Comparativ Grammar of the uralic languages. Stockholm, 1960, стр. 302.

¹⁷ А. П. Дульзон. Опыт исторической интерпретации селькупских глагольных форм. — «Советское финно-угроведение», V, 1969, стр. 206.

инклюзивности. Нужные аффиксы были выработаны сравнительно позднее, независимо в разных местах, однако везде с использованием языковых средств доурало-алтайского периода.

В результате такого развития у существительных в урало-алтайских языках появилось значительное количество показателей собирательного множества. Некоторое представление о языковом состоянии в эпоху сложения аффиксов числа дают говоры северной периферии селькупского языка, в которых этот процесс еще продолжается.

Приведем примеры из говора селькупов Елогуя, левого притока Енисея, переселившихся сюда из Ратты на Тазе. В этом говоре формами числа четко различаются два класса существительных — одушевленные и неодушевленные; одушевленные образуют множественное число посредством суффикса *-n*, соответствующего енисейскому *-n*, а неодушевленные — посредством суффикса *-ту*, употребляемого также самостоятельно в значении «вещь»; например: *ote* 'олень' — мн. ч. *oten*; *turn'a* 'телепнок' — *turn'än*; *hog* 'бык' — *hogun*; *pake* 'чирок' — *paken*; *qum* 'человек' — *qumun*; *limbə* 'орел' — *limbyn*; *č'ingə* 'лебедь' — *č'ingun*; *töge* 'гусь' — *tögen*; *sur* 'зверь' — *surun*; *qōsa* 'окунь' — *qōsan*.

У существительных, обозначающих неодушевленные предметы, название самого объекта оформляется в виде прилагательного на *-i*, выступающего в функции определения к слову *ту* 'вещь', например: *alāka* 'лодка (дошатая)' — мн. ч. *alāgaimu*; *aŋda* 'лодка' — *aŋdaimu*; *mō* 'ветка' — *moimu*; *tō* 'озеро' — *toimu*; *ün* 'вино' — *ütiimu* 'напитки', *opt* 'волос' — *optiimu*; *nykyr* 'вышивка' — *nykyruimu*; *sai* 'глаз' — *saimu*; *püssai* 'бисер' — *püssaimu*; *pū* 'камень' — *püimu*.

Названия одушевленных предметов также встречаются с формой на *-ту*, например: *qōsan* 'окуни (живые)' — *qōsaimu* 'окуни (неживые)'; *töt* 'выдра' — мн. ч. *töteimu*; *sengə* 'глухарь' — *seigeimu*; *loya* 'лисица' — *loyaimu*. Множественное число в таких оборотах может быть еще особо обозначено суффиксом *-n*, например: *iga* 'самец' — мн. ч. *igai-ту-n*, *ima* 'самка' — *imai-ту-n*; *suryja* 'птичка' — *suryjai-ту-n*; *tenəyute* 'глупец (безумный)' — *tenəyutei-ту-n*.

Такие формы встречаются также у названий вещей, например: *aŋda* 'лодка' — *aŋdei-ту-n*; *tira* 'гвоздь' — *tipei-ту-n*. Суффикс *-n*, как правило, принимают притяжательные формы во множественном числе, например: *yletə* 'его дно' — *yle-it-en* 'их донья', *taŋət* 'его обруч' — *taŋe-it-en* 'его обручи'; *uqur tamdyr* 'однофамилец (одного рода)' — мн. ч. *uqur tamdyr-it-en*; *č'ondersan* 'его одеяло' — мн. ч. *č'ondersa-it-en*; *č'ura* 'слеза' — *č'urai-ту* 'слезы' — *č'ura-it-en* 'его слезы'; *lötyr* 'его кость' — *lö-it-en* 'его кости'.

Именительный падеж единственного числа вещественного имени может обозначать как единичный предмет, так и недифференцированное множество. Для выделения единицы к такому имени прибавляется слово *laka* 'кусочек', например: *pül-laka* 'отдельный камешек'; *püssai-laka* 'бисеринка'; *č'iyə-laka* 'поляна', *nyka-laka* 'горка (одиночная)', *sury-laka* 'комоч снега' (*suryeimu* 'много снега'). Такие образования могут присоединять аффикс *-ту*, например: *nyka-lakai-ту* 'ряд одиночных горок', *č'iyə-lakai-ту* 'ряд отдельных полянок'.

Скученность предметов выражается посредством прибавления к имени слова *maŋga*, например: *qosai maŋga* 'куча (стая) окуней', *nütyi maŋga* 'куча снега', *qanaŋ maŋga* 'свора собак'; она может служить осно-

вой для образования множественного числа, например: $qapai-margei-my$ 'своры собак'.

Неисчисляемое множество выражается посредством прибавления слова $m'äkt$ 'множество', например: $ture$ 'овод' — мн. ч. $turei-m'äkt$; $rö$ 'дерево' — $roi-m'äkt$ 'лес'; $rü$ 'камень' — $rüi-mekt$ 'множество камней'; $keič'a$ 'обрыв' — $keič'eimü$ 'обрывы' — $keič'ei-mekt$ 'множество обрывов'; $taḡa$ 'обруч' — $taḡei-m'äkt$ 'много обручей'; $surgai$ 'оборка' — мн. ч. $surgaimü$, $surgai-m'äkt$; $č'aḡ$ 'сеть' — мн. ч. $č'aḡei-mekt$. В южных диалектах селькупского языка остались только следы такого состояния; здесь множественное число любых существительных образуется посредством аффикса $-la$.

Показатели множественного числа вещественных существительных, возникшие в уральское и алтайское время, были выработаны на основе имевшихся к тому времени понятий множества. Судя по наличным языковым формам, таких понятий было два: 1) сосредоточенность предметов, осуществленная человеком, или собирательное множество; 2) сосредоточенность предметов, возникшая независимо от человека, или простое скопление. Эти два понятия связывают новое понятие множественного числа с предшествующей классной системой.

В енисейских языках значение совместности и скопления выражалось аффиксом a без префикса или с префиксами s , q и t (a , sa , qa , ta) глагольного происхождения со значением «сопровождать». Глагольное значение сопутствования или сопровождения енисейского аффикса $-e$, $-a$ ярко выступает в формах, аналогичных тюркским деепричастиям на $-e$, $-a$, например: кет. $tip onte-t toqtere$ (< $toqtet-e$) $oḡotn$ 'кобель сзади прыгая бежит'; $bure sesoqs-e de āniḡilbet$ 'она сидя задумалась'; $pan da aqqaber-e binde de askansiye$ 'заквашивая хлеб, она сама рассказывала'; $doḡol qurtyr-e bint saldowet$ 'заостряя рогульку, он курил'. В отличие от тюркских оборотов, кетские имеют форму лица. Встречаются случаи предикативного употребления имен, к которым присоединен этот суффикс, например: сым. $bu s'y-ta-x-do$ 'он кажется в годах (в летах)' ($s'y$ 'год', $s'y-ta-q$ 'с годами', do 'он есть'). Аффикс a с комитативным или орудным значением встречается в енисейских языках в вариантах a , fa , pa , sa и as в функции показателя совместно-орудного падежа. Перечисленные варианты представляют собой презентную основу, наряду с которой когда-то существовала претеритальная основа $*-la$, сохранившаяся в урало-алтайских языках. Все эти аффиксы служили для выражения понятия компактного множества. Для обозначения рассредоточенности множества использовался тот же аффикс $-a$ с директивным префиксом t - (ta). Из подобных аффиксов в тюркских языках широко распространены $-pa$, $-la$ и $-sa$ ¹⁸ в падежеобразных оборотах; аффикс множественного числа la -г содержит это $-la$ с совместно-орудным значением, к которому присоединен древний показатель множественного числа $-r$ < t ¹⁹. Суффикс $-lar$ тюркских языков имеет свое соответствие в сложном тунгусо-маньчжурском суффиксе $-sal$ ²⁰. Так как у этих суффиксов совпадают значения первых их частей (комитативность, совместность), то естественно считать, что совпадают также значения конечных согласных (la -г, sa -л). А так как начальные части (la -, sa -) исторически тождественны, то можно допу-

¹⁸ См.: А. П. Дульзон. Кетско-тюркские параллели в области склонения. — «Советская тюркология», 1971, № 1, стр. 24—26.

¹⁹ А. П. Дульзон. Общность падежных аффиксов самодийских языков с енисейскими. — «Вопросы финно-угроведения», вып. V. Йошкар-Ола, 1970, стр. 36.

²⁰ О применении этого аффикса в отдельных языках см.: В. И. Цинциус. Сравнительная фонетика тунгусских языков. Л., 1949, стр. 254; J. Benzing. Die tungusischen Sprachen. Wiesbaden, 1955, §§ 85, 87, 79, 80.

стить также тождественность конечных согласных ($r \sim l < *t$). В селькупском языке $-la$ стало самым распространенным показателем множественного числа, в тюркских языках суффикс $-la$, как и $-sa$ в тунгусских, не стал еще показателем числа. Но начало для такого развития в этих языках имелось. Достаточно привести употребление $-la$ в значении показателя множественного числа у Махмуда Кашгари²¹, употребление $-sa$ и $-ta$ в значении показателей множественного числа в маньчжурских языках, а также переогласовку морфемы $-su-l < *sa-l$, подобно переогласовке $-ba > -bu$ 'я—мы'. Показатель $-r$ в основах на $-n$ (эвенк. $ogon$ 'олень', мн. ч. $ogog$) можно объяснить исходя из $*-nt > *nd > *nr > r$; оба варианта: $-r$ и $-l$ в конечном счете восходят к доалтайскому классному показателю $-t$ одушевленного множества. В числе единичных, но показательных примеров можно привести эвенк. $тб-sa$ 'лес', сопоставляемое с сельк. $рб-n-za-q$, $рб-n-za-η$ 'лес', $рб-sa-i-тэп$ 'по лесу', где $тб$ и $рб$ означают «дерево».

Суффикс $-tai$, представляющий собой форму состояния ($ta-i$), общую по происхождению с кетским $-ta$, распространен во всех монгольских языках в функции суффикса совместного падежа. Отметим попутно, что аналог этого суффикса $-sei \sim \text{ʒei} < *sa-i$ в нган. языке стал показателем для совокупности предметов, например: $lū$ 'одежда', $haimu$ 'обувь' (одна вещь или вообще) — $lū\text{ʒei}$, $lū'\text{ʒei}$ 'вся одежда'; $haimu\text{ʒei}$, $haimui-\text{ʒei}$ 'вся обувь'. Тот же аффикс ta с конечным n ($ta-n$) широко распространен в функции словообразовательного суффикса существительных с собирательным значением, например: бур. $agātan$ 'хищники' ($agān$ 'клык'), $sa-gātan$ 'белые' ($sagān$ 'белый')²², монг. $tugūtan$ 'копытные' ($tugū$ 'копыто'), $sexētan$ 'интеллигенция' ($sexē$ 'ум'), $erdemten$ 'образованные люди' ($erdem$ 'образование')²³; аналогично в калм. $xumsth$ 'звери с когтями', $āmtn$ 'все живое'²⁴. Конечное $-n$ этого суффикса, тождественное с енисейским $-n$, является показателем множественного числа.

Особенно многочисленны средства образования множественного числа в монгольских языках. Г. Д. Санжеев²⁵ сводит их к следующим архетипам: 1) $-d, -s$, представленные в виде $-d, -ud, -ūd, -d; -s, -hūd < sūd$; 2) $-nar$, представленный в виде $-nar, -nad$; 3) $-čul$, представленный в виде $-čul, -čül, -šül, -čūd, -šūd$. Из них, по его словам, последние два являются показателями множественной собирательности живых существ (только людей!). Рассмотрим сначала последний суффикс. Если принять, что $či$ представляет собой словообразовательный аффикс²⁶, то идея собирательности должна содержаться в конечном звуке $-l < *la$ или $-al$. Огласовка $či$ из $-či, -ča$ была получена благодаря тому, что аффикс в целом был введен в систему образования множественного числа посредством вариации гласных; ср. бур. $adū-ša-n$ 'табунщик' ($adūn$ 'табун'), $mal-ša-n$ 'скотовод' (mal 'скот'), $bulga-ša-n$ 'соболятник' ($bulgan$ 'соболь'); $baga-šu-ul$ 'детвора' ($baga$ 'маленький'), $baja-šu-ul$ 'богачи' ($bajan$ 'богатый')²⁷; здесь $l < *la$ служит показателем собирательного множественного числа. Варианты $-šūd, -čūd$, по распространенному мнению, возникли из $-d$ и $-čül$ в результате контаминации.

²¹ См.: Махмуд Кашгарий. Девону луғотит турк. Индекс-луғат. Тошкент, 1967, стр. 433—434.

²² Грамматика бурятского языка. М., 1962, стр. 68.

²³ Б. Х. Тодаева. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, стр. 53.

²⁴ G. J. Rámstedt. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935, стр. 197а, 22а.

²⁵ См.: Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953, стр. 138.

²⁶ N. Porpe. Introduction, § 115, 122.

²⁷ Грамматика бурятского языка. М., 1962, стр. 67, 69.

В связи с отсутствием оснований считать аффикс $-l < *la$ заимствованным возникают сомнения в том, что встречающийся в западномонгольских говорах средневековья суффикс $-lar$ ($d\bar{e}l$ 'шуба' — мн. ч. $del-l\bar{e}r$ 'шубы'; $abalaba$ 'он охотился' — $abalaba-lar$ 'они охотились') заимствован из тюркских языков; от $-la$, выражающего собирательность, суффикс lar отличается только тем, что к нему прибавлен показатель одушевленного множества $-r$. Если же допустить исконную монголо-тюркскую общность суффикса $-l, -lar$, то это допущение можно распространить также и на его вариант $-nar$, в котором выделяется $-na-$ с собирательным значением. Существительные, образующие множественное число посредством суффикса $-nar$, относятся преимущественно к выделенной нами выше группе имен, которые в доалтайское время относились к именному классу $-d$.

В отношении старописьменного монгольского суффикса множественного числа $-nu\bar{y}ud$ ²⁸ можно принять мнение Н. Поппе, согласно которому он возник в результате переразложения основ на $-n$, то есть $nu\bar{y}ud < *n-u\bar{y}ud$, где y является вставочным звуком между двумя гласными²⁹.

Показатель множественного числа $-s$, вероятно, восходит к аффиксу собирательности $-sa$ или $-as$; в пользу этого предположения говорит его отсутствие среди показателей множественного числа у слов первой группы и бур. $-h\bar{u}d < *s\bar{u}d$ ³⁰, например: бур. $po\bar{h}oi\bar{h}\bar{u}d < *po\bar{h}oi-sa-ud$ (похой 'собака'), $\check{s}ono\bar{h}\bar{u}d$ 'волки' из $*\check{s}ono-sa-ud$. Монгольский суффикс $-s\bar{u}d$ имеет свое соответствие в тунгусском — $-sal, -sul$.

Особый интерес представляет калмыцкий суффикс $-m\bar{u}d$, употребляющийся у основ с конечным согласным (кроме $-n$); например: $tug-m\bar{u}d$ 'знамена' (tug 'знамя'), $terz-m\bar{u}d$ 'окна' ($terz$ 'окно'); $axn\bar{g}m\bar{u}d$ ($< axa-pag-m\bar{u}d$) 'старшие' (аха 'старший', мн. ч. $axn\bar{a}r$). Возникновение этого суффикса можно объяснить исходя из $tu-ud$, где tu восходит к $*tu \sim wy$. У названий вещей, как и названий одушевленных предметов, этот суффикс, по-видимому, подчеркивал их совокупность. Образования типа бур. $axn\bar{g}m\bar{u}d$ являются точной аналогией образований типа сельк. $itai-mu-p$ 'группа самок'; суть здесь не в двойном обозначении множественного числа, а в том, что это слова с двумя аффиксами близкого значения.

Бурятский суффикс $-m\bar{u}d$ дает нам ключ к пониманию варианта $-ud$. Так как $tu < *tu$ имеет t , восходящее к доалт. $b \sim w$, можно думать, что $-ud$ восходит к $wi-d$, в котором w исчезло в интервокальной позиции³¹.

Итак, можно заключить, что монгольские языки сохранили два показателя множественного числа: $d \sim t$ и n , которые представлены были уже в доурало-алтайском. Возможно, сюда следует отнести также $-n$, встречающийся в халх. и бур. названиях, относящихся ко второй и третьей группе существительных, как, например: бур. $morit\bar{o}-n$ 'всадники' (ед. ч. $morit\bar{o} < *moritai$)³².

Таким образом, как мы убедились, все показатели множественности алтайских языков возникли из исходного материала, имевшегося еще в доалтайское время. Все суффиксы множественного числа у слов первой группы восходят к классным показателям. Классное происхождение суф-

²⁸ См.: Г. Д. Санжеев. Старописьменный монгольский язык. М., 1964, стр. 60.

²⁹ N. Porre. Introduction, § 120, 121.

³⁰ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика, стр. 128.

³¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халкасского наречия. Л., 1929.

³² N. Porre. Introduction, стр. 176.

фиксов множественного числа хорошо прослеживается также у второй группы слов, у которых множество может рассматриваться как коллектив, и в меньшей степени — у третьей. Для образования множественного числа у слов четвертой группы использовались падежеобразные способы выражения понятия множества как для собирательного его значения (то есть осуществленного человеком), так и для скопления предметов, возникшего независимо от человека. Эти показатели множества стали в последующем у существительных всеобщими формантами категории числа.

А. Т. КАЙДАРОВ

РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОДНИХ И ТЕХ ЖЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Историко-сравнительный метод изучения близкородственных языков предполагает сравнительное описание не только однородных грамматических явлений, свидетельствующих о родстве этих языков, но и различий, возникших в результате их длительного самостоятельного развития и внутриязыковой дифференциации. В этой связи определенный научный интерес представляет изучение различных морфологических средств, выражающих одинаковые или близкие по значению грамматические отношения в системе уйгурского и казахского языков.

Сравнительное изучение фактов близкородственных языков показывает, что грамматические единицы в структурах этих языков могут соотноситься по-разному. Как правило, они совпадают по своим внутренним признакам, то есть выработанным веками значениям грамматических отношений, тогда как во внешних признаках, то есть в формальных показателях грамматических единиц, всегда обнаруживаются определенные отклонения, по которым и приходится судить о степени родства тех или иных языков внутри одной группы.

Различия в средствах выражения грамматических отношений наблюдаются на всех уровнях языка, но более рельефно они выступают в формах словообразования и словоизменения, а также в синтаксических конструкциях (падежное управление, порядок слов и т. д.). Наряду с общими морфологическими элементами в уйгурском и казахском языках обнаруживается очень много специфических для каждого из них форм; значения таких форм в другом языке находят иное выражение.

Сравним некоторые грамматические конструкции в уйгурском и казахском языках, имеющие общее значение: уйг. *Iştin kajtkaç sän maña jolukup k'ät* || каз. *Žumystan kajtu žolynda (kajtarynda) sen mañan žoly-yp k'et* 'Возвращаясь с работы, по пути зайди ко мне'; уйг. *U bügün k'älgidäk'* (*U bügün k'älgidäk'miš*) || каз. *Ol bügin k'eletin tärizdi (Ol bügin k'eletin k'örinedi)* 'Говорят, что он придет (придет) сегодня'. В этих примерах одни и те же грамматические отношения передаются разными грамматическими показателями. Причем, в уйгурском языке представлены синтетические формы (ср. *kajtkaç, k'älgidäk'* || *k'älgidäk'miš*), тогда как в казахском — аналитические (ср. *kajtu žolynda, k'eletin tärizdi* || *k'eletin k'örinedi*). Ср. еще: уйг. *Barğansiri k'ün kiskiravatidu* || каз. *k'ün barğan sajn kyskarıp bara žatır* 'День становится все короче'; *U heliği-čä k'älgändu* || каз. *Ol endige dejin (endigi) kelgen şuyar* 'Он, наверное, до сих пор (к этому времени) пришел (приехал)' и др. В данных примерах для выражения одинаковых грамматических значений используются

как морфологические формы, так и синтаксические конструкции. В казахском языке, в отличие от уйгурского, последние носят описательный характер и поэтому более пространны.

В тюркологической литературе уделяется мало внимания сравнительному изучению стяженных грамматических форм. Между тем в особенностях и принципах слияний и стяжений словоформ, восходящих к сочетаниям самостоятельных слов в том или ином грамматическом оформлении, находят наглядное выражение многие индивидуальные черты конкретных языков.

В уйгурском и казахском языках имеются стяженные формы сложных глаголов, выражающие различные грамматические отношения. При этом одинаковые грамматические отношения в одном случае могут быть выражены более полной формой глагольных сочетаний, а в другом — стяженной формой. Например, уйг. *k'elivatidu* || *k'evatidu* 'он идет (к нам)' — форма настоящего-продолженного времени — восходит к *k'el+ip+jat+a+dur*; этой стяженной глагольной форме в казахском языке соответствует *k'ele žatug* — расчлененное глагольное сочетание.

Следует отметить, что глагольные формы сравниваемых языков содержат разные морфологические показатели. Одинаковой остается лишь основа (ср. *k'äl-~k'el-*, *-ip~ -e*, *jat-~žat-*, *-a+ -dur~ -ug*). В уйгурском языке для выражения значения давнопрошедшего времени и будущего времени глагола в протазисе условного периода употребляются стяженные формы: *baratti* || *baridiyandi*, соответственно восходящие к сочетаниям *bar+ar+edi* || *bar+a+tur+yan+edi*. В казахском языке им соответствуют *bar+a+tyn* или *bar+a+tyn edi* (<*bar+a+tur+yan edi* <*bar+a+tyn edi*). Здесь уйг. *baridiyandi* || каз. *baratyn edi* построены на основе одной общей грамматической модели, но находятся на разных ступенях слияния. Однако уйгурская стяженная форма глагола *baratti* (спрягаемого как *barattim*, *barattin*, *baratti*, *barattiniz*, *barattuk*, *barattinlar*, *baratti*, *barmattim*, *barmattin*) с формальной стороны не соотносится ни с *baridiyandi*, ни с *baratyn* || *baratyn edi*. Исходная форма этого слитного глагола в уйгурском языке (*bar+ar edi*) практически почти не употребляется, и в качестве литературно-орфографической нормы принято *baratti*. В казахском языке соответствующая форма отсутствует.

Различен в сравниваемых языках и порядок присоединения словообразовательных и словоизменяющих аффиксов. В уйгурском языке личные окончания глагола, как правило, стоят после вопросительной частицы (ср. *Siz baramsiz?* 'Вы пойдете?'), тогда как в казахском языке личное окончание глагола может не только следовать за вопросительной частицей (ср. *Siz k'elemisiz?* 'Вы приедете?'), но и предшествовать ей: *Siz k'elesiz be?* В узбекском языке вопросительная частица следует только за личными окончаниями глагола. Характерно, что в казахском языке употребление указанных вариантов стилистически дифференцировано: *Siz k'elesiz be?* считается литературным вариантом, выражающим идею прямого вопроса, а *Siz k'elemisiz?* относится больше к разговорной речи и выражает идею вопроса с оттенком фамильярности. Именно подобные, на первый взгляд незначительные факты показывают, что родственные языки в ходе своего длительного и самостоятельного развития приобретают много своеобразных черт и по-разному реализуют свои средства для выражения одних и тех же грамматических значений.

В этом отношении исключительно большой интерес представляет сравнительное изучение функций падежей, управляемых глагольными формами в уйгурском и казахском языках. Как показывают факты, про-

странственные падежи уйгурского и казахского языков, совпадая во всех своих основных функциях, обладают рядом признаков, характеризующих индивидуальные особенности и своеобразные пути развития каждого из них. Эти особенности, конечно, не затрагивают основу и систему парадигмы склонения, являющихся для современных тюркских языков общими во всех своих номинативных функциях. Но тем не менее определенные отклонения от основных функций, параллельное и факультативное употребление падежей в двух и более значениях не должны остаться без внимания.

Так, например, в современном уйгурском языке глаголы движения, состояния и чувственного восприятия могут управлять местным падежом, выражающим при этом инструментальное значение русского творительного падежа: Aldirimisaŋ **harvuda toŝkan alarsän** 'Не будешь торопиться — и на телеге догонишь зайца'; K'öräŋ **ayzidä šär alidu** 'Хвастун языком (букв. во рту) покоряет город'; Piŝniŋ **aččivida čaranni otka salma** 'Разгневавшись на вошь, не бросай чапан в огонь'; K'išiniŋ **täritidä namaz ötäptü** 'За счет (ритуального) омовения другого (самому) совершить молитву'; Čöčäk'tä **tögä suyaŋandäk'** 'Точно так же, как поить верблюда из блюда'; Män jaŋa nemä kildim, jaman **k'özidä karap** 'Что я сделал любимой, что заслужил ее недобрый взгляд'; Bu gäpni šivak **süpügidä mantini süpürüvatkan Aznixan aŋlimidi** 'Азнихан, подметавшая углубленную площадку перед очагом веником из ковыля, этого разговора не слышала'; Tüz **jolda maŋŋan adäm buzulmas** 'Человек, идущий прямой дорогой, не испортится'; Pahtiniŋ **k'öp kismi žukri sortta ötti** 'Большая часть хлопка прошла высшим сортом' и др.

Во всех этих примерах глаголы *almak, salmak, ötmäk', suyaŋmak, karimak, süpürmäk', maŋmak, ötk'äzmäk'* управляют местным падежом, выражающим значение русского творительно-инструментального падежа, тогда как в казахском языке при этих же глаголах употребляются творительный падеж или послеложная конструкция. Ср.: *Ayukraŋan arbatmen kojanŋa žeter* 'Тот, кто не спешит, и на арбе догонит зайца'; *Auzymen orak oŋannuŋ beli auyŋmas* 'У того, кто работает языком (букв. жнет ртом), спина не болит'; *Bittiŋ ašuymen tonuŋdy otka salma* 'Разгневавшись на вошь, не бросай в огонь шубу'; *Bireüdiŋ дәретимен namaz ötepti* 'За счет (ритуального) омовения другого (самому) совершить молитву'; *Tüjeni tostayanmen suyaŋan tärizdi* 'Точно так же, как поить верблюда из блюда'; *syuyŋymen syuyŋu* 'подметать веником'; *Öz akylymen k'ün k'örgen k'edej bolmas* 'Тот, кто живет своим умом, не будет бедным'; *Makta birinši sortpen ötti* 'Хлопок прошел первым сортом' и т. д.

Однако встречаются конструкции и с местным падежом, например, *Men seniŋ arkaŋda k'ün k'öŋip žürmin* 'Я живу благодаря тебе'.

Таким образом, мы обнаруживаем функциональное соответствие между местным падежом уйгурского языка и творительным падежом¹ казахского языка. При этом следует оговориться, что глагольное управление формой местного падежа в современном уйгурском языке не имеет столь последовательный и системный характер, как управление творительным падежом в казахском языке. Конструкция с местным падежом в уйгурском языке выступает как архаичный вариант и употребляется в силу определенной языковой традиции. Инструментальное значение русского творительного падежа в уйгурском литературном языке в большинстве случаев выражается аналитически при помощи послелога *bilän*, ко-

¹ В казахском языкознании творительным падежом принято считать форму *-мен||-пен*, восходящую к послелогу *bilän < birläŋ*. См.: Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, стр. 157.

торый, помимо этого значения, передает еще значение совместности или соучастия в совершении того или иного действия: Biz järni traktor bilän hajdiduk 'Мы вспахали землю трактором'; Jamıur bilän jär k'ök'irär, ämgäk' bilän-är 'Благодаря дождю (букв. дождем) земля покрывается травой, благодаря труду возвышается человек; Mosk'vaya män K'ärim bilän k'äldim 'В Москву я приехал с Каримом' и т. д.

Попытаемся теперь выяснить причину такой функциональной двойственности конструкции с местным падежом в уйгурском языке и по возможности уточнить, в каких именно случаях она выступает как семантический вариант послеложной конструкции и в каких — не может заменить последнюю. Для этого сопоставим различные значения творительного падежа в казахском языке.

В современном казахском языке этот падеж имеет примерно те же значения, какие имеют орудийный и совместный падежи в якутском языке, творительно-совместный — в хакасском² и предложный — в русском³.

1) Ol tamakty kasykpen žedi 'Он ел (пищу) ложкой' (указание на предмет, орудие, при помощи которого совершается действие);

2) Ol munda menimen k'eldi 'Он сюда пришел (приехал) со мной' (выражается совместность или соучастие лиц в совершении того или иного действия);

3) Ol bizdik'inc žolmen k'eldi 'Он пришел (приехал) к нам дорогой (по дороге)' (указание на предмет, по которому или вдоль которого совершается действие, движение);

4) Ol kalaya k'elisimen okıya k'irgdi 'Он, как только приехал в город, поступил учиться' (значение времени, после которого совершается то или иное действие).

Местный падеж в уйгурском языке имеет только два из этих четырех значений творительного падежа в казахском языке: орудийное и пространственное. Конструкция с местным падежом в современном уйгурском языке выражает значение инструментальности, что свидетельствует о более древней природе местного падежа в парадигме склонения тюркских языков и о более позднем появлении послеложной конструкции, в которой послелог в отдельных языках выполняет падежную функцию. Этим в какой-то мере объясняется, например, частое употребление в уйгурском языке местного падежа в значении творительно-инструментального в пословицах, поговорках и других образцах устного народного творчества.

Местный падеж в тюркских языках, как видно из примеров, выполняет не двойную функцию, что единодушно утверждает тюркологами, а несет гораздо большую нагрузку. Так, кроме своей основной функции и функции исходного падежа, местный падеж в тюркских языках выполняет также функции творительного, направительного и других падежей.

В историческом плане местный падеж является наиболее древним и, по мнению ученых⁴, послужил основой для образования в последующем исходного падежа, а до возникновения последнего выполнял его функцию⁵, что особенно ясно прослеживается в древнеуйгурском языке. Из

² См.: Э. В. Севортян. Категория падежа. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. Морфология. М., 1956, стр. 61—62.

³ См.: В. А. Исенгалиева. Употребление падежей в казахском и русском языках. Алма-Ата, 1961, стр. 104—105.

⁴ См.: Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 55; Дж. Г. Киекбаев. О происхождении падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности и неопределенности. — В сб.: «Вопросы методологии и методики лингвистических исследований». Уфа, 1966, стр. 176—177 и др.

⁵ Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 56.

современных языков, в которых наблюдается функционирование местного падежа в роли направительного, можно назвать, например, уйгурский (ср. *silärñik'idä barmajtän* 'я не пойду к вам')⁶, некоторые узбекские говоры⁷, где направительный падеж, в свою очередь, выступает в роли местного падежа (ср. уйг.: *U nanni tonuça jakti* 'Она испекла хлеб в тандыре').

Факты уйгурского и казахского языков показывают, что функции местного падежа продолжают развиваться и его употребление расширяется. Так, например, в последнее время в уйгурском, казахском и в ряде других тюркских языков получили развитие (особенно в языке прессы) формы настоящего-длительного и прошедшего-длительного времени, образованные с помощью окончания местного падежа: уйг. *-maktal||-mäk'tä* (в каз. *-uda||-üde*: *Deputatlarnıñ sajlıyıcılar aldıda pat-pat hesavat berip turuşını ujuşturuşmu jaxsi nätizilär bärmäk'tä* 'Организация частых отчетов депутатов перед избирателями также дает хорошие результаты'; *Oktjabr revoljutsijasınuñ 50 žyldyk merək'esi karsaınında eñbek' karkınu k'ün sanar ösüde* 'Накануне 50-летнего юбилея Октябрьской революции с каждым днем растет трудовой энтузиазм'. В сравниваемых языках местный падеж оформляет косвенное дополнение, обстоятельство образа действия и так далее: *Saktykta korlyk žok* (вм. *Saktyktyñ korlyu žok*) 'Бережись непредосудительно'; *Kizikçilikta unturpa k'etiptymän* (вм. *Kizikçilik bilän unturpa k'etiptymän*) 'Увлечись, я и забыл'.

Такая функционально-семантическая многоплановость местного падежа и падежей вообще говорит прежде всего о том, что тюркские языки в своем древнем состоянии располагали гораздо меньшим числом падежей, на которые, естественно, падала значительно большая нагрузка, чем в настоящее время. Однако и дальнейшее развитие парадигмы склонения не могло окончательно устранить параллелизм в семантике и функциях падежей. Только этим обстоятельством можно, пожалуй, объяснить все еще наблюдаемую семантическую многоплановость отдельных падежей, которая по-разному проявляется в различных тюркских языках, определяя тем самым отличительные особенности каждого из них.

Сказанное позволяет сделать некоторые общие выводы. Как известно, язык представляет собой совокупность весьма сложных явлений, которые могут быть рассмотрены в следующих трех аспектах: **система, структура и норма**. Установление степени родства тех или иных языков или определение места конкретного языка в системе общей классификации неизбежно приводит к необходимости проведения сравнения различных явлений языков во всех указанных аспектах.

При этом следует учесть, что структура конкретного языка, связывающая все его ярусы и определяющая его наиболее существенные признаки в их взаимообусловленности, является основным критерием при установлении степени родства с другими языками данной семьи. Однако родство языков вовсе не требует полного соответствия как систем, определяющих связи однообразных, однотипных явлений (связи по горизонтали), так и норм, представляющих собой совокупность черт отдельно взятых языков, благодаря которым обеспечивается их нормальное функционирование на данном этапе развития.

Структура языка может варьироваться только по языковым типам, охватывающим целые группы языков, и в этом смысле она может быть

⁶ Л. А. Аганина. Уйгурские диалекты Казахской ССР. Автореф. канд. дисс. М., 1954, стр. 11.

⁷ Б. Джуроев. Шахриябский говор узбекского языка. Ташкент, 1964, стр. 83—84.

положена в основу типологической классификации языков. Что же касается системы, то она всегда индивидуальна и специфична для каждого конкретного языка. Поэтому, совпадая в своих основных звеньях, системы близкородственных языков всегда имеют расхождения, объясняющиеся самостоятельным развитием каждого из них.

К элементам расхождения прежде всего относятся так называемые периферийные явления в системе родственных языков (то есть явления, не носящие системного характера), которые можно квалифицировать как межъязыковые варианты. Но межъязыковые варианты в системе родственных языков, при всем их различии, всегда выполняют определенную функцию; употребление этих вариантов регулируется существующей нормой того или иного литературного языка⁸. В одних случаях они употребляются параллельно с другими формами в силу языковой традиции, в других — в соответствии с требованиями стиля. Подобные варианты, не употребляющиеся в литературном языке, рассматриваются как явления диалектного порядка.

В нижеследующих примерах мы попытались показать многообразие способов выражения одних и тех же грамматических отношений в современном уйгурском и казахском языках. При этом мы использовали схему, предложенную Б. А. Успенским⁹.

УЙГУРСКИЙ ЯЗЫК

КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

1) местный падеж:

Helimhan unıñğa isänmigän älpäzdä karidi
'Хелимхан посмотрел на него недоверчивым
взглядом'.

Ayızida degän bilän işida jok
'Он только на языке, а не на деле'.

^v
Zärgän atni suyardim,
Länzä beşi **bulakta...**
'Я гнедого коня напоил из родника,
Находящегося выше мукомольни'.

Ili degän järlärdä un taskajdu läñzidä,
K'ičik'k'inä jarim bar kan tamidu mäñzidä
'На берегах Или, где муку просеивают
^{в мукомольне,}
У меня есть маленькая подружка с пунцовыми
щечками'.

2) направительный падеж:

Päxirdinovlar ailisi kojči Növärniñ **koliya** kaldı
'Семья Пахирдиновых осталась на иждивении
пастуха Новара'.

а) творительный падеж:

senimsizdik'pen karady...

ol auzymen ajtkanymen iste žok...

б) исходный падеж:

atty **bulaktan** suyardym...
^а

kan tamady betinen...

местный падеж:

Növärdiñ **kolynda** kaldy...

⁸ Н. Н. Коротков. Понятие системы и ее место в анализе и описании строя языка. — «Тезисы докладов на дискуссии о проблеме системности в языке». М., 1956, стр. 2—3.

⁹ Б. А. Успенский. Структурная типология языков. М., 1965, стр. 223.

3) *исходный падеж:*

Tojdin jamanlisaŋ, toj kilip bär
 'Если тебе не нравится свадебное угощение,
 сам устрой той'.
Män šu ak'amdin daimän räxirlinimän
 'Этим своим старшим братом я всегда горжусь'.

Pärištiniŋ ešigidin šajtan kizyiniptu
 'Черт ревновал осла ангела'.

Kiŝ k'ünliciriniŋ **biridä** bizniŋ mälimizgä ikki
 adäm k'äidi
 'В один из зимних дней в нашу деревню при-
 ехали двое'.

а) *винительный падеж:*

Tojdy žamandasaŋ, toj žasaп ber...

men sol **aŋajymdy** ylyyj maktanyš
 etemin...

б) *родительный падеж:*

šajtan perištiniŋ **ešegin** kyzŋanypty...

kys k'ünderiniŋ **birinde**...

М. З. ЗАКИЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

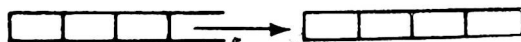
Тщательное лингвистическое изучение материалов «Дивану лугатит-тюрк» проливает свет на историю возникновения и формирования многих грамматических моделей в тюркских языках. В данном случае нас интересует вопрос, являются ли модели тюркских сложноподчиненных предложений самобытными или они возникли под влиянием других, соседних языков. Для того, чтобы ответить на этот вопрос правильно, необходимо различать несколько моделей сложноподчиненных предложений, развитие которых шло под влиянием многих факторов.

Многие алтаисты считают, что тюркские сложноподчиненные предложения группируются вокруг двух основных моделей: а) синтетической и б) аналитической. Наблюдающиеся некоторые промежуточные стилистические варианты сложноподчиненных предложений, в которых представлены одновременно как синтетические, так и аналитические средства связи, могут быть соответствующим образом грамматически интерпретированы и включены в разряд первой или второй модели.

А. Синтетическая модель характеризуется тем, что средства связи между предложениями (аффиксы, послелог и послеложные слова) входят в состав сказуемого придаточного предложения, образуя его форму. Поэтому сказуемое в подавляющем большинстве случаев не может иметь законченной формы, а придаточное предложение не соответствует индоевропейским моделям придаточных. Если предложение обозна-

чить знаком $\square\square\square\square$, а средство синтетической связи — знаком $\rightarrow$

то эта модель сложноподчиненных предложений может быть представлена следующей схемой:

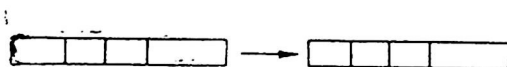
Как видно из схемы, придаточная часть предложения предшествует главной и концовка ее остается открытой: сказуемое в ней не согласовано с подлежащим. Это объясняется тем, что средство согласования сказуемого с подлежащим уступает свое место средству связи между придаточным и главным предложением. Например, в татарском предложении *Kunaklar k'ilde, şunlyktan min sezgä bara almyjm* 'Приехали гости, из-за этого я не могу к вам пойти' средство связи *şunlyktan*, состоя-

ще из указательного местоимения *şul*, заменяющего предыдущее предложение, и аффиксов *-lyk + tan*, не влияет на форму сказуемого придаточного предложения *k'ilde*. Поэтому в придаточном предложении *kunaklar k'ilde* сказуемое согласуется с подлежащим. Если указательное местоимение *şul* заменить придаточным предложением, то сказуемое вместо согласованной с подлежащим формы *k'ilde* примет форму причастия + средство связи между предложениями (*-lek' + tän*): *Kunaklar k'ilgänlek'tän, min sezgä bara almyjm* 'Из-за приезда гостей я не могу к вам пойти'.

Не признавать такие конструкции сложноподчиненными предложениями — значит решать вопрос применительно к особенностям индоевропейских языков. Между тем, «для нас очевидно, что особенности строя языка, наличные в нем грамматические категории должны быть выявлены только из материалов данного языка; когда они достаточно изучены — можно их сравнить с другими языками и создать для установленных общностей единые термины»¹.

Необходимо отметить, что в тюркских языках нередко встречается второй вариант приведенной модели, в котором при наличии синтетической связи сказуемое придаточного согласуется с подлежащим. К этому типу относятся конструкции, где средством связи выступают условные формы глагола, послеложные слова от глагола *di-* 'говорить' и другие средства. Например: *Min arysam, sin barysuy* 'Если я устану, ты поедешь'; *Sin k'ilerseñ dip aşuyur kajttym* 'Торопился сюда, думал, что ты приедешь'.

Схема этого варианта первой модели такова:

Как первый, так и второй варианты синтетической модели отражают специфическую особенность алтайского синтаксиса и зафиксированы в самых древних памятниках, являясь, по признанию всех синтаксистов, праалтайскими.

Б. В аналитической модели сказуемое придаточного имеет законченную форму так же, как и сказуемое главного предложения; средство связи не является его формой, а занимает обособленное положение, как это имеет место и в индоевропейских языках.

Средством связи в таких сложных конструкциях является интонация, союзы, союзные слова, указательные и вопросительные местоимения или другие слова, образованные на основе последних.

В начальный период исследования аналитических конструкций многие ученые утверждали, что в самих тюркских языках якобы нет сложноподчиненных предложений (синтетических моделей они вообще не признавали) и их появление объясняется влиянием других языков. Причиной такого неверного представления была, с одной стороны, незнание тюркского синтаксического строя, с другой — недооценка развитости тюркских языков.

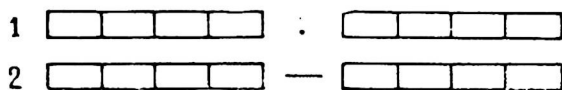
¹ А. Дувльзон. Падежные формы тюркских глагольных имен в функции предиката. — В сб.: «Вопросы тюркологии». Баку, 1971, стр. 142.

Результаты многочисленных исследований по различным вопросам сложноподчиненных предложений в тюркских языках позволяют разделить аналитические конструкции на четыре четко выраженные модели, происхождение и развитие которых обусловлено исторически.

1. Первую аналитическую модель составляют бессоюзные и союзные сложноподчиненные предложения. Название «бессоюзное» для тюркского синтаксиса не очень точно, ибо оно предполагает первичность союзных и вторичность бессоюзных конструкций. Между тем в алтайских языках дело обстоит как раз наоборот. Первичными являются бессоюзные конструкции, то есть сложноподчиненные предложения, связь компонентов которых осуществляется при помощи определенной подчинительной интонации. Первичность таких конструкций доказана многими примерами из текстов наиболее древних памятников² и тем логически бесспорным предположением, что не может быть связной речи без выражения причинно-следственных, пространственно-временных, условно-уступительных и других отношений между сообщаемыми явлениями. Вторичными следует признать союзные сложноподчиненные предложения³, образовавшиеся в результате употребления между предложениями союзных слов и союзов⁴. По мнению некоторых тюркологов, «союзный способ выражения (особенно распространенный в индоевропейских языках) не является для тюркских языков абсолютно привнесенным извне»⁵. Кроме того, исходя из фактов тюркских языков, необходимо признать, что в дальнейшем и заимствованные союзы не внесли существенного грамматического изменения в праалтайскую бессоюзную модель, и их применение, не являясь до сих пор грамматической необходимостью, обуславливается лишь стилистически. Следовательно, как первый (бессоюзный), так и второй (союзный) варианты по своему происхождению являются праалтайскими, причем активизация второго объясняется влиянием соседних индоевропейских языков. В настоящее время тюркская бессоюзная модель активно применяется во всех стилях. Что касается союзной модели, то можно говорить только о средней активности этого варианта.

Схематически оба варианта этой модели можно изобразить следующим образом:

Двоеточие выражает здесь подчинительную интонацию, тире — подчинительный союз или союзное слово.

2. Вторая разновидность аналитической модели образуется при помощи указательного местоимения, находящегося в составе главного

² См., в частности: Г. А. Абдурахманов. Исследование по старотюркскому синтаксису (XI век). М., 1967, стр. 162—185.

³ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 515.

⁴ См.: М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 321—327.

⁵ Н. З. Гаджиева. Происхождение союза *ки* в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы тюркологии». Баку, 1971, стр. 216.

предложения в качестве его члена и заменяющего не отдельное слово, а целое придаточное предложение.

Включение местоимений в разряд союзов и союзных слов нельзя считать правильным. Местоимения, осуществляя союзную связь между предложениями, одновременно являются и членами предложения.

Например: Soraxon odobli kiz, šu sababli hamma uni har jerda va har kaçon hurmatlar tunu kün (Э. Диёр). 'Сорахон воспитанная девушка, по этой причине ее все везде и всегда уважают'; Men šundaj bir iš kildimk'⁶, u ülgänimčä meni rohatdan mahrum kiladi (М. Ибрагимов). 'Я совершил такую проделку, она меня до гроба лишила спокойствия'. В этих узбекских примерах šu sababli и šundaj являются членами предложения. Заменяя придаточные предложения, они выступают как средство связи между предложениями, образуя самобытную, исконно тюркскую модель. Самобытность этой модели доказывается, во-первых, тем, что указательные местоимения еще при формировании самого языка заменяли не только слова, но и предложения; во-вторых, данная модель после синтетических и бессоюзных моделей является самой распространенной во всех тюркских языках и часто встречается в самых ранних памятниках: K'ögüg sabu antay: Tokuz oғuz budun üzä kağan olurty 'Слова лазутчика таковы: над народом токуз-огузов воссел каган'⁷;

Tiyraklanyb sekritti
Erin atyn jugrütти
Bizni kamuy aңitti
Antay sügä kim jetär⁸.

'Силой напал,
Своих мужчин пустил на нас,
Нас очень удивил, проучил,
Такой армии кто может противостоять'.

В этих примерах средством связи выступает указательное местоимение antay, заменяющее придаточное предложение. Подобные средства связи в разных тюркских языках именуется по-разному: союзы, одинарные относительные слова, лексические средства связи и т. д. Но как бы они ни назывались и куда бы ни включались — они участвуют в образовании специфических самобытных моделей сложноподчиненных предложений и признаются тюркологами самыми древними, то есть пра-алтайскими.

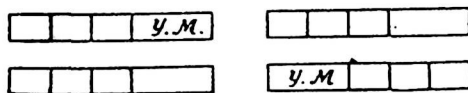
Интересно отметить, что в древнетюркском и старотюркском языках активно применялись два варианта этой модели. В первом варианте главное предложение с указательным местоимением занимало позицию в начале сложной конструкции, во втором — в ее конце. Эти варианты в различных современных тюркских языках получили неодинаковое распространение: в одних наблюдается преимущественное распространение первого варианта, в других — второго, в третьих — обоих вариантов.

⁶ Союз ki может употребляться вместе со всеми средствами связи и при всех значениях, то есть этот союз не участвует в установлении определенного, выражаемого только им отношения между предложениями (в отличие от таких союзов, как, например, šünk'i, ägär, gärgä и т. д.). Поэтому ki скорее является стилистическим средством, нежели грамматическим.

⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 61.

⁸ Махмуд Қошғарий. Девону луғотит турк, т. II. Тошкент, 1961, стр. 318—319. Далее ссылки даются на это издание.

Эта модель схематически может быть изображена следующим образом:

Здесь *у. м.* означает указательное местоимение.

3. Третья аналитическая модель образуется при помощи вопросительных местоимений, выступающих в составе придаточного предложения в качестве его члена и средства связи одновременно. Существует установившееся мнение, что эта модель полностью заимствована и не характерна для современных тюркских языков⁹. Однако при более внимательном изучении письменных памятников, особенно «Дивану лугатит-тюрк» Махмуда Кашгари, нельзя не прийти к иным выводам.

Аналитическая модель с вопросительным местоимением встречается в двух вариантах. Первый характеризуется тем, что вопросительное местоимение непосредственно не соотносится с каким-нибудь членом главного предложения. Например, в татарском предложении *k'em teli ukysun* 'кто хочет, пусть читает' вопросительное местоимение, с современной точки зрения, как бы соотносится с подразумевающимся указательным местоимением: *k'em teli, [šul] ukysun* 'кто хочет, пусть [тот] и читает'. В такой конструкции, как правило, придаточное предшествует главному, что схематически выглядит так:

Этот вариант зафиксирован уже в древнейших памятниках уйгурского письма¹⁰, и надо надеяться, что его удастся обнаружить и в рунических памятниках. Данная конструкция часто встречается в фольклорных текстах «Дивану лугатит-тюрк»: *Bolsa kimiñ altyn k'ümüş yrla itär* (III, стр. 268) 'У кого есть золото и серебро, (он) построит жилище'; *K'mni kaly satçasa k'üčün k'evär* (III, стр. 303) 'Кого он унизит, (у того) сломит силу'; *(Budun) kanda tüšär kudyil* (III, стр. 76) '(Народ) куда пойдет, туда иди'; *Kaçan k'örsä anu türk' budun ança anuñ ajdaçu* (I, стр. 335) 'Когда (если) его увидят тюрки, народ ему скажет'; *K'elsä kaly katuçlyk ärtär täjü säriñil* (III, стр. 252) 'Когда (если) придет неприятность, терпи, думая, что пройдет'; *Bütün ümlük' kañça kolsa oltu-çig* (I, стр. 228—229) 'У кого штаны целые, тот как захочет, (так) может сидеть'; *Kañça baryç bilgisiz* (I, стр. 336—337) 'Куда идут, неизвестно'; *Jilan jarbuzdin kaçar, kañça barsa, jarbuz oıru k'eler* (III, стр. 46) 'Змея убегает от ярбуза: куда идет, (туда) ярбуз идет навстречу'; *Kañçuk kaçar ol tutar* (I, стр. 203) 'Куда бы ни спрятался, он найдет' и т. д.

Как видно из примеров, вопросительное местоимение, являясь здесь средством связи, употребляется, как правило, вместе с формой услов-

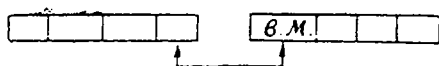
⁹ Например, этого ошибочного мнения придерживался в свое время и автор данной статьи. См.: М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 306.

¹⁰ См.: А. Матгазиев. История развития подчинительных союзов в узбекском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966, стр. 12.

ного наклонения. Однако при этом между предложениями условного отношения не устанавливается, и поэтому можно говорить лишь о стилистической роли условной формы.

Обращает на себя внимание то, что этот вариант аналитической модели еще 900 лет назад занимал прочное место в языке тюркского фольклора. Следовательно, нет оснований для утверждения, что он заимствован из других языков, тем более, что эта модель не характерна для индоевропейских и других соседствующих языков, из которых она могла бы быть заимствована. Характерно, что и в современных тюркских языках получил развитие в основном именно данный вариант рассматриваемой аналитической модели.

Второй вариант третьей аналитической модели отличается тем, что вопросительное местоимение соотносится с каким-либо членом главного предложения, а не с подразумеваемым указательным местоимением. Например, тат. *utug avlakka, kajda hiç k'eşejuk* (Г. Тукай) 'Садись в укромный уголок, где никого нет'. Вопросительное местоимение *kajda* соотносится со словом *avlak* 'укромное место'. В такой конструкции главное предложение обычно предшествует придаточному, и ее схематически можно изобразить следующим образом:

Знак $\uparrow$ $\uparrow$ обозначает соотнесенность.

В древнетюркских памятниках данная модель не зафиксирована, ее нет и в «Дивану лугат-ит-тюрк». Однако, как отмечает Г. А. Абдурахманов, в «Кутадгу билик» встречаются конструкции с *k'im*: *Bu bügdä riçäk' k'im äligtä tuğıg...* 'Этот кривой нож, который в руке...'; *Bu söz k'im sän ajduğ...* 'Это слово, которое ты произнес...'¹¹. В приведенных примерах вопросительное местоимение непосредственно соотносится с предыдущим членом главного предложения, и данная конструкция является типичным примером второго варианта третьей модели. Г. А. Абдурахманов пишет, что «в образовании конструкций с союзом *ким*, *-ки* определенное влияние оказали иранские языки... Однако было бы ошибочным все придаточные предложения с союзом *ким*, *-ки* объяснять влиянием таджикско-персидского языка». Ссылаясь на А. Габэн¹², Г. А. Абдурахманов там же продолжает: «Местоимение *ким* в роли союза употребляется уже в древнетюркском языке»¹³.

Модель с вопросительным местоимением, соотносящимся с каким-нибудь членом главного предложения, никогда не была широко распространена в тюркских языках. В настоящее время она встречается sporadически лишь в поэзии или в диалектах. Например, тат. *Ul k'eşe, kajsın ıyasırlar tudırdu* (Х. Такташ) 'Он человек, которого родили века'. Сле-

¹¹ См.: Г. А. Абдурахманов. Указ. раб., стр. 146.

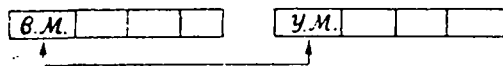
¹² См.: А. Gabain. Altürkische Grammatik... Leipzig, 1956, § 450, стр. 189—192.

¹³ Г. А. Абдурахманов. Указ. раб., стр. 146. По нашему мнению, местоимение *k'im* не всегда употреблялось в роли союза, иногда оно применялось и в качестве соотносительного слова. В вышеприведенных примерах *k'im* соотносится с конкретным членом главного предложения и поэтому в таких случаях называть его союзом было бы неправильно.

довательно, второй вариант третьей аналитической модели возник под влиянием соседних индоевропейских языков на почве преобразования первого праалтайского варианта. Однако этот вариант не получил широкого распространения, а в норму современных тюркских литературных языков не вошел вообще.

4. Четвертая аналитическая модель тюркских сложноподчиненных предложений образуется при помощи парных соотносительных слов, в роли которых выступают указательное (в составе главного) и вопросительное (в составе придаточного) местоимения в самых различных формах. Например, азерб. *Müəllim mənə nə gädär tapşırmyşdy, mən də o gädär jazdym* 'Я написал столько, сколько задал мне учитель'; тат. *Bäxetle şul baladyr, kajsy däresenə k'ünel birsä* (Г. Тукай) 'Счастлив тот ребенок, который относится к урокам с душой'.

Как и все другие аналитические модели, эта модель также встречается в двух вариантах. Первый из них характеризуется тем, что вопросительное местоимение соотносится непосредственно с указательным местоимением. В первом из вышеприведенных примеров: *nə gädär* — *o gädär*. На схеме это можно представить таким образом:

Второй вариант этой модели составляют сложные предложения, в которых вопросительное местоимение соотносится не только с указательным местоимением, но обычно и с соответствующим членом в главном предложении. В приведенном выше втором примере *kajsy* соотносится не только с *şul*, но и со словом *bala*. Схема этого варианта выглядит следующим образом:

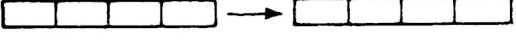

В первом варианте придаточное предложение с вопросительным местоимением обычно предшествует главному, во втором — наоборот.

Ни первый, ни второй варианты в памятниках рунического письма еще не обнаружены. Первый вариант встречается в материалах «Дивану лугат-ит-тюрк»: *Tavar k'iminiñ ök'ülsä, bäglik' aḡaḡ k'ärk'äjür* (I, стр. 343) 'У кого есть товар (богатство), ему идет должность правителя'; *Avçu näcä täf bilsä, aduḡ aḡca jol bilir* (I, стр. 320) 'Сколько хитростей знает охотник, столько способов знает и медведь'; *Talkan k'iminiñ bolsa, aḡaḡ bäk'mäs katar* (I, стр. 414) 'У кого есть толокно, тому брагу надо делать' и др. В памятниках последующих веков и в современных тюркских языках этот вариант весьма распространен. Он, видимо, образовался на основе самобытных вариантов второй и третьей аналитических моделей, а активизация его шла под влиянием индоевропейских языков.

Второй вариант, по предположению исследователей, начал употребляться лишь в период развития старотюркских литературных языков под влиянием соседних индоевропейских. В современных литературных языках он употребляется весьма пассивно.

Все вышесказанное может быть сведено в следующую таблицу:

Порядок моделей	Варианты моделей	Модели сложноподчиненных предложений	Происхождение и особенности развития
1	I		праалтайские, активные
	II		
1	I		праалтайская, активная
	II		праалтайская, активизация под влиянием др. строя
2	I		праалтайские, активные
	II		
3	I		праалтайская, средней активности под влиянием др. строя, пассивная
	II		
4	I		иратюркская, на основе праалтайских 2 [I] и 3 [I], активизация под влиянием др. строя под влиянием др. строя, пассивная
	II		

Условные обозначения:

— предложение и его члены;

— средство синтетической связи;

— подчинительная интонация;

— подчинительный союз;

— показатель соотнесенности;

у. м.

— указательное местоимение в роли средства связи;

в. м.

— вопросительное местоимение в роли средства связи.

Таким образом, тщательное изучение структуры тюркских сложных предложений, зафиксированных в исторических памятниках, в том числе и в «Дивану лугат-ит-тюрк», позволяет сделать вывод о том, что тюркские языки располагают как синтетическими, так и аналитическими моделями сложноподчиненных предложений. Происхождение подавляющего большинства из них самобытное, то есть праалтайское и пратюркское¹⁴, лишь два самых пассивных варианта образовались под влиянием индоевропейской структуры, однако и в их основе лежит несколько преобразованная самобытная модель. Следовательно, синтаксические модели из других языков могут восприниматься лишь в исключительных случаях и только при условии наличия в самом языке аналогичных моделей, подвергающихся некоторым преобразованиям. Или, вернее, влияние синтаксической модели другой структуры заключается лишь в активизации существующих аналогичных, до того пассивных конструкций.

¹⁴ Н. А. Баскаков придерживается другого взгляда и считает, что в тюркских языках лишь в четвертом периоде развития синтаксических конструкций появляются «сложные: комбинированные предложения, усложненные придаточными предложениями, конструкции которых заимствованы из других языков». (См.: Н. А. Баскаков. Природа притяжательных определительных словосочетаний и их роль в эволюции сложных синтаксических конструкций в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 23).

А. АННАУРОВ

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЕПРИЧАСТИЕМ НА -р

Тюркологическая литература не богата работами, посвященными специальному и подробному описанию всех этапов функционального развития грамматических категорий, связанных с деепричастием на -р. Имеются лишь отдельные высказывания о конкретных этапах этого процесса.

Н. А. Баскаков останавливается на пяти стадиях процесса грамматизации деепричастия:

1) самостоятельное употребление деепричастия в функции сказуемого, например: *ол келип алды* 'он пришел и взял';

2) употребление деепричастия в функции обстоятельства, например: *ол секирип джугъурды* 'он побежал вприпрыжку';

3) смысловой синтез деепричастия с постпозитивным словом, при котором выражается новое лексическое значение, например: *ол алып келди* > *ол аьпкелди* 'он принес';

4) полное слияние деепричастия с постпозитивным глаголом в одну семантическую единицу, например: *ол байып кетди* 'он стал богатеть, он разбогател';

5) полное слияние деепричастия с постпозитивным глаголом в единое фонетическое целое, например: *ал-а-ман* < *ал-а (тур-ур) -ман*; *ал-ып-пан* < *ал-ып (тур-ур) -ман*¹.

В этих пяти пунктах Н. А. Баскаков в основном правильно показал пути функционального развития грамматических категорий, связанных с деепричастием. Однако функция сказуемого в данном процессе определяется как первичная, тогда как, по-видимому, первичной функцией деепричастия является функция второстепенного члена предложения (определения, обстоятельства). Н. А. Баскаков совершенно прав, когда выводит сложный глагол с деепричастием первого компонента из свободного словосочетания (пункт 3), но нельзя согласиться, что следующим этапом этого процесса может быть видовая конструкция (пункт 4).

По нашему мнению, и сложные глаголы, и аналитические формы вида и модальности произошли от свободных словосочетаний, но разными способами.

Ниже мы попытаемся показать, как исторически протекало функциональное развитие грамматических категорий, связанных с деепричастием на -р.

¹ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. II, ч. 1. М., 1952, стр. 460.

Большинство тюркологов возводит форму на *-р* к причастию². О. Прицак же считает, что форма на *-р* < *-ban* первоначально имела характер и причастия, и деепричастия. По его мнению, глухой вариант (*-р* < *-ran*) был формой деепричастия, а звонкий (*-b* < *-ban*) — причастия. Позднее эти два варианта якобы слились воедино, и образовалась деепричастная форма³. С мнением О. Прицака о дифференциальном происхождении указанной формы трудно согласиться. Тем не менее, заслуживает внимания его предположение о том, что форма на *-р* первоначально была общей как для причастия, так и для деепричастия. Этот вывод подтверждается материалами письменных памятников и некоторых живых тюркских языков. Например:

Андан соң эртӱ б о л у б д а акаларнӱ инилӱрнӱ чарлаб кӱдӱрдӱ такӱ айттӱ... (О, стр. 58).
'После этого на рассвете созвал старших и младших братьев и говорил...'

Муз тагларда кӱб согук б о л у б д а н ол бӱг кагардан сарунмиш эрдӱ, ап ак эрдӱ
(О, стр. 48).

'Из-за сильного холода в ледяных горах тот бек покрылся снегом, стал белым-белым'

В этих примерах деепричастия на *-р* употреблены в местном и исходном падежах. Деепричастие в исходном падеже можно встретить еще в акстафинском, таузском и казахском диалектах азербайджанского языка, например: *апарыфдан* 'унося', *кӱлифдӱн* 'придя', *охујуфдан* 'прочтя', *отуруфдан* 'сидя', *ушӱјуфдӱн* 'замерзая'⁴.

Исторически полный вариант деепричастия на *-р* — *-ban* можно встретить в полной или усеченной форме инструментального падежа, например: *алубанын, варубанын*⁵.

Sabah Derse han galkubany jerinden örü turdu (КдГ, стр. 13)

'Рано утром Дерсе-хан поднялся и встал со своего места'⁶.

Oylany ata bindirdiler, alubany ordusyna g'etirdiler (КдГ, стр. 13)

'Посадили юношу на коня, отправились с ним в его орду'⁷.

В поэме «Калила и Димна» встречаются формы: *варубаның, унудубаның*⁸. Нечто подобное наблюдается и в хакасском, и тофаларском языках, например, формы на *-рупаң, -бупаң*, которые О. Прицак считает формами причастия—деепричастия в родительном падеже⁹, а В. Г. Карпов — отрицательными деепричастиями на *-рун/-рин* в исходном падеже¹⁰.

² См.: Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 461; С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens. Leiden, 1954, стр. 243; А. Н. Кононов. Опыт реконструкции тюркского деепричастия на *-(о) п, -(о) б, -(о) пан, -(о) баны, -(о) баның (и)*. — «Вопросы языкознания», 1965, № 5, стр. 108—109; Б. М. Чафарова. Азербайжан дилинде фе'ли бағламалар. Канд. дисс. Баку, 1948, стр. 37; И. П. Павлов. Деепричастие в чувашском языке. Канд. дисс. М., 1953, стр. 97.

³ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 108—109.

⁴ М. Ширӱлијев. Азербайжан диалектолокијасынын эсаслары. Баку, 1968, стр. 280.

⁵ П. А. Фалев. Староосманский перевод «Крымской» поэмы. — «Записки коллегии востоковедов при азиатском музее Российской академии наук», т. II. Л., 1925, стр. 142.

⁶ Книга моего деда Коркута (Перевод академика В. В. Бартольда). М.—Л., 1962, стр. 14.

⁷ Там же, стр. 20.

⁸ П. А. Фалев. Указ. раб., стр. 102.

⁹ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 108.

¹⁰ Языки народов СССР, т. II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 439.

В караимском языке деепричастие на *-р* может принимать аффикс множественного числа¹¹. То же самое наблюдается в кубинском диалекте азербайджанского языка, например: *гышгырыбаннары* 'закричав', *кидибаннари* 'уходя'¹².

Указанные факты говорят о том, что деепричастная форма на *-р* < *-ban* в древности функционировала так же, как и причастие. Внешнее сходство деепричастной формы на *-an* в якутском языке¹³ с причастной формой на *-an* в огузской группе тюркских языков еще раз подтверждает общность деепричастных и причастных аффиксов *-ур* и *-an*.

На наш взгляд, многие глагольные формы первоначально были общими для нескольких категорий. Например, одна и та же форма могла употребляться в функции причастия и деепричастия, выражать времена изъявительного наклонения и одновременно иметь значение желательного или условного наклонений. Это видно даже из следующих общеизвестных фактов: в азербайджанском языке причастные формы на *-азақ*, *-туş* и *-r*, наряду с функциями определения и предиката, могут также выполнять функции обстоятельства. В туркменском языке формы неопределенного будущего времени на *-r* и древнего причастия прошедшего времени на *-dyk* могут употребляться в функции обстоятельства. Кроме того, причастная форма на *-an* в местном и исходном падежах также употребляется в функции обстоятельства. Поэтому не без основания некоторые авторы рассматривают вышеперечисленные причастные формы в разделах как причастия, так и деепричастия. Древняя причастная форма на *-sa* < *-sar* в современном чувашском языке является деепричастной формой¹⁴, а в остальных тюркских языках — формой условного наклонения. Все эти данные являются дополнительным подтверждением того, что форма *-uban* в тюркских языках первоначально была общей формой как причастия, так и деепричастия.

Такой же путь развития прошла и отрицательная форма деепричастия на *-р*. Отрицательная форма на *-tan* в письменных памятниках туркменского языка, наряду с функцией деепричастия, выполняла функции причастия, например:

Alupdur eline dāşly sok̄nyu,
Jādamān tefām̄den urjār gar̄yblyk (К, № 844, стр. 7)

'Взяла она в руки ступу с каменным пестиком,
Бьет меня по голове без устали бедность'¹⁵.

Maxdumguly, sōzim ḡys̄ya, šerh(i) kōb,
Bilmāne hīč, bilen jānda nyr̄xy kōb (МП, стр. 149)

'Махтумкули, слова мои коротки, но смысла в них много,
Незнающему они — ничто, перед знающим у них цена большая'.

Примечательны также следующие грамматические формы современного туркменского литературного языка:

¹¹ См.: К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 299.

¹² М. Ширәлијев. Указ. раб., стр. 281.

¹³ О. Böttlingk. Über die Sprache der Jakuten. SPb., 1851, стр. 309; С. Я. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1900, стр. 134; Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, стр. 235.

¹⁴ И. П. Павлов. Указ. раб., стр. 97.

¹⁵ Большинство приведенных в статье на туркменском языке примеров переведено на русский чл.-корр. АН ТССР З. Б. Мухамедовой, которой автор выражает свою признательность.

alan eken 'оказывается, он взял';
alany g'erek 'нужно, чтобы он взял';
alanyny biljāgīn 'знаю, что он взял';
alypdyr 'он взял (со ссылкой на свидетеля)';
alypdy 'он (тогда еще) взял';
alyp bilse 'если он сможет взять';

almān eken 'оказывается, он не взял';
almāny g'erek 'нужно, чтобы он не брал';
almānyny biljāgīn 'знаю, что он не брал';
almāndyr 'он не брал';

almāndy (*almāpdy* — в эрсаринском диалекте туркм. яз.) 'он не брал';
almān bilse (но чаще: *alma(n) bilse*) 'если он не сможет взять'.

В первых трех примерах фигурирует причастная форма на *-an*, а в последующих трех — деепричастная форма на *-yp*, но соответствующие отрицательные формы имеют один и тот же аффикс *-mān*.

Думается, что отрицательная форма исторического причастия — деепричастия на *-yban* первоначально имела вид *-majyban*. Все отрицательные формы данного типа деепричастия, употребительные в живых и мертвых языках тюркской системы, такие, как *-maty* < *-matyn* (в памятниках орхоно-енисейской письменности), *-madyr* (в «Диване» Махмуда Кашгари), *-madan/-mady* (в средневековых памятниках туркменского и других тюркских языков), *-majan/-majyn* (в позднейших памятниках туркменского и других тюркских языков), *-mān* (в современном туркменском языке), *-map* (в некоторых диалектах туркменского языка и ряде тюркских языков), происходили от древней причастно-деепричастной формы *-majyban*, которая первоначально употреблялась в функции определения и обстоятельства.

Далее причастно-деепричастная форма на *yban*, *-majyban*, изменяясь фонетически, постепенно утрачивала функцию определения. Впоследствии, окончательно утратив функцию определения, эта форма стала полностью осознаваться как деепричастная, и функция обстоятельства сделалась основной. Эту функцию можно считать первичной функцией собственно деепричастной формы, на что указывают материалы орхоно-енисейских надписей и «Дивана» Махмуда Кашгари. В этих и более поздних памятниках деепричастная форма на *-p* в основном употреблялась в функции обстоятельства.

В функции обстоятельства деепричастная форма на *-p* в письменных памятниках туркменского языка выражала, главным образом, действие, предшествующее основному — определяемому действию, но могла также выражать одновременное и последующее действия. При этом данная форма функционировала как обстоятельство образа действия, времени, условия, цели и т. п. Например:

Māhtāč olup ge'ldik' siziñ gapuŋyza (КЮ, стр. 61)
 'Став нуждающимися, пришли мы к дверям вашим'.

Suf ičerde üč ičip turuyl g'ōni (Р, стр. 65)
 'Когда пьешь воду, глотнув трижды, встань и выпрямись'.

Gāfyl ādam mundan tamām olursen,
G'ōrüp-bilip, niče ojnār g'ülürsen (К, № 2167, стр. 57)

'О, человек несведущий! Ты скончаешься (уйдешь отсюда),
 Увидев-узнав, сколько, играя, будешь смеяться?'

Gutarmaŋyn g'elen zowky safany,
Bikār g'ezip, ömriñ jele sowurma (М, стр. 18)

'Не упускай блаженства и счастья, пришедшего (к тебе);
 Скитаясь без дела, не бросай жизнь на ветер'.

В функции обстоятельства деепричастие на *-р* выражает побочное, второстепенное, вспомогательное действие. Оно определяет, конкретизирует, уточняет главное действие, выраженное спрягаемым глаголом, но в то же время деепричастие сохраняет самостоятельность как член предложения. Словосочетание, где деепричастие выступает как обстоятельство, поясняющее основное действие, является свободным словосочетанием.

Из указанной основной функции деепричастия развивались, с одной стороны, наречия — путем изолирования деепричастия, сложные глаголы — путем семантического слияния деепричастия с основным глаголом и, с другой стороны, аналитические формы глагола.

Итак, следующая ступень функционального развития деепричастия на *-р* — его употребление в составе аналитических форм глагола, то есть аналитических форм вида¹⁶ и модальности. Обе эти формы произошли из свободных словосочетаний с деепричастием, выступающим как пояснительное слово. А. А. Юлдашев аналитическую форму вида на *-р jat-* считает возникшей «на базе свободного сочетания обстоятельства образа действия, выраженного деепричастием на *-л*, с полнозначным спрягаемым глаголом *ят* — 'лежать'»¹⁷. Это высказывание можно распространить на все аналитические формы вида и модальности.

Каждая аналитическая форма развивалась своеобразно, в зависимости от компонентов свободного словосочетания. Общим для аналитических форм вида и модальности можно считать то, что эти формы образовались путем утраты лексического значения вторым компонентом свободного словосочетания и превращения его во вспомогательный элемент. Здесь основа глагола, к которой присоединяется деепричастный аффикс *-р*, становится главным носителем лексического значения. Вспомогательный же глагол вместе с аффиксом деепричастия на *-р* придает основе дополнительные видовые и модальные оттенки. Морфологически вспомогательный глагол сохраняет свои обычные функции. Такая конструкция синтаксически составляет один член предложения. Подобные аналитические формы глагола (*-р* + вспомогательный глагол) делятся на две группы согласно характеру вспомогательных глаголов.

Вспомогательные глаголы, выражающие вместе с деепричастной формой на *-р* характер протекания действия, образуют аналитические формы вида. В письменных памятниках туркменского языка встречаются следующие аналитические формы вида: *-р dur-/tur-*, *-р otur-*, *-р bar-*, *-р jat-*, *-р g'ez-*, *-р g'el-*, *-р g'it-*, *-р gal-*, *-р goj/ber-* и т. п. Например:

Joldaşlary ile buta atup otururdy (КдГ, стр. 83)

'Он сидел со своими товарищами, поставив мишень (для стрел)'¹⁸;

Ūnālykdan ajrar barča illeri,

Ojnāp dūr g'öz bilen gāşy dünjāniñ (К, № 109, стр. 21)

'Лишает покоя все народы,

Так и играют глаза и брови мира'.

Вспомогательные глаголы, показывающие вместе с деепричастной формой на *-р* отношение субъекта к действию, выраженному типовой

¹⁶ Вопрос о категории вида в тюркских языках до сих пор остается спорным. См.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958. Поэтому термин «вид» употребляется в статье условно.

¹⁷ А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, стр. 53.

¹⁸ «Книга моего деда Коркута», стр. 36.

основой, образуют аналитические формы модальности (формы возможности или невозможности). Например:

G'özg'e meni ilmeg'en,
 Bir pazary salmagan,
 K'önlüm alyp bilmeg'en,
 Dilberi nādān g'inem (Бх, стр. 60)

'Я — влюбленный невежда,
 Которого взор (милый) не заметил,
 Которого (благосклонный) взгляд не одарил,
 Сердце которого не смогло быть принятым'.

Aäty biašrat toymasa, il derdinden gälyp bolmas (ГМ, стр. 105)

'Если от природы он не рожден несчастным, он не сможет остаться (равнодушным)
 к бедам народа'.

Последней ступенью функционального развития грамматических категорий, связанных с деепричастием на *-p*, является образование форм прошедшего времени изъявительного наклонения. Этот этап К. Броккельман считает высшей ступенью развития предложения¹⁹. По мнению И. Уюкбаева, «категория времени исторически происходит от категории вида»²⁰. Хакасскую форму настоящего времени данного момента на *-ča* А. А. Юлдашев рассматривает как восходящую к видовой форме на *-p čat*.²¹ Нечто подобное произошло и в туркменском языке. От аналитических форм глагола, состоящих из деепричастия на *-p* и вспомогательных глаголов *tur-* и *er-*, образовались две формы прошедшего времени.

Первая из них (от формы вида на *-p tur-*) представляет собой форму настояще-будущего времени. По мнению Б. М. Джафаровой, произошло это следующим образом: первоначально употреблялась деепричастная конструкция типа *сүхуб кедиб*, а затем второй компонент, потеряв прежнее значение, постепенно стал самостоятельно выражать прошедшее время и принял личные окончания²². Нам это представляется маловероятным.

Образование временной формы из аналитической формы вида на *-p tur-*, по нашему мнению, произошло несколько иным путем. Как известно, в функции обстоятельства основным значением деепричастия на *-p* является выражение действия, предшествующего главному действию. Вспомогательный же глагол *tur-* вместе с деепричастной формой на *-p* способствует выражению видового значения процессуальности: длительности, продолжительности, незаконченности. Семантика предшествования развилась в значение прошедшего времени. Семантика результативности выводится из суммы значений предшествования и процессуальности, а значение неочевидности — из неопределенности, которая свойственна форме настояще-будущего времени на *-r*. Это можно представить примерно так: сначала произошло какое-то действие, которого мы не видели, но об этом действии нам говорит результат, факт, дошедший до нас благодаря значению процессуальности, выражаемому вспомогательным глаголом вместе с деепричастной формой на *-p*. Например, такая конструкция, как *Otly g'elipdir*, первоначально имела форму *Otly gelip tuğur* и означала букв. 'Поезд прибывши стоит', то есть 'Поезд прибыв-

¹⁹ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 243.

²⁰ Вопросы грамматики тюркских языков, стр. 71.

²¹ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 118—119.

²² Б. М. Чэфэрова. Указ. раб., стр. 35.

ший в том же состоянии остается'. Мы не видели, когда прибыл поезд, но мы видим теперь результат его прибывания. В последующем форма настоящего-будущего времени утратила свое временное значение и слилась с вспомогательным глаголом вначале семантически, а потом и фонетически, превратившись в частицу. Таково происхождение формы прошедшего времени, которая в тюркологии называется «прошедшим результивным», «прошедшим субъективным» или «перфектом». Надо отметить, однако, что этот процесс протекал в начальной стадии формирования аналитической формы вида на *-p dur-*, когда деепричастная форма на *-p* не потеряла еще значения предшествования, присущего ей в функции обстоятельства в свободном словосочетании, а глагол *tur-* благодаря своему лексическому значению в какой-то степени уже перешел в разряд вспомогательных глаголов.

Данная форма прошедшего времени первоначально имела вид *al+yp tur+ur men*. Впоследствии аффикс настоящего-будущего времени выпал или слился со вспомогательным глаголом, причем последний изменил свой внешний облик. Схематически этот процесс можно представить так: *al+yp tur+ur men (sen, ol и т. п.) > al+yp tur(ur)men > al+yp+dyr men > al+yp+dyr+(m)yn > al+yp+men*.

В письменных памятниках туркменского языка встречаются все три вида данной формы прошедшего времени (полный, усеченный и сокращенный). Например:

Ittifäk kylyp *g'elip tururbiz* (СБ, стр. 125)

'Присоединившись (к вам), мы прибыли'.

G'örirdirmen žemälyny, žudā bolmaklygym müšg'il (Ш, стр. 120)

'Увидел я красу твою, и трудно мне ее лишиться'.

Cölde g'ezen äk žeren, alypsyñ-la sabrymy (К, № 260, стр. 21)

'О, белая лань, скитающаяся по пустыне! Это ты отняла у меня терпение'.

Вторая форма прошедшего времени произошла от аналитической формы глагола по схеме: деепричастие на *-p* + вспомогательный глагол *er->e-* + аффикс прошедшего категорического времени на *-dy* + личные аффиксы. Семантика давнопрошедшего времени возникла следующим образом: действие деепричастия на *-p*, предшествующее какому-либо другому действию, отодвигается в далекое прошлое благодаря вспомогательному глаголу в форме прошедшего категорического времени. Семантику очевидности данная форма приобрела благодаря форме прошедшего категорического времени. Впоследствии произошло сокращение в составе вспомогательного глагола *er->e-*, а затем этот вспомогательный глагол полностью выпал. Схематически этот процесс можно показать следующим образом: *al+yp er+di+m(η) > al+yp e(r)+di+m > al+yp+(er)dy+m > alypdym*.

В письменных памятниках туркменского языка встречаются все три вида давнопрошедшего времени или плюсквамперфекта, например:

Bir g'üp Oğuz äwya žykyr erdi (СБ, стр. 122)

'Однажды Огуз вышел на охоту'.

Azmy gulluk kylyp edim,

Boldy näg'e hygaraty pejdä (Бх, стр. 84)

'Я той намеревался служить,

И вдруг появились ласка и тепло'.

*Oturypdyk, çykdy iki pîrzâda,
G'özinden jâš akar, azy doqâda* (МП, стр. 92)

'Сидели мы, вышли три отпрыска пира.
Из глаз их текут слезы, молитва — на устах'.

Итак, функциональное развитие деепричастия на *-р* исторически протекало следующим образом: от древней общей функции причастия— деепричастия сохранилась функция собственно деепричастия с основным обстоятельственным значением. Из свободного словосочетания с поясняемым глаголом и поясняющим деепричастием образовались конструкции с аналитическими формами вида и модальности. От аналитических же форм вида произошли формы прошедшего времени изъявительного наклонения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Бх* — Байрам хан (XVI в.). — *The persian and türki divâns of Bajram khân, khân-khânân*. Edited by E. Denison Ross. Calcutta, 1910.
- ГМ* — Гурбаналы Магруппы (XVIII в.). — Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР. Инв. № 413.
- К* — Кемине Мэмметвели (XIX в.). — Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР. Инв. №№ 109, 260, 844, 2167.
- КДГ* — «Китāбы дāде Горкут» (фотокопия с дрезденской рукописи). Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР. Инв. № 1137.
- КЮ* — Алы «Кыссайы Юсуп» (XIII в.). — Фотокопия оригинала из Публичной библиотеки им. С.-Шедрина (г. Ленинград) хранится в рукописном фонде ИЯЛ АН ТССР. Инв. № 1596.
- М* — Мэтэжи Аннагылыч (XIX в.). — Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР. Инв. № 61-а.
- МП* — Магтымгулы Пырāгы (XVIII в.). — Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР. Инв. № 400-а.
- О* — «Огуз-нāме» (XIV в.). — А. М. Щербак. *Огуз-нāме. Мухаббат-нāме*. М., 1959.
- Р* — Вепāйы «Ровнак-ыл Ыслāм» (XV в.). — Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР. Инв. № 684.
- СБ* — Салар Бāбā Гулāлы Салар Хырыдāры (XVI в.). — Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР. Инв. № 526.
- Ш* — Шейдāйы (XVIII в.). — Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР. Инв. № 2.

И. Н. КОБЕШАВИДЗЕ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГРАФИКИ И ФОНЕМНОГО СОСТАВА ЯЗЫКА ОРХОНО-ЕНИСЕЙСКИХ НАДПИСЕЙ

К числу наиболее интересных особенностей графической системы языка орхоно-енисейских надписей (ОЕН) относится много обсуждавшаяся в тюркологии парность большего числа согласных графем. Так, в языке ОЕН существуют самостоятельные графемы, позволяющие дифференцировать по признаку палатализованности — непалатализованности не только взрывные /b/, /d/, /k/, /g/, /t/, но и сонорные, шелевые и дрожащие типа /j/, /l/, /n/, /r/:

/b/ — 𐰪	/g/ — 𐰸	/l/ — 𐰺
/b'/ — 𐰫	/g'/ — 𐰹	/l'/ — 𐰻
/d/ — 𐰬	/t/ — 𐰴	/n/ — 𐰽
/d'/ — 𐰭	/t'/ — 𐰵	/n'/ — 𐰾
/k/ — 𐰮	/j/ — 𐰿	/r/ — 𐰾
/q/ — 𐰯, ↓	/j'/ — 𐰾	/r'/ — 𐰿

Фактически большинство из приведенных фонем воспроизводится несколькими графическими знаками в зависимости от своей принадлежности к палатализованному ряду. Это можно видеть на любой таблице древнетюркского рунического алфавита¹. Графическое различие палатализованных и непалатализованных согласных фонем можно наблюдать

¹ V. Thomsen. *Inscriptions de L'Orkhon déchiffrées*. — «Mémoires de la Société Finno-ougrienne», V. Helsingfors, 1896, стр. 9; П. М. Мелиоранский. *Памятник в честь Кюль-Тегина*. СПб., 1899, стр. 14; A. von Gabain. *Altürkische Grammatik*. Leipzig, 1950, стр. 12; С. Е. Малов. *Памятники древнетюркской письменности*. М.—Л., 1951, стр. 16; N. Porre. *Introduction to altaic linguistics*. Wiesbaden, 1965, стр. 61; *Древнетюркский словарь*. Л., 1969, стр. XV—XVI. Авторы этого словаря в ряде случаев сводят воедино графемы, воспроизводящие палатализованные и непалатализованные фонемы; H. Jensen. *Die Schrift*. Berlin, 1969, стр. 413 и т. д.

во всех памятниках орхоно-енисейской эпиграфики, и проблема палатальной гармонии гласных и согласных в древнетюркском языке вызывает столь же острый интерес, как и оригинальность решения этого вопроса творцами алфавита.

Проблема графического воспроизведения комбинаторных вариантов согласных звуков была достаточно серьезно поставлена В. Томсеном². Сам В. Томсен высказывал мысль, что графическое различие согласных не является отражением различия в их звуковой природе, а лишь способствует отождествлению смежных гласных в слове, сплошь и рядом вообще не воспроизводящихся в графике. Против этой точки зрения выступает И. Крамский, считающий, что разные графемы отражают консонантные различия интересующих нас пар³. А. М. Щербак, касаясь этой проблемы, справедливо отмечает, что она нуждается в дальнейшей разработке, и склоняется к мнению о возможной правоте В. Томсена, который подчеркивал функциональный характер графического различения согласных, являвшегося лишь приемом для обозначения тембра соседних гласных⁴.

Отдельные графемы для палатализованных и непалатализованных согласных отражают не самостоятельные согласные фонемы древнетюркского языка периода орхоно-енисейских надписей, а комбинаторные варианты согласных фонем, выступающих в словах с характерно выраженной палатальной гармонией гласных, равно как и частично выраженной губной гармонией. Рунический алфавит замечателен тем, что он в большей мере отражает систему дифференциальных признаков фонем, нежели самих фонемных единиц. Иными словами, алфавит построен на морфонологической основе, а не фонологической.

Для различных гласных фонем /o/, /u/ в руническом алфавите имеется лишь одна графема > , точно так же, как для /ö/, /ü/⁵ — $\text{N}^{\text{u}} \text{и} \text{M}$

Характерно, что сведение к одной графеме производится в первых двух случаях не по признаку высоты гласных и не по сходству их артикуляций, а на основании принадлежности к палатальному или велярному ряду. В основу графики оказался положенным признак, отличающий палатализованные согласные от непалатализованных, даже в тех случаях, когда они представляли собой всего-навсего варианты одной и той же согласной фонемы, выступающей в двух различных окружениях гласных. Создается впечатление, что творцы рунического алфавита с самого начала разделили все тюркские слова по признаку их принадлежности к палатализованному — непалатализованному ряду звуков. Так, при опущении гласных графем в середине слова слова ölürtim 'я убил' и olürtim 'я сел [на царство]' в языке ОЕН должны были бы писаться одинаково, в обычной графике. Но в памятниках они передаются совершенно разными знаками:

XKTYN ölürtim (БК, 26) и X8YJ olürtim (КТМ1), и только

² V. Thomsen. Указ. раб., стр. 16.

³ I. Krámský. *Über der Ursprung und die Funktion der Vokalharmonie in den uralaltaischen Sprachen.* — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, CVI, 1. Leipzig — Wiesbaden, 1956, стр. 126.

⁴ А. М. Щербак. Енисейские рунические надписи. — «Тюркологический сборник». М., 1970, стр. 128.

⁵ A. von Gabain. *Das Altürkische.* — «Philologiae Turcaicae Fundamenta», t. I, Wiesbaden, 1959, стр. 24.

конечный билабнальный назальный в обоих случаях представлен одной и той же графемой. Такая дифференциация палатализованных и непалатализованных фонем, будучи неэкономичной, вместе с тем весьма способствует адекватному отождествлению написанного, хотя встречающаяся многозначность текстов ОЕН во многих случаях и затрудняет работу исследователя. Выделение грамматических показателей, в частности глагольных, оказывается сопряженным с рядом трудностей, связанных со своеобразием этой графической системы. Так, показатель прошедшего времени пишется, по крайней мере, пятью способами. Приведем два из них:

✕ХНГ itdim (КТм3) 'я сделал'

✕»δЧD jorītdim (КТм4) 'я прошел'

В языке ОЕН часто одни и те же слова даются в различном написании, например:

ҮҮН үкүш (КТм7) 'много'

ҮН үкүш (КТм10) 'много'.

Эта неустойчивость проливает свет на интересующий нас вопрос: отражает ли различное написание графем различную природу звуков?

Нейтрализация таких графем, как **Н и** (/n/), или **и!** (/s/),

говорит о том, что различие палатализованных и непалатализованных фонем графическим способом носит условный характер. В языке ОЕН происходит нейтрализация /s/, /s'/ ~ /š/, что часто находит отражение в написании грамматического показателя -mīš ~ -mīs. В одной и той же

строке надписи в честь Кюль-Тегина можно встретить **ҮҮҮ** kiši

'человек' и **ҮҮҮ** kiši в том же значении⁶.

Различение дифференциальных признаков графем рунического алфавита представляет собой интересную проблему. Эта проблема нуждается в самостоятельном освещении, но следует заметить, что рунический алфавит состоит из весьма ограниченного числа черточек, и конфигурация каждой графемы является следствием сочетания этих черточек при одинарном, парном или многократном их употреблении, а также при соответствующем наклоне и длине, вертикальном или горизонтальном расположении. Таких элементов в конечном итоге оказывается всего

несколько: **./, (**

Графемы /i/, /l'/, /ŋ/, /p/, /s/ образуются сочетанием большей по величине вертикальной черточки и меньшей наклонной. Причем, последняя

каждый раз занимает новое положение: **Ү.Ү.Ү.Ү.Ү.** Графемы /a/, /č/.

⁶ См.: С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 44.

/l/, /r/, /š/, /ö/—/ü/ образуются сочетанием одной вертикальной и двух или большего числа наклонных черт, благодаря чему графемы приобретают

различные конфигурации: $\int, \lambda, \Upsilon, \Upsilon', \Upsilon'', N$ Сочетание наклонных линий

или дуг в различных комбинациях образует новую группу графем, обозначающих одинарные или удвоенные согласные:

$\Re/\beta/, \chi/d/, \gg/d'/, D/j/, \rangle/n/, \int/j/, \Upsilon/s/, \rangle/o/-/u/, M/\ell/, \int/nč/$

Рунический алфавит, в основу которого положен морфонологический принцип, позволяет читать текст не по отдельным буквам, каждая из которых соответствует определенному звуку, и не по отдельным слогам, отражающим сочетание согласного и гласного, а зрительно, отождествляя слово в целом с исконно тюркской гармонией входящих в него гласных и согласных. Именно в этом и состоит особое значение данного алфавита при всех известных его недостатках, заключающихся как в многозначности того или иного сочетания графем, так и в том, что гласные во многих случаях только предполагаются, а не обозначаются.

Система фонем в языке ОЕН до сих пор не нашла адекватного освещения. Выделение минимальных пар для большинства гласных фонем не сопряжено с особыми трудностями: at 'имя', ät- 'устраивать', it 'собака', ot 'огонь', öz 'сам', uz 'умелый', üz- 'рвать'⁷. Однако лексика языка ОЕН не дает возможности ввести фонему /i/ в состав таких минимальных пар. На материале памятников не удается вычлнить фонемы /i/ и /ī/. Нёбный и ченёбный /i/ и /ī/ приходится пока рассматривать как комбинаторные варианты одной и той же фонемы, что в некоторой степени подтверждается словарем С. Е. Малова, приложенным к его «Памятникам»: biŋ 'тысяча' имеет вариант biŋ⁸ — обе формы встречаются в памятнике Тоньюкука (14, 18).

При таком выводе, который, разумеется, нуждается в уточнении с привлечением новых материалов, геометрическая система вокализма в языке ОЕН будет несколько отличаться от классического куба, грани которого означают ряд, подъем и огубленность, и может быть представлена следующей схемой:

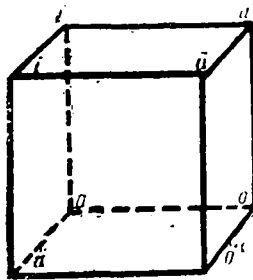

Рис. 1

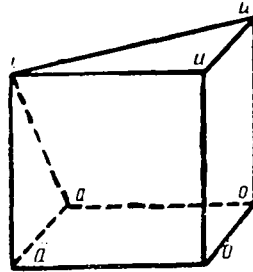

Рис. 2

⁷ Все компоненты минимальных пар здесь и ниже приводятся в качестве самостоятельных словарных статей в «Древнетюркском словаре»; ср. также: С. Е. Малов. Указ. раб.; его же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959.

⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 375.

На рис. 1 дана классическая схема⁹, на рис. 2 — схема вокализма языка ОЕН.

Если высказанное предположение считать соответствующим действительности, то можно прийти и к следующему заключению.

Фонологическая система каждого языка отличается, как известно, весьма четкими противопоставлениями и сводится к определенной геометрической схеме. ОЕН показывают, что на зафиксированной в них стадии развития языка система гласных фонем имела усеченную форму. Если в качестве репрезентативной неогубленной фонемы верхнего ряда брать /i/, то геометрическая фигура вокализма окажется усеченной в задней и верхней стенках, а фонема /i/ будет включать в качестве комбинаторного варианта фонему /ĩ/, которая в языке наших памятников выступала довольно широко. Рудимент этой несамостоятельности /ĩ/ как фонемы может наблюдаться в таких современных языках, как узбекский и уйгурский. Так, А. Шёберг явно затрудняется привести доказательства фонемного противопоставления /i/ и /ĩ/ и говорит о свободном их чередовании¹⁰. На чередовании именно этих гласных подробно останавливается М. Ряснен, оговариваясь при этом, что не может объяснить эту особенность во всех деталях¹¹.

Неогубленные гласные нижнего и верхнего подъема /ä/, /a/, /i/, точно так же, как и огубленные и неогубленные гласные фонемы верхнего подъема /ü/, /u/, /i/, образуют отчасти необычный для тюркской фонологии треугольник. Но, как будет показано ниже, система взрывных согласных в языке ОЕН довольно симметрично располагается в иерархию таких треугольников и, таким образом, в данном случае не представляет собой ничего необычного. Превращение усеченного куба гласных фонем в полностью законченный куб гласных фонем объясняется взаимодействием различных подсистем в пределах языковой системы. В конечном итоге подсистемы четырехугольных соответствий /ä/, /i/, /ü/, /ö/; /ä/, /a/, /o/, /ö/; /ö/, /ü/, /u/, /o/ вытеснили подсистемы треугольников, о которых шла речь выше. Наличие киргизских big 'один' и big 'молодые листочки' является примером четкого различия переднего и заднего неогубленного узкого гласного.

Однако, если допустить, что признание большинством исследователей наличия долгот проливает определенный свет на эту проблему, то она не становится столь же понятной с точки зрения фонологической, то

⁹ J. Lotz. Notes on structural analysis in Metrics. — «Helicon», 1942, 4, стр. 123. Ср. также: J. Denny. Principes de Grammaire turque («turk» de Turquie). Paris, 1955, стр. 57; Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 236; Г. П. Мельников. Математические формулы и блок-схемы электронных автоматов для описания и моделирования взаимодействия дифференциальных признаков фонем при сингармонизме (огласовка тюркских аффиксов), ч. 1. М., 1961, стр. 34 и сл.; М. А. Черкасский. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965, стр. 155.

¹⁰ A. F. Sjöberg. Uzbek structural Grammar. Bloomington, 1963, стр. 14.

¹¹ М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 53. Важной и исключительно сложной проблеме долгих гласных в языке ОЕН посвящен ряд тюркологических исследований, результаты которых неоднозначны. См., например, статью О. Н. Туна, который рассматривает долгие гласные в начальном, среднем и конечном слогах, реконструируя и картину долгих гласных в памятниках орхон-енисейской письменности (О. Н. Туна. Köktürk yazılı belgelerinde ve uygurcada uzup vokaller. — «Türk dili araştırmaları yılı» Belleten». Ankara, 1960, стр. 213 и сл.). Он же подробно останавливается на произношении различных сегментов речи, в частности и различных элементов глагольной парадигмы, как, например, joqād, bilgēd, boşgūr, tutsār, kīqūg и т. д. (там же, стр. 266 и сл.). Замечание А. М. Щербака по поводу данной статьи О. Н. Туна см.: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 53. Ср. там же цитируемое мнение К. Дыйканова, отрицающего существование долгих гласных в древнетюркском языке.

есть в плане смысловозначительного противопоставления долгих и кратких гласных.

В сфере согласных выделяются шестнадцать фонем, и противопоставление согласных проходит по признакам прерывности—непрерывности, звонкости—глухости, периферийности—непериферийности¹² и ряду других. Примечательно, что для фонологической системы языка ОЕН характерно отсутствие фонемных интерференций из арабо-персидской языковой зоны, которая спустя несколько столетий будет оказывать столь ощутимое и разностороннее влияние на тюркские языки.

Фонемная значимость согласных прослеживается на следующем ограниченном материале:

/b/		äb 'дом'	
/č/	ač- 'открывать'		
/d/			öd 'время'
/g/			ög 'мать'
/ɣ/			toɣ- 'рождаться'
/j/	aj 'месяц'		
/k/			ök 'же, именно, лишь только'
/l/	al- 'брат'		
/m/		äm 'снадобье'	
/n/			ton 'одежда'
/ŋ/			toŋ 'мерзнуть'
/p/			top- 'складывать (слоями)'
/q/			toq 'сытый'
/r/	ar- 'соблазнять'		
/s/		äs 'друг, товарищ'	
/š/	aš- 'переходить, переваливать'		
/ʎ/	at 'лошадь'		
/z/	az 'мало'		öz 'жизнь'

Таким образом, согласные, фиксируемые в минимальных парах, могут быть выделены в качестве самостоятельных фонем. Что же касается противопоставления согласных /k—q/ и /g—ɣ/, для которых такие минимальные пары подобрать невозможно, то их следует признать находящимися в дополнительном распределении или, иными словами, представляющими одну и ту же фонему. Поэтому целесообразно остановиться на фонемах /k/, /g/, а /q/, /ɣ/ рассматривать в качестве их комбинаторных вариантов.

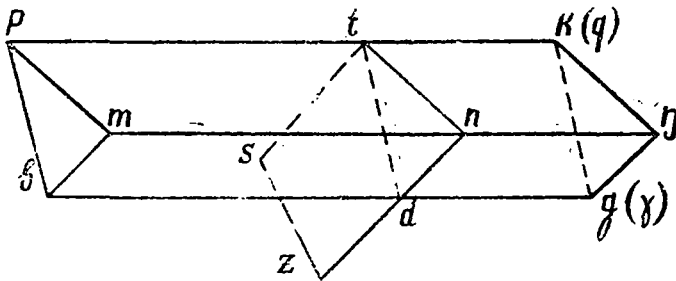
Система согласных четко распадается на взрывные, с одной стороны, и аффрикаты, щелевые, назальные, плавные и глайды — с другой. В группе взрывных наблюдается довольно симметричное противопоставление по глухости—звонкости. В группе же остальных согласных такого противопоставления не наблюдается, за исключением пары щелевых /s/, /z/:

¹² Ср.: Р. Якобсон, Г. М. Фанг, М. Халле. Введение в анализ речи. — В сб.: «Новое в лингвистике», вып. 11. М., 1962, стр. 181 и сл.; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Санскрит. М., 1960, стр. 52.

<i>p</i>	<i>t</i>	<i>k</i>	(<i>q</i>)
<i>b</i>	<i>d</i>	<i>g</i>	(<i>γ</i>)
<i>m</i>	<i>č</i>		
	<i>š</i>		
	<i>s</i>		
	<i>z</i>		
	<i>n</i>	<i>η</i>	
	<i>l</i>		
<i>j</i>			
<i>r</i>			

В этой небольшой таблице обращает на себя внимание весьма широкая функциональная нагрузка альвеолярных согласных (10), которые в численном отношении почти вдвое превышают все другие согласные фонемы, билабиальные и заднеязычные (6). Число согласных фонем (16) в классической схеме вдвое превышает количество гласных фонем. Наконец, взрывные, противопоставляемые по признаку звонкости—глухости, дополняются гоморганной назальной фонемой: /*p—b—m*/, /*t—d—n*/, /*k—g—η*/.

Согласные фонемы, различающиеся по признаку звонкости—глухости и соответствующие назальным, сводятся в следующую схему, в которой явно прослеживаются те треугольники, о которых говорилось выше:

Глухой и звонкий дентальные сибиланты /*s*/, /*z*/, не имеющие соответствий в рядах билабиальных и заднеязычных, даны в схеме на продолжении треугольника дентальных, что вносит в нее определенную асимметрию.

Заднеязычная назальная характеризуется ограниченным распределением в слове: /*η*/ может встречаться как в середине, так и в конце слова, но никогда — в начале. Тем не менее она, как видно из вышеприведенной таблицы минимальных пар, является самостоятельной фонемой, а не комбинаторным вариантом других согласных фонем.

СОКРАЩЕНИЯ

БК, 1 — Памятник Бильге-Кагану (хану Могилян) (последние цифры указывают абзац).

КТМ1 — Малая надпись в честь Кюль-Тегина.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

К. Р. БАБАЕВ

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ТЮРКИЗМОВ ПРИ ИХ ЗАИМСТВОВАНИИ

Наиболее полно характер семантических изменений, претерпеваемых тюркизмами в системе русского языка, можно представить в том случае, если нам удастся отграничить семантические изменения, являющиеся результатом функционирования слова в языке, от изменений, сопровождающих переход слова в русский язык¹. Выявление семантических изменений тюркизмов при их заимствовании может быть осуществлено путем сравнения семантической структуры тюркизмов русского литературного языка со структурой тех же слов в тюркских языках.

Отдельные слова при переходе из языка в язык, как известно, сохраняют свою семантическую структуру без изменений. Но нередко семантика заимствований подвергается изменениям: сужению, расширению или переосмыслению значения. Тюркизмы в этом отношении не составляют исключения, что отмечается в исследованиях Л. А. Кубановой², Г. Н. Асланова³, Н. П. Чуйко⁴, посвященных изучению функционирования тюркизмов в говорах, и Э. Н. Кушлиной⁵, описавшей тюркизмы в русских газетах Средней Азии.

Однако в названных работах не всегда проводится четкое разграничение семантических изменений, возникших в результате перехода тюркизмов в русский язык, и изменений, причиной которых является семантическое освоение слова системой заимствующего говора или литературного языка (см. работу Н. П. Чуйко).

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть особенности семантических модификаций тюркизмов при заимствовании в свете сказанного.

Тюркизмы русского языка выделялись нами из «Словаря современного русского литературного языка» (ССРЛЯ)⁶. Кроме того, привлека-

¹ О необходимости подобного разграничения см.: Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 465; Л. П. Ефремов. Сущность лексического заимствования и основные признаки заимствованных слов. Канд. дисс. Алма-Ата, 1957, стр. 130.

² Л. А. Кубанова. Тюркизмы в диалектной лексике русского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1968, стр. 12, 13, 15.

³ Г. Н. Асланов. Заимствования из азербайджанского языка в русском островном говоре. Автореф. канд. дисс. Баку, 1967, стр. 15.

⁴ Н. П. Чуйко. Семантическое освоение алтайских слов в русских говорах Горно-Алтайской области. «Вопросы языка и литературы», вып. I, ч. 1. Новосибирск, 1966, стр. 177—195.

⁵ Э. Н. Кушлина. Среднеазиатская лексика в русском языке (на материале газет Узбекистана и Таджикистана). Канд. дисс. Душанбе, 1964, стр. 133 и сл.

⁶ Список сокращений см. в конце статьи.

лись также «Словарь церковнославянского и русского языка» (СЦСРЯ) и «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского.

Семантическая структура тюркизмов в языках-источниках определялась по «Опыту словаря тюркских наречий» В. В. Радлова (ОСТН) и ДТС. Использовались также данные ряда двуязычных тюрко-русских и русско-тюркских словарей (всего 23 словаря).

Трудности изучения семантических изменений в заимствованиях возникают в силу следующих причин: мало изучена история контактов русского и тюркских языков, не известно время заимствования большинства тюркизмов; нередко трудно определить язык-источник заимствования; не известны обстоятельства и условия перехода слов, не всегда ясны взаимоотношения заимствований и исконных слов в тех тематических и лексико-семантических группах, в которые включаются иноязычные слова в момент заимствования. Ориентировка на первичную словарную фиксацию чревата рядом известных недостатков. Но тем не менее при анализе мы в основном ориентировались на материалы словарей.

Думается, что изменение семантики слова могло произойти в момент заимствования при следующих условиях:

- 1) если многозначное тюркское слово моносемично в русском языке;
- 2) если однозначное тюркское слово с широкой предметной соотносительностью имеет в русском языке одно значение, но соотносится с меньшим кругом явлений (ср. *балык*, *изюм*, *шенталá* и др.).

Кроме того, если слово в тюркских языках имеет одно значение, а в русском — другое, то это переосмысление можно считать произошедшим непосредственно при заимствовании лишь в том случае, если толковые словари русского языка не зафиксировали постепенное освоение и изменение значения данного тюркизма (ср. *каланча*, *томоша*, *кутерма*).

Полисемия тюркизма есть результат семантического развития тюркизма в русском языке, так как заимствования всех значений тюркского слова не происходит.

Метод сопоставления семантических структур имеет ряд недостатков. Так, ввиду малой изученности истории семантического развития тюркизмов и прочих слов русского языка затруднительно проводить сравнения структур слов, принадлежащих разным эпохам. Помехой служит также невозможность точного установления конкретного языка-источника тюркизма, так как в группе предполагаемых языков-источников одно и то же слово может иметь разное количество значений. А это препятствует объективной оценке характера изменений значений, возникших при заимствовании. Однако отмеченные недостатки данного метода (во многом носящие объективный характер) не могут полностью обесценить значения тех выводов, которые при его помощи можно получить.

Сопоставление структур общих слов двух языков позволяет определить **характер и направленность** семантических модификаций заимствований в новой языковой системе. Вместе с тем по особенностям семантических изменений заимствований можно с большой достоверностью судить о степени освоенности их системой русского языка.

Остановимся на характеристике семантических изменений тюркизмов русского литературного языка.

I. СОХРАНЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЮРКИЗМОВ БЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ

Принято считать, что переход слов из одного языка в другой обычно сопровождается сужением их значений. Может создаться впечатление, что этот процесс доминирует над всеми остальными. Однако проведенный нами анализ показывает, что около 53% тюркизмов русского литературного языка (325 слов) сохранили свою первоначальную семантическую структуру. Сюда в основном входят слова, имеющие в тюркских языках одно значение⁷. Например, слово *беркут* в русском и тюркских языках служит названием «определенного вида орлов». Не изменили свою семантику и слова *бирюза* (ОСТН, 4, 2, 1333), *кайма* (ОСТН, 2, 2, 1057), *кумач* (ОСТН, 2, 1, 206), *сазан* (ОСТН, 4, 1, 397) и др. Это характерно как для общерусских тюркизмов, так и для тюркизмов-экзотизмов (ср. *айран*, *ашуг*, *дервиш*, *игиль*, *кишлак*).

Заимствования всех значений многозначного тюркского слова не отмечалось. Наблюдаются лишь отдельные случаи частичного сохранения структуры многозначного тюркизма; например, слово *тамга* имеет в тюркских языках следующие значения: 1) «клеймо», «тавро», «знак собственности»; 2) «печать»; 3) «значок», «клеймо (на серебре)»; 4) «пошлина с купцов и проезжих» (ОСТН, 3, 1, 1003; 3, 2, 1652; ДТС, 530). В русском же языке это слово имеет два значения: 1) «клеймо», «печать» и 2) «торговая пошлина в древней Руси» (Срезневский, 2, 924; ССРЛЯ, 15, 91; СЦСРЯ, 4, 270). То же самое можно сказать и о словах *кош*, *кун*, *ришта*, *хан* (ОСТН, 2, 1, 635; 908; 2, 2, 1662; 3, 1, 721) и др.

В русском языке слова, сохранившие весь объем значений, включаются в новые системные отношения. На это указывает тот факт, что часть однозначных тюркизмов постепенно приобретает ряд переносных оттенков, ср.: оттенки слов *байбак* 'ленивый', *богатырь* 'силач', *шашлык* 'любое мясо, зажаренное на вертеле', *кайма* 'полоса на краю чего-либо' и др. Кроме того, более 60 тюркизмов этой группы со временем приобрели ряд переносных значений, например: *барабан*, *кузов*, *сурьма*, *чугун*, *шакал*, *баран*, *казна* и т. д.

Развитие у заимствованных слов переносных значений и оттенков относится уже к изменениям, возникающим в процессе освоения этих слов системой заимствующего языка.

II. СУЖЕНИЕ ОБЪЕМА ЗНАЧЕНИЙ ПРИ ЗАИМСТВОВАНИИ

Более чем у 220 тюркизмов значения в русском языке оказались суженными.

Вопросы сужения (и расширения) значений слов разработаны в основном применительно к изменению значений слов в каком-либо одном языке. Вместе с тем анализ показывает, что при заимствовании этот процесс значительно отличается от аналогичного внутри какого-либо одного языка.

Кроме того, заметное отличие существует также между процессом сужения значений полисемичных и моносемичных тюркских слов. Сужения значений при заимствовании имеют следующие разновидности:

- А. Сужение значений многозначных тюркских слов.
- Б. Сужение значений однозначных тюркских слов.
- В. Промежуточная группа.

⁷ См. указ. работы Э. Н. Кушлиной и Н. П. Чуйко.

А. Сужение значений многозначных тюркских слов. При этом виде сужения из нескольких значений тюркского слова сохраняется только одно, а остальные отбрасываются (в связи с наличием собственных средств выражения этих значений, заимствований из других языков и т. д.). Например, слово *барс* в тюркских языках имеет значения: 1) «тигр», 2) «барс», 3) «название года», 4) «мужское имя» (ОСТН, 4, 2, 1487, 1472; ДТС, 84); русский же язык заимствовал только одно из них. Тюркизм *тесма* в современном русском языке означает «плетеная или тканая полоса ленты», а в тюркских языках чаряду с этим оно имеет еще значения: 1) «тоненький ремешок», 2) «ремень, лента, цепь, ошейник» (ОСТН, 3, 1, 924). Те же изменения претерпели и слова *аркан*, *сан*, *чемодан*, *орда*, *товар*, *колпак*, *туман* и др.

Сужение рассматриваемого типа является наиболее распространенным (116 случаев). Сузили свои значения и экзотизмы: *басмач*, *сунна*, *чурек*, *чигирь* и другие (всего 44 слова). Последние факты позволяют не согласиться с мнением некоторых ученых, утверждающих, что экзотизмы при заимствовании не изменяются (за исключением их графического облика)⁸.

Б. Сужение значений однозначных тюркских слов. При заимствовании однозначных тюркизмов наблюдается сужение объема понятия, выражаемого словом. Этот тип сужения имеет два характерных подтипа.

К первому подтипу можно отнести сужения, вызванные изменением родо-видовых связей слова: если в языке-источнике слово является родовым названием, то, перейдя в систему другого языка, выступает уже не как родовое (поскольку в заимствующем языке уже существует свое соответствующее родовое слово), а как видовое название (здесь вступают в действие системные связи), например: родовое тюркское слово *арба* в русском языке входит в ту же группу слов, что и «повозка, телега, воз, подвода» как видовое название повозки, распространенной в Крыму, Средней Азии и на Кавказе.

Ср. также: *каюк*, *каик* в тюркских языках—«лодка», а в русском—«разновидность лодки» (ОСТН, 2, 1, 4; 93); *толмач* в тюркских языках—«переводчик», в русском — «переводчик при устной беседе» (ДТС, 566; ОСТН, 3, 1, 1091; Тат.-русс. сл., 561, 570); *чабан* в тюркских языках—«пастух», в русском — «пастух при стаде овец» (ОСТН, 3, 2, 2030); *намаз* в тюркских языках — «молитва вообще», в русском — «мусульманская молитва из стихов корана» (ОСТН, 3, 1, 663); *тушкан* в некоторых тюркских языках—«заяц», в русском—«грызун степей, пустынь» (ОСТН, 3, 1, 776, 988; ДТС, 526, 543).

Выделение второго подтипа сужения значений связано с тем, что в тюркских языках отдельные слова недифференцированно обозначают ряд близких (связанных между собой) предметов и явлений, причем некоторые из них не имеют в русском языке соответствующих названий. В целях восполнения этого пробела и используется тюркизм, который, разумеется, имеет иную (более узкую) предметную соотношенность. Например, словами *изюм*, *шепталá*, *балык* в тюркских языках обобщенно называют как свежие, так и консервированные продукты питания (ОСТН, 1, 2, 1899; 4, 1, 1019, 985; 4, 2, 1495). В русском же языке названия консервированных продуктов отсутствовали, и поэтому для их обозначения были использованы приведенные выше тюркизмы. Тюркизм

⁸ См.: Л. П. Крысин. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, стр. 49.

бахча, который в русском языке обозначает «место, где выращиваются дыни, арбузы и т. д.», в тюркских языках имеет еще значение «садик вообще» (ОСТН, 4, 2, 1445, 1461, 1464).

Ср. также: *джигит* в тюркских языках — «молодой человек, молодец, удалец, лихой наездник» (ОСТН, 4, 1, 137, 161), в русском — «удалец, лихой наездник»; *байрам* в тюркских языках — «праздник», в русском — «название двух трехдневных праздников»; *булат* в тюркских языках — «сталь» (ОСТН, 4, 2, 1373), в русском — «высококачественная сталь» и т. д.

В. Промежуточная группа. Слова, входящие в эту группу, сочетают в себе особенности сужения значений слов групп «А» и «Б», то есть из нескольких значений многозначного слова заимствуется одно, но и это последнее значение при переходе также сужается; например, слово *казак* в тюркских языках многозначно, русский же язык заимствовал лишь одно значение («вольный, независимый человек»), но и оно при переходе специализировалось (*казак* — это не всякий вольный человек, а только «крестьянин, бежавший в XV—XVII вв. на Дон, Яик»).

Ср. следующие примеры: *аскер* в тюркских языках — 1) «войско», 2) «солдат, воин», в русском — «турецкий солдат»; *чембур* в тюркских языках — 1) «веревка из конских волос», 2) «повод», в русском — «повод уздечки»; *ярлык* в тюркских языках — 1) «повеление, приказ», 2) «свод религиозных правил», в русском — «письменный указ хана»; *тютюн* в тюркских языках — 1) «дым», 2) «курительный табак», в русском — «табак низкого сорта» и т. д.

III. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ ТЮРКИЗМОВ ПРИ ЗАИМСТВОВАНИИ

При заимствовании наблюдаются также случаи полного семантического отрыва от прототипа, то есть тюркизм в русском языке приобретает новое значение, отличное от значения в тюркских языках.

Число таких слов в нашей картотеке составляет 88. К последним, например, относится слово *томоша*, означающее в русском языке «суматоха, тревога, шум», а в тюркских языках — «зрелище, гульбище» (ОСТН, 3, 1, 997; Тат.-русс. сл., 513). Изменение значения в такого рода заимствованиях, на наш взгляд, можно объяснить следующим образом: большое скопление народа («зрелище, гульбище») обычно сопровождается шумом, суматохой. Этот характерный признак и положен в основу русского значения слова *томоша*, употребляемого большей частью в просторечии.

Аналогичной причиной объясняется и переосмысление значения слова *кутерьма*: тюркское значение «помощь, для оказания которой всадники с гиканьем скачут со всех сторон» (Дмитриев, 28) переходит в русское «суматоха, сумятица» (здесь «перенос» основан как бы на сходстве впечатлений).

Переосмыслению значений способствует также факт семантического влияния («давления») на исконное значение заимствованного слова значений других слов тематического ряда. Так, тюркизм *каланча* обычно возводят к тюркскому слову *каладжык*, *калача* в значении «маленькая крепость» (ОСТН, 2, 1, 232). Различие между значениями этих слов в русском и тюркских языках возникло, на наш взгляд, в связи с наличием в русском языке собственных слов, обозначающих те же понятия: «крепость, крепостца». В результате этого совпадения за тюркизмом закрепились функции названия не крепости в целом, а лишь части ее

(«дозорная вышка»), которая, вероятно, не имела отдельного собственного названия.

Переосмысление тюркизма *балда* (от тюркского *балта* 'топор') (ОСТН, 4, 2, 1501; ДТС, 80), который в русском языке приобрел значение «тяжелый молот в горном деле», мы склонны объяснить влиянием других слов тематической группы: «молот», «топор».

В приведенных выше словах переосмысление не может быть расценено как результат семантического развития этих слов в языке. Не только ССРЛЯ, но и СЦСРЯ приводит для слов *каланча*, *балда* и других те же значения (СЦСРЯ, 1, 18; 2, 153)⁹.

Переосмысление значений осуществляется и при помощи различных переносов (метафорических и метонимических). Например, турецкое слово *тулумбаз*, то есть «барабанщик», в русском языке имеет значение «ударный инструмент». Здесь при переходе утеряна внутренняя форма. Другое турецкое слово *бакан* (*бакам*), означающее «красильное дерево» (ОСТН, 4, 2, 1438), в русском языке употребляется в значении «ярко-красная краска», вероятно, получаемая из этого дерева (ССРЛЯ, 1, 247; СЦСРЯ, 1, 18).

Нередко причиной переосмысления является расхождение в оценке одного и того же факта или явления носителями разных языков, например: современное *ханжа* восходит к тюркскому *ходжа* 'пилигрим'.

В приведенных примерах отдельные тюркизмы обозначают в русском языке явления иной тематической группы, нежели в языках-источниках. Однако встречается довольно много слов, сохраняющих при переходе свою принадлежность к определенной тематической группе, но используемых для обозначения другого предмета или явления той же группы; например, слово *лачуга* в тюркских языках *алачук*, *алачык* — «шатер, шалаш, войлочная кибитка» (ДТС, 33; ОСТН, 1, 1, 362, 364), в русском языке — «жилище человека», но не всякое, а «убогое, бедное строение»; слово *чертог* в тюркских языках — «высокая часть здания», в русском — «покой с пышным убранством»; слово *шалаш* в тюркских языках *саладж*, *салаш* — «временно приготовленная лавка» (ОСТН, 4, 1352), в русском — «временное жилье из жердей, соломы...»; слово *чеботы* в тюркских языках — «лапти» (ОСТН, 3, 2, 1930), в русском — «глубокие башмаки»; слово *щерба* в тюркских языках — «суп» (ОСТН, 3, 2021), в русском — «рыбная похлебка» (областное); слово *чулок* в тюркских языках — «онучи, портянки» (ОСТН, 4, 1, 1103), в русском — «вязаное изделие, надеваемое под обувь», первоначально «суконная исподняя обувь» (Вахрос, стр. 59).

Нетрудно заметить, что среди слов, переход которых в русский язык сопровождается семантическим отрывом от значения прототипа, очень мало экзотизмов. Почти все слова этой группы относятся к разряду общерусских слов.

IV. РАСШИРЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ ТЮРКИЗМОВ ПРИ ЗАИМСТВОВАНИИ

Расширение значений тюркизмов — довольно редкое явление. Нами отмечен всего один случай: слово *туша*, означающее в тюркских языках

⁹ Материалы прочих толковых словарей позволяют сделать правомерные выводы о семантических изменениях, претерпеваемых заимствованиями. Так, слово *гайдамак* в ССРЛЯ означает «казак-повстанец», а в турецком языке — «разбойник». На первый взгляд, здесь имеет место переосмысление. Но СЦСРЯ (т. 1, 254) отмечает у этого слова областное значение «разбойник». Таким образом, значение данного слова в ССРЛЯ есть результат его семантического развития в языке.

«грудь, верхняя часть груди» (ОСТН, 3, 2, 1268), в русском языке имеет значение «освежеванное тело убитого животного».

Семантические изменения тюркизмов не ограничиваются рассмотренными случаями. Часть тюркизмов впоследствии обрастает производными значениями: многозначными стали 60 слов, сохранивших свою структуру без изменений, и 55 слов, сузивших свое значение. Многозначность отмечается также и у тех слов, которые при переходе в русский язык в силу тех или иных причин меняют свое значение.

Последние факты свидетельствуют о том, что характер семантических изменений, претерпеваемых тюркизмами, достаточно сложен и разнонаправлен, поскольку одни и те же слова могут вначале сужать или сохранять объем своих значений, а затем и расширять его. Четкому выявлению таких сложных и разнонаправленных семантических модификаций способствует метод сопоставления семантических структур.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Вахрос* — Вахрос. Наименования обуви в русском языке. Хельсинки, 1959.
Дмитриев — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», вып. III. М., 1958.
ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—III. СПб., 1893—1923.
ОСТН — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, тт. I—IV. СПб., 1893—1911.
ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка, в 17 томах. М., 1950—1965.
СЦСРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, тт. I—IV, вып. 2. СПб., 1867.
Тат-русс. сл. — Татарско-русский словарь. М., 1966.
-

ТОПОНИМИКА, АНТРОПНИМИКА

Г. Е. КОРНИЛОВ

К ЭТИМОЛОГИИ ТОПОНИМА ^vĉeboksary

Русское название столицы Чувашской АССР *Чебоксары* известно в разных произносительных вариантах: ĉeboksary, ĉibaksary, ĉabaksary и т. д. и имеет аллонимы в большинстве языков мира, в том числе во всех языках народов Советского Союза. Причем, последние аллонимы являются производными от русского названия.

О происхождении названия города существует несколько преданий. По наиболее известному из них, «на месте нынешнего города находилась деревня, в которой жил чувашенин Šabksar, пользовавшийся всеобщим уважением, от которого и само селение названо ĉeboksary»¹. Н. И. Золотницкий приводит и другой вариант этой версии: «Г[ород] ĉeboksary назван в честь чувашенина ĉeboksara, который жил здесь и пользовался всеобщим почетом и уважением; деревня ĉeboksarova была потом сделана городом»². По этому поводу автор далее пишет: «...Выходит, что деревня, в которой жил Šabksar, существовала, до снискания им всеобщего уважения, без всякого названия. Сверх того самое имя Šabksar не только ничего не означает, но и не подходит под звуковые законы ни одного из тюркских наречий». Справедливо отвергает автор и версию, согласно которой название ĉeboksary восходит «к прозванию старожилы-чувашенина» ĉabaksara, якобы возникшему путем сложения слов: ĉabaka (носимая местным духовенством теплая с длинными ушами шапка, похожая на татарский малахай) и sara (желтый). Третье предание возводит название ĉeboksary к именам «двоих местных старожилы чуваш — ĉabaka и sara».

В говорах чувашского языка известны следующие аллонимы: Šubaškar (низовой диалект анатри и чувашский литературный язык), Šabaškar (верховой диалект турн или вирьял), Šābaškar (Хорачка, Шашкар; Сл.

¹ Труды Казанского Губернского Статистического Комитета, вып. 1. Казань, 1869, стр. 75. (Здесь и далее транскрипция в цитатах наша. — Г. К.).

² Н. И. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875, стр. 257; А. Н. Сергеев. Опыт объяснения названий русских городов. — «Сборник в память первого русского статистического съезда». Нижний Новгород, 1875, стр. 611; «Приволжские города и селения в Казанской губернии». Казань, 1892, стр. 44.

Аш. XVII, 320)³, *Čubaksar* (фольклор, из песни; Сл. Аш. XV, 245), *Šabaškar* (Якейкино, Тингешево; Сл. Аш. XVII, 126), *Šobaškar*, *Čoboškar*⁴. Следует упомянуть также луговое марийское название города в форме *Šabakšiner* и русское название впадающей на окраине города в Волгу речки *Čeboksarki*, по-чувашски *Šubaškar šuvə* или *Šubaškar s'ugmī*.

В 1555 г. в пятнадцати километрах от чувашского поселения *Šubaškar* московское правительство по распоряжению Ивана IV начало строительство крепости *Чебоксары*. Позднее, когда были построены на речке *Чебоксарка* водяные мельницы, нерусское население стало допускаться в крепость для обмена зерна на муку и торговли на базаре. Однако топонимическая преемственность со временем была нарушена, так что гидроним *Čabaksary* на длительный срок утратил актуальность в чувашском языке. Поэтому *Šubaškar šuvə* или *šubaškar s'ugmī*, являющиеся современными чувашскими названиями протекающей через город небольшой речки, никак не могут рассматриваться как «изначальные». Структура и семантика этих названий («Чебоксарская речка», «речка города Чебоксары») сами говорят об их несомненно производном характере и относительно позднем происхождении. Чувашские аллонимы *Šabaškar*, *Šobaškar*, *Šubaškar*, *Šəbaškar*, *Šobaškar*, *Čoboškar* надежно регистрируют ойконимический суффикс *-kar* (*kar 'город', 'поселение', 'крепость'), соотносимый с чувашским глаголом *kar-* 'загораживать', 'занавешивать', 'натягивать' и т. д. Отсюда — производное имя *karda* 'загородка', 'загон', 'огород', 'городьба', 'стойло' и т. д., где суффикс *-da* является собственно чувашским, образованным с помощью транзитивно-каузативного аффикса *-t* и именного аффикса *-a* [ср. *turt-* 'тянуть', 'натягивать' (транзитив) $+a = turda$ 'оглобли', 'дышло']⁵. Таким образом, *Šabaškar*, *Šobaškar*, *Šubaškar* и т. д. являются очевидными ойконимами и в объяснении гидронима *Čeboksar(ka)* особой роли играть не могут. Что касается марийского *Šobakšiner*, то это не название города *Čeboksary*, а старое луговое марийское наименование местности, на которой ныне расположен город. Совершенно прав М. Ряснен, когда вычленяет из зафиксированного им варианта этого имени *Šobakšenger гидронимический суффикс *-enger* (<марийск. *ēng* 'ручей', 'речка')⁶. Однако объяснение им происхождения первой части

³ Н. И. Ашмарин. Чаваш самахесен кенекки. Словарь чувашского языка, вып. I—XVII. Казань—Чебоксары, 1928—1950. Римской цифрой обозначается номер выпуска, арабской — страница.

⁴ Н. И. Золотницкий. Указ. раб., стр. 258.

⁵ Это слово, как мы видим, имеет совершенно прозрачную структуру и явно чувашскую этимологию, поэтому было бы неправильным возводить его к соответствующим финно-угорским и индоевропейским параллелям. Гражданское и военно-стратегическое строительство в древней Булгарии было достаточно развито, так что и с точки зрения исторических реалий собственно болгаро-чувашское происхождение слов со значением «город, крепость» не может вызывать каких-либо сомнений.

⁶ Zeitschrift für slavische Philologie, XXII, 1953, № 1, стр. 152.

Šobakš̄ из марийск. šobakš̄ 'кадушка', 'бурак из бересты при языческих молениях' совершенно неприслечно как с точки зрения фонетики, так и семантики. Поскольку семантические трудности в данном случае очевидны, обратимся к фонетике. Понятия «бурак», «маленькая кадушка для пива» в марийском языке передаются словом šovaš̄(ka), чему в верховом диалекте чувашского языка соответствуют šobaška, šubaška, š̄obaška (Шарбаш, Якейкино, Атмени), šobaškaḡ čəgezə, šobaškaḡ čəgessi (Моргауши) 'долбленная кадка из цельного дерева' (чаще всего из липы, заменяет комод для белья)', 'чиряс' (Сл. Аш. XVII, 224). Таким образом, сочетание -š̄k- здесь вполне устойчиво и говорит в пользу чувашского происхождения данного слова, поскольку в марийском следовало бы ожидать šovakša, и название местности было бы не Šobakšenger или Šabakšiner', а Šovakša enger, Šovakšenger или Šovakšiner'. Следует также отметить, что šovaška не имеет сколько-нибудь убедительной этимологии и не обнаруживает ни производных, ни каких-либо иных апеллятивных связей в марийском языке. О тюркских или финно-угорских соответствиях этого, имеющего исключительно локальное распространение (ближние и дальние окрестности города Чебоксары), слова говорить не приходится. Поэтому все (и марийские, и чувашские) формы вероятнее всего восходят к упомянутому моргаушскому термину šobaškaḡ čəgezə ~ šobaškaḡ čəgessi этой, столь обычной для чувашского языка, терминологической синтагме ауслатное -г- первой, определяющей части выпало перед -č-, разумеется, не без влияния -г- второй, определяемой части (своего рода сонантная разгрузка), но главным образом по аналогии с известными десятью глаголами на -г- типа рег- 'стрелять' (вместо регсə 'он выстрелил' употребляется ресə, то есть -г- перед -č- опускается)⁷. В образовавшемся при беглом произношении šobaška čəgessi первая часть деэтимологизировалась, в связи с чем утратилось ощущение производности термина от ойконима; это вполне достаточное условие для употребления šobaška вместо более полного šobaška čəgessi (ср. русское *наган* вместо револьвер системы «Наган»). Обилие соответствующей древесины, выгодное географическое положение и административно-экономическое значение сделали Чебоксары естественным центром производства указанного вида čig'as (значения «кадочка для пива», «бурак», возможно, следует считать вторично развившимися на почве заимствования в марийском). Таким образом, марийскую этимологию первой части Šobakšenger или Šabakšiner' принять нельзя. Более перспективным оказывается членение первой части марийского аллонима, оставшейся за вычетом enger ~ iner', в свою очередь, на две части: šobak-š̄, где šobak сопоставимо с первой частью русского *Чебоксар-ка*, а -š̄- можно рассматривать как результат трансформации -sar- на марийской почве: -sar- закономерно должно было дать в марийском -š̄ar- (ср. чуваш. soḡəx > марийск. šoguk и т. д.). Так получилось Šobakš̄anager, откуда путем выпадения интервокального -г- (сонантная разгрузка) и стяжения -ae- > -e- образовалась известная форма Šobakšenger. Поскольку -enger 'речка', 'овраг', 'река' в данной конструкции является вторым, следующим за -sar ~ -š̄ar топонимическим термином, то и

⁷ См.: В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, ч. 1. Чебоксары, 1954, стр. 215.

весь марийский топоним приходится признать вторичным, производным наименованием интересующей нас местности⁸.

Вышесказанное позволяет считать источником всех других форм функционирующий в русском языке гидроним *Чебоксарка*. Окончание *-ка* есть результат лексико-морфологической адаптации к русскому номенклатурному географическому термину «речка» и, следовательно, исходным было *Чебоксар*, однако чем объяснить множественное число ойконима *Чебоксары*? В топонимической литературе отсутствуют примеры образования ойконимов в пределах интересующей нас территории на базе гидронимов путем присоединения к последним флексии множественного числа. Поэтому есть все основания считать здесь окончание *-ы* исконным, находящимся в одном ряду с чувашско-булгарским аффиксом принадлежности *-i ~ -y ~ -э (~ -э)* в функции определенного артикля. Этот формант соответствует татарскому *-y (-sy)*, якутскому *-laax* и т. д.⁹; ср.: *Vus s'ugmĭ* (диал. *vus* 'осина' + *s'ugmĭ* 'овраг' + *-i* — аффикс принадлежности 3 лица) *букв.* 'её, осины, овраг'; *Ćiripkassy* (ĉĕgĕr 'еж' + *kas* (э) 'деревня', 'околоток', 'улица' + *-y* — аффикс принадлежности 3 лица) *букв.* 'его, ежа, околоток' (здесь, возможно, *Еж* — антропоним); *Jĕlĕm vĕgmanĕ* (*Jĕlĕm* 'Заволжье', 'луговая сторона Волги' + *vĕgman* 'лес' + *-э* — аффикс принадлежности 3 лица) *букв.* 'его, Заволжья, лес' и т. д.

Естественно, что местное название, представляющее собой определенное словосочетание, в котором определяемое оформлено, согласно правилам чувашской грамматики, аффиксом принадлежности в функции определенного артикля *-i (~ -y)*¹⁰, воспринимается носителями русского языка как форма множественного числа, хотя и относительно редкая, но все же характерная для топонимии всех исконно русских областей.

Что касается предшествующих аффиксу двух частей топонима, то они также имеют убедительные апеллятивы в древних булгаро-чувашских диалектах. Первая часть, представленная вариантами *ĉebak ~ ĉebok ~ ĉubak ~ ĉobak ~ šabak ~ šobak ~ šubak ~ šĕbak ~ šobak* и т. д., убедительнейшим образом уже объяснена Н. И. Золотницким: «Было бы другое дело, — пишет он, — если бы имя это было *šabak-sag*. По-киргизски *šabak* значит 'подлещик', по-чувашски *s'obax* 'лещ и подлещик', по-татарски *ĉabak* 'сорога, плотва', по-алтайски *ĉabak* 'мелкая рыба вообще', якут. *sobo* 'карась', у сахалинских айнов *ĉeb* 'рыба'; Фергенги-Шури слово *ĉabak* (с перс. на тур.) переводит 'сом'. На Дону производится улов рыбы, называемой также *ĉabak*... Поэтому, на основании нашего объяснения о значении конечной приставки *sag*, название *Ćabak-sag* значит «местность, изобильная рыбой» (=Рыбинск), тем более, что город находится

⁸ О структуре аналогичных топонимов см.: Г. Е. Корнилов. О типах топонимов в агглютинативных языках. — «Вопросы языкознания», 1967, № 1, стр. 121—128. В образовании *šobakšatenge* элемент *šag* можно было бы сблизить с *šag, šaag* из *šähig* 'город' (См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, ч. I. СПб., 1911, стр. 950) и все перевести с марийского как «речка Чебачьего города», «речка города Шобак». Однако указанный термин регистрируется лишь для турецких диалектов, а в Чувашской и Марийской республиках он пока еще в стяжённой форме не зарегистрирован даже в говорах тури-вирьял, весьма склонных к образованию контракционных долгот и иных упрощенных групп гласных и согласных.

⁹ Г. Е. Корнилов. Указ. раб., стр. 122, 125.

¹⁰ Как известно, в русских летописях 1469 г. встречается одно из первых упоминающих интересующего нас топонима: *Чебоксари*, а не *Чебоксары*. К тому же, не известно точно, где был привал русских войск Ивана Руна: в селении или же на берегу реки — «на Чебоксари». Более вероятным нам представляется последнее.

на Волге»¹¹. С точки зрения фонетики, сопоставления Н. И. Золотницкого следует считать безупречными. Неустойчивость признака ряда предударного гласного (в *čabák* это первый предударный, в *Čeboksary* — второй) обусловлена, кроме всего прочего, историей этого гласного в чувашском языке, а также историей предшествующей анлаутной аффрикаты. В дополнении к сказанному следует заметить, что этот зооним известен также в диалектах белорусского языка в форме *čubak* 'плотва'¹², ср. русск. диал. *čabak*, *čebak*, *čubak* 'лещ', 'елец', 'плотва'¹³; укр., тур., венг., тат. *čabak*; башк. *sabak*; узб. *čavag*; шорск., кирг., каз. *šabak*; азерб.¹⁴, перс. *šarag* 'лещ', 'плотва'¹⁵. В чувашском языке указанный зооним зарегистрирован в формах: *s'ubax* (литературный язык и низовой диалект анатри); *s'orax*, *s'obax* (верховой диалект вирьял-тури; Большие Олгаши, Сареево — Сл. Аш. XII, 248); *s'arak*, *s'abak* (только в антропонимах, ср. мужское языческое имя в Сл. Аш. XII, 52; *S'arak*, а также в Словаре Махмуда Кашгари *čabaq* eg 'подлый муж'¹⁶); *šorak* (только в составе топонима *Šorak s'ugmī* 'Чебачий овраг', 'Чебачья речка' в Цивильском районе, Сл. Аш. XV, 245); *s'ubak*, *s'obak* (Торпкассы, Малое Карачкино—Пошкарт, Сл. Аш. XII, 248) с обычным спектром значений 'лещ, подлещик, плотва, синец, белоглазка; карповые'.

В этимологическом отношении это исконно тюркское название рыбы совершенно прозрачно; оно образовалось с помощью весьма употребительного общетюркского именного аффикса *-ak* от древнетюркского глагола *šar-* 'плыть (шлепая по воде)'. Будучи откровенно оноματοпоэтического происхождения, оно дало большое число производных как в чувашском, так и в других тюркских языках¹⁷. Таким образом, тюркское *šarak* и русское *плотва* являются «взаимными кальками» с той несущественной разницей, что русский глагол *плыть*, от которого образовано русское *плотва*, не содержит в себе звукового образа, а лишь образ зрительно-логический; тем не менее семантическая модель здесь одна и та же, по-

¹¹ Н. И. Золотницким приводится рассказ чумака из Казанских Губернских Ведомостей (№ 47 за 1871 г.): «главный товар, который я по преимуществу покупал — чехонь, другие сорта рыбы: чабак, тарань, сула, судак, боковня». Далее следует: «Чабак, по словам очевидца, в приазовском крае есть та самая рыба, которая в других местностях называется лещом; по форме они совершенно одинаковы; весом чабак бывает около 10 фунтов». (См.: Н. И. Золотницкий. Указ. раб.).

¹² См.: И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870, стр. 700.

¹³ Ср.: А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. II, М., 1959, стр. 56—57, в котором этот корень возводится к перс. *šerau* со ссылкой на Н. В. Горева (Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896, стр. 409).

¹⁴ Х. А. Азизбеков. Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1965, стр. 389.

¹⁵ Ср.: В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 219. Автор склонен считать это слово фарсизмом. Обобщение вариантов этого зоонима см. также: G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, В. III. Wiesbaden, 1967, стр. 46—47, на что мне любезно указал И. Г. Добродомов, ознакомившийся с данной статьей в рукописи.

¹⁶ См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 135.

¹⁷ В «Древнетюркском» словаре (стр. 139) этот корень представлен значениями «резкие отрывистые звуки, щелчки; щелканье кнута; чавканье, причмокивание; хлестать, стегать, мазать, обмазывать (нашлепывая глину на стену), плыть (шлепая по воде)». В современных тюркских языках алломорфы этого корня *čab-*, *šar-*, *sab-*, *sar-*, *s'ar-*, *s'or-*, *s'ur-* имеют также значения «бить по щеке; бить (хлопать) в ладоши, аплодировать, рукоплескать; бить, ударять; рубить; косить» и многих других действий, сопровождаемых соответствующим звуковым аккомпанементом. В русском языке идея шлепка связывается с плоским телом указанной рыбы, ср., например, выражение «дать (получить) леща» (ударить плащмя по лицу) и др.

этому следует признать закономерными собирательные значения «мелкая рыба вообще», «рыба вообще», «карповые», «лещовые» и т. д., регистрируемые у рассматриваемого зоонима в отдельных алтайских языках¹⁸.

Анлаутные консонантные соответствия $\check{c} \sim \check{z} \sim s'$, а также соответствия гласных первого слога $a \sim o \sim u \sim \bar{e}$ в чувашском языке носят пространственно-хронологический характер и признаны историками языка классическими¹⁹.

В северной части Чувашии (включая и марийский левый берег Волги) имеется достаточное количество топонимов, в состав которых входит в качестве определяемого географического номенклатурного термина слово *-sar*. Поэтому можно говорить об особом топонимическом ряде. Н. И. Золотницкий приводит тринадцать подобных топонимов, включая ойконим *Чебоксары*: *Аксар*, *Байзар*, *Йоманзар*, *Кайсар*, *Кайыксар*, *Лансар*, *Писар*, *Тансар*, *Тинсар*, *Олыксар*, *Хорынзар*, *Янсар*. На самом деле этих топонимов гораздо больше, причем сюда следует отнести также и те случаи, когда после первой части, содержащей исключительно гласные переднего ряда, вместо *-sar* по закону палатальной гармонии гласных закономерно выступает *-ser*: *Ulaksar*, деревня Шибулгинской волости Цивильского уезда (Сл. Аш. III, 207); *Asl̄ V̄etser*, овраг у с. Муцирмы (Сл. Аш. V, 386); *Kaj̄eksar*, название татарского с. Баймурзина Яльчикского р-на (Сл. Аш. VI, 16); *S̄asar*, ручей (возможно, от *s̄asar* 'куница'; Сл. Аш. XI, 283); *Jopsar*, деревня Казаково Чебоксарского уезда (Сл. Аш. IV, 349); *Nitser*, речка в Шибачево (Сл. Аш. IX, 37); *Xumsar*, название части поля д. Старой Буяновой Янтиковского р-на (Сл. Аш. XVI, 158); *T̄atsar*, поле около д. Чура-касси бывшего Шихазанского р-на (Сл. Аш. XIV, 269); *Tansar*, луг около д. Криуши, также около Козловки близ Волги (Сл. Аш. XIII, 183); *Xogataksar*, озеро за Волгой, с. Шашкары бывшего Сундырского р-на (Сл. Аш. XVI, 215); *Kser s'ugm̄i*, овраг около д. Кугеевой Марпосадского р-на (Сл. Аш. VII, 334); *T̄apsar*, название с. Большая Шатьма Красноармейского р-на (Сл. Аш. XIV, 278); *Ubat-sar*, мужское языческое имя, а также название д. Нижнее Якушкино Ставропольского уезда бывшей Самарской губернии. Быть может, в результате сокращения конечного *-r* образовались также: *Ubat^Δsa*, чувашская деревня бывшей Тархановской волости Буинского уезда (по-русски *Абамза*) и речка *Abat^Δza* в том же Буинском уезде (Сл. Аш. III, 252). С

¹⁸ При обсуждении данной этимологии на Второй поволжской ономастической конференции в г. Горьком (май 1967 г.) Н. М. Шанский резко возражал против попытки выведения *плотва* из *плыть*, а *барак* из *бар*, ссылаясь на то, что «идея воды или передвижения по воде в названиях рыб на других языках никем не зарегистрирована», т. е. семантические аналогии полностью отсутствуют. С этим трудно согласиться, так как, например, Р. Якобсон слово *гува* выводит из *ug* 'вода', 'болото', 'пруд', оформленного суффиксом *-ba*, а П. Тиме латинское *piscis*, готское *fisks*, др.-нрл. *iasc* 'рыба' (с которыми, кстати, А. И. Попов давно уже сближал русское «пескарь», «пискарь») выводит из н.-е. *p-isko*, где *p-* отражает н.-е. *ar-* ~ *or-* 'вода', а *-isko* является суффиксом принадлежности. См.: Э. А. Макаев. Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970, стр. 44. На закономерность гласного *o* в первом слоге *плотва* указывает также слово *плот* («скрепленные бревна на воде»), образованное от того же корня.

¹⁹ Соответствия в первом слоге *tat. a* ~ чув. *o*, *u* ~ русск. *e* после инициального $\check{c}$ подробно рассматривались нами на примере топонимов: *Celny* из чув. *čally*, *čolly*, *čully*; *Kivsert* из чув. *kiv̄ s'urt*; *Cetajevo* из чув. *čut aj(ə)*; *Serauty* из чув. *šur ud̄i* и т. д. См.: Г. Е. Корнилов. О судьбе болгарско-чувашского $t'a^{\circ} : l \sim \check{c}a^{\circ} : l > t'ul \sim \check{c}'ol$ в топонимике Среднего Поволжья. — «Ученые записки ИИИ при СМ ЧАССР», вып. XXVI, 1963, стр. 82—88.

учетом исторического перехода $s > \text{ʃ}$ в чувашском, отложившегося пространственно в виде диалектных соответствий $s \sim \text{ʃ}$ ($kas\hat{a}k \sim ka\text{ʃ}\hat{a}k$ 'ложка', $s'upa\text{s}ka \sim s'upa\text{ʃ}ka$ 'санки', $la\text{ʃ}a \sim la\text{s}a$ 'лошадь' образовались, может быть, вторично под влиянием татарского суперстрата и по аналогии к исконным тюркским соответствиям $s \sim \text{ʃ}$ в словах типа $\text{ʃ}u \sim su$ 'вода' и т. д.), к этому же ряду следовало бы отнести топонимы со второй частью $-\text{ʃ}ag, -\text{ʃ}eg$: $\text{ʃ}\hat{e}n\text{ʃ}ag$, овражистое место, овраг у д. Избеби Урмарского р-на, правый приток реки Ары между д. Избеби и с. Ковали (Сл. Аш. XVII, 317); $Ku\text{ʃ}\hat{s}ag\ kassi$, название деревни Цивильского р-на (Сл. Аш.

VI, 65); $Ka\text{ʃ}\hat{a}g$, название села Цивильского р-на (Сл. Аш. VII, 214); $K\hat{a}r\text{ʃ}ag$, правый приток реки Ары на поле д. Кудеснер (Сл. Аш. VII, 169); $Lo\text{m}\text{ʃ}ag\ s'ygm\hat{i}$, урочище на земле д. Панклеи (Сл. Аш. VIII, 87); $\text{ʃ}\hat{e}m\text{ʃ}ag$, река и поле на земле д. Чура (т) чики Цивильского р-на, а также название деревни (Сл. Аш. XVII, 296); $Jl\hat{u}k\text{ʃ}ag$, название киремети (Сл. Аш. III, 108); $J\text{ʃ}me\text{ʃ}eg$, озеро в д. Байчеева-Старак бывшей Воскресенской волости Чебоксарского уезда, там же название улицы, которая оканчивается озером «вроде болота» (Сл. Аш. III, 162) и т. д. Интересующий нас в данном случае термин ag , а также его фонетические алломорфы $\text{ʃ}ag \sim \text{se}g \sim \text{ʃ}eg$ имеют надежные соответствия в тюркских и финно-угорских языках. Сюда, во-первых, относятся, несомненно, более поздние чувашские формы $\text{ʃ}og$ и $\text{ʃ}ig$ 'стоячая вода', 'болото', 'мочажина', 'топкое место', отразившиеся в венгерском $\text{ʃ}aag$ 'грязь', 'слякоть' и т. д. Можно предположить, что древнее болгаро-чувашское соответствие современным чувашским $\text{ʃ}og$ (диалект вирьял-гури) и $\text{ʃ}ig$ (диалект анатри), выглядевшее как $*sag \sim *ʃag$, имело более широкий спектр значений, а именно «стоячее болото», «проточное болото», «ручей, речка, текущие из болота», «ручей, речка или река с заболоченными берегами». Последнее делает понятными современные значения этого несомненного болгаризма в составе лексики смежных финно-угорских языков, ср. удм. $\text{ʃ}ig$ 'ручей', 'речка', 'река', коми $\text{ʃ}og$ 'ручей', 'ручеек' и т. д.; в подавляющем большинстве случаев эти ручьи и речки текут из болот или через болота, либо имеют заболоченные берега и участки. Основания считать этот термин болгарским (= древнечувашским) весьма веские: 1) ротацизм, ср. в других тюркских языках: $saz, sas, soos$ и т. д.²⁰ с тем же спектром значений; 2) общетюркский характер в алтайских языках; 3) исключительно восточнофинский характер в уральских (венгерское слово интерпретируется в числе других болгаро-чувашских заимствований).

В тюркских языках имеется и другое фонетически и, казалось бы, семантически близкое слово, ср. кирг. $\text{ʃ}ag$ 'быстрое, бурное течение', 'быстрина'²¹; тур., телеут. $\text{ʃ}ag$ 'звук журчания воды'; телеут., тур., каз., шор., чув. $\text{ʃ}arla$ ($\sim \text{ʃ}orlo \sim \text{ʃ}artla$) 'журчать', 'шуметь (о воде)', 'быстро течь'; чув. $\text{ʃ}arлак$ 'водопад' и т. д. Однако это слово совершенно другого, а именно ономотопозитического происхождения, и в специально гидронимическом плане оказывается противоположным как тюркскому

²⁰ В. В. Радлов. Указ. раб., стр. 394, 397. Приведенные выше факты не позволяют нам согласиться с утверждением, что «у чувашей нет гидронимов с компонентом $-sag(a)$ » и что «гидронимы с соответствующим компонентом имеются чуть ли не во всех финно-угорских языках». (См.: И. Андреев. Сар шывен яче пирки. — «Чаваш календаре, 1968». Шулашкар, 1967, стр. 110). Что касается флексии $-a$, то она чаще всего не исконна, а являет собой вторичный результат лексико-морфологической адаптации к типу «река» (женский род!).

²¹ К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 902.

saz, так и болгарскому *saġ*. Иного происхождения, по всей вероятности, и тюркский корень, представленный в кирг. *soġ* 'солончак', уйг. *šoġ* 'солончаковая степь', 'морская соль' и т. д., тем более, что в древнетюркском было особое слово *soġ* ~ *šoġ* со значением «соль», «соленый»²², ср. чув. *šarak* 'горько-соленый'. Сказанное, однако, не отвергает полностью сделанное Н. И. Золотницким в упомянутой выше работе сопоставление *-saġ* в составе *ĉeboksary* с аффиксом *-saġ* (~ *-zaġ* ~ *-seġ* ~ *-zeġ*) иранского происхождения, обозначающим изобилие того, что выражено основой, и в этом смысле точно соответствующим собственно тюркскому именно суффиксу ~ *-lyk* ~ *-lik* ~ *-lāx* ~ *-lāx*. Например, от чув. *xigāp* 'береза' можно образовать как *xigāplāx*, так и *xigāpsaġ* или *xigāpsoġ* 'место, изобилующее березами'. Когда через несколько столетий после освоения болгарскими племенами территории Среднего Поволжья в соответствующих болгаро-чувашских диалектах нарицательный географический номенклатурный термин *saġ*, повинувшись фонетическим законам, стал звучать в составе апеллятивной лексики как *šoġ* или *šig*, то сохранившееся благодаря татарскому адстрату и суперстрату звучание *saġ* в составе застывшего собственного имени невольно могло уже восприниматься в качестве (усвоенного к тому времени через татарский же язык?) аффикса *-saġ* ~ *-soġ*. Однако сохранившийся русским языком аффикс принадлежности ~ *y* убедительно свидетельствует, что первоначально здесь было самостоятельное имя, то есть географический номенклатурный термин. Таким образом, современный гидроним *Чебоксарка* звучал первоначально *ĉabak saġy*, что буквально переводится как 'Чебачья речка' и членится: *ĉabak* (или *ĉarak*, где *-p-* закономерно озвончается на болгаро-чувашской почве в интервокальном положении) + *-saġ* + *-y* (~ *-i*) 'его, чебака, речка'. Название речки позднее перешло как на урочище, так и на вновь построенную русским правительством крепость.

Откуда же современное чувашское название города: в верховом диалекте *šobaškar*, а в низовом и литературном языке — *šubaškar*? Многие считают вслед за академиком Н. Я. Марром это название исконным чувашским, а соответствующее русское название — результатом нежелательного его искажения. Однако *šuraškar* (в транскрипции *šubaškar*) не содержит ни отдельных звуков, ни звукосочетаний, могущих представить какую-либо трудность для русского произношения. Поэтому есть основания считать, что это имя особого происхождения.

šuraškar стоял на берегу Волги и представлял собой болгарскую крепость, во всяком случае сильно укрепленное против черемис селение, о чем говорит само название, непосредственно восходящее к болгарскому *šuraš* 'военачальник' и *kar* 'город', 'крепость', 'укрепление', ср. древнетюркское *sü* 'войско', *sü bašu* 'военачальник', 'предводитель войска', 'воевода'²³. Последнее слово было переосмыслено на южнотюркской почве как *su bašu* 'начальник по распределению воды'.

Возникновение названия города *Чебоксары* сходно с образованием топонима *Цивильск*, восходящего к названию реки (ср. река *Цивиль*, чув. *S'aval*). *Цивильск* был основан русскими в соседстве с болгарским укрепленным пунктом *S'эг'рү* (*Sig'bü*) 'селение сотника (ранг войскового

²² Древнетюркский словарь, стр. 524.

²³ Там же, стр. 516.

командира)'. Позднее болгарское селение было перенесено дальше, а окрестные чуваша ойконимом S'эг'рү стали называть русскую крепость, а затем и русский город. Так возникли два названия одного города: по-русски Цивильск, по-чувашски S'эг'бү. Подобным же образом река дала название русской крепости — Чебоксары, а окрестные чуваша перенесли на нее название бывшей резиденции крупного по тем временам воеводы болгарской крепости Šuraš(y)kaг. К моменту прихода русских на должность s'эг'рү, šurašy²⁴, несомненно, назначались ставленники Казани²⁵.

²⁴ В современном чувашском языке этот термин в составе апеллятивной лексики не сохранился, как и десятки других военно-административных терминов болгарской эпохи. Функционирование его исключительно в составе собственного имени обусловило сохранение второй части -раš(y) в первоначальном виде (в современном языке он звучал бы -pus'ə). Замена первого слога šü- (<*sü-) произошла в условиях верхового диалекта чувашского языка, ср. в Словаре Ашмарина: süs ~ šüs' šäväs' (XI, 228); sülcä ~ sulcä (XI, 222); putek ~ pütek, putene ~ pütene (X, 95); šü ~ šu ~ šyv (XVII, 260); čuräk ~ čüräk (XV, 245); čuk ~ čük (XV, 218); S'ütkül ~ S'utkül (XII, 310); s'ür ~ s'ur, s'ävär ~ s'üre ~ s'ura (XII, 300); s'urġ ~ s'ür ~ s'ürġ (XII, 305); s'üllen ~ s'ullen (XII, 296); s'ops'a ~ s'üps'e ~ s'ups'e. s'ür-s'ar ~ s'ups'ar (XII, 250); s'ujən ~ s'üjən (XII, 201, 202, 292) и т. д.

²⁵ Пользуясь случаем, выражаю свою признательность профессорам В. Д. Дмитриеву, В. Ф. Каховскому и к. ф. н. И. Г. Добродомову, прочитавшим данную работу в рукописи и сделавшим ряд ценных указаний. Столь же признателен автор В. А. Никонову, организовавшему ее обсуждение на Второй поволжской ономастической конференции в г. Горьком. В. Д. Дмитриев, в частности, сообщил автору, что близкие к изложенным в этой статье соображения мысли ему приходилось прежде слышать от покойного Н. Р. Романова, этнузиаста-этнографа и историка.

В. А. НИКОНОВ

РАЗМЕЖЕВАНИЕ ЛИЧНЫХ ИМЕН ПО ПОЛУ У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ

Личные имена тюркоязычных народов долгое время не привлекали внимания тюркологов и не становились объектом их исследования. На важность изучения этой проблемы указывал еще А. Н. Самойлович¹. Однако за первую половину XX в. литература по данному вопросу, по сути дела, сводилась лишь к немногим страницам, написанным В. А. Гордлевским. Только в 50-х гг. нашего века ученые начинают по-настоящему интересоваться этой проблемой. Начало сдвига ознаменовали работы Ю. Немета, Л. Рашени, А. Джафероглы, Л. Фундикоглы и других зарубежных исследователей. В Советском Союзе значительный вклад в эту область внес Н. А. Баскаков, прилагавший к двуязычным словарям списки личных имен тюркоязычных народов.

За последние несколько лет появились и специальные исследования, посвященные антропонимике тюркских народов СССР: татар (Г. Ф. Саттаров, Р. Х. Субаева), башкир (К. З. Закирьянов, З. Г. Ураксин, Т. Х. Кусимова, А. Н. Мирославская), казахов (Т. Ж. Жанузаков), узбеков (Э. Бегматов), киргизов (К. Мамбеталиева), туркмен (З. Б. Мухамедова, Г. Сапарова, Ш. Аннаклычев), азербайджанцев (Ш. М. Саадиев), якутов (Е. И. Убрятова, Н. Е. Петров), алтайцев (Н. И. Шатинова). Большую ценность представляют новые публикации самих имен, вводящие в научный обиход богатый и неизвестный до сих пор материал, собранный Р. Г. Кузевым о башкирах и С. А. Токаревым о якутах. Тюркская антропонимия была в центре внимания и участников трех Поволжских ономастических конференций (1957, 1969, 1971), Среднеазиатского и Кавказского ономастических семинаров, а также Всесоюзного совещания по личным именам (1968). С научными сообщениями выступили руководители органов ЗАГС: Азербайджанской ССР — М. М. Гусейнов, Татарской АССР — И. В. Большаков, Башкирской АССР — Т. Р. Рамазанов. Тюркские антропонимисты в настоящее время составляют, пожалуй, наиболее многочисленный отряд советских ученых, занимающихся антропонимикой.

Однако внимание исследователей привлекают главным образом такие «выигрышные» явления в антропонимии, как, например, возникновение новых имен. Не умаляя значения подобных исследований, хотелось бы подчеркнуть, что многие другие важные проблемы остаются, к сожалению, пока вне поля зрения ученых.

¹ А. Самойлович. К вопросу о наречении имен у тюркских племен. — «Живая старина», вып. 2. СПб., 1911.

Известно, что личное имя — тоже слово, и, как все слова, оно подчиняется законам и нормам языка. В процессе развития языка возникают различные явления, порой противоречивые, зарождаются и формируются новые нормы, становление которых может длиться не один век. На русском материале такой многовековой процесс нормализации формы личных имен раскрыт на тщательно отобранных и проанализированных статистических данных². Аналогичный процесс прослеживается и в тюркской антропонимии.

В тюркских языках, как известно, отсутствует грамматический род. Поэтому в них нет формальной дифференциации личных имен на мужские и женские. В подавляющем большинстве своем эти имена формально неразличимы. Различия вводились в основном заданными списками, то есть было принято считать, что, например, *Абдулла*, *Ахметша* — имена мужские, а *Чолпан*, *Зумрат* и *Кундуз* — женские. Отнесение тюркских имен к мужским или женским производится в зависимости от их этимологии, вернее, от семантики слов—основ имен: мальчиков называли именами, выражающими силу и храбрость, девочек — именами, олицетворявшими красоту и нежность. Поэтому ряд мужских имен происходит от названий оружия (*Темир*, что означало «железо», *Булат* — «сталь») или хищников (*Арслан* — «лев», *Джульбарс* — «тигр»); многие же женские имена восходят к названиям драгоценностей (*Алтынкыз* — «золотая девушка»), цветов (*Гульнар* — «цветок граната») и т. п. Кроме того, существовал набор постоянных традиционных элементов, разграничивающих имена в зависимости от пола их носителей. Так, например, элементы *абд-*, *-дин*, *-улла* выступали признаками мужского имени, а элементы *биби-*, *-нисо*, *-ханум* — женского. Наряду с этим существовало и много парных имен. Например, у казахов и в современном справочнике имена *Акжан*, *Ансар*, *Жанар* и многие другие показаны и как мужские, и как женские³. Составители узбекского именного справочника полностью отказались от различения мужских и женских имен, приводя их в алфавитном порядке, в едином перечне и без помет⁴.

Конечно, неразличение мужских и женских имен создавало известные неудобства, но так как прежде весь жизненный строй тюркских народов резко разграничивал мир мужчины и женщины, — недоразумения из-за смешения имен возникали довольно редко. В настоящее время положение изменилось, «двуполость» имени стала давать о себе знать, создавая определенные затруднения. В этой связи, имея в виду азербайджанские имена, Ш. М. Саадиев пишет: «Одно и то же имя некоторые родители дают мальчику и девочке: Ширин, Шовкят, Хавер, Гюзел и т. д. Это нежелательно»⁵. Отсутствие грамматического рода привело к тому, что казахского мальчика называли русским словом женского рода — *Армия*, а девочку — русским словом мужского рода — *Закон*⁶. В результате, так как казахи часто живут в тесном контакте с русскими, возникла комическая ситуация.

Неудобства от смешения мужских и женских личных имен сделали необходимым нормализацию форм мужского и женского имени. Этот процесс размежевания имен, начавшийся у татар и башкир еще в доре-

² См.: В. А. Никонов. Личные имена в современной России. — «Вопросы языкознания». М., 1967, № 6, стр. 110—111.

³ «Қандай есімді ұнатасыз». Алматы, 1968.

⁴ Я. Менажиев, Х. Азаматов, Д. Абдурахмонов, Э. Бегматов. Исмийгизнинг маъноси нима? Тошкент, 1968.

⁵ Ш. М. Саадиев. Основные правила выбора имен для новорожденных. — В сб.: «Личные имена в прошлом, настоящем и будущем». М., 1970, стр. 197.

⁶ Т. Жанузаков. Лично-собственные имена в казахском языке. Алма-Ата, 1970, стр. 6.

волюционное время, постепенно охватывает и другие тюркоязычные народы СССР. Все меньше становится мужских имен, оканчивающихся на гласный звук, и женских — на согласный. Статистика свидетельствует о том, что происходит отчетливая поляризация мужских и женских имен.

Ниже приводятся статистические данные, охватывающие около 100 тысяч человек, для удобства сопоставления перерасчитанные на одну тысячу новорожденных каждого пола.

Подсчеты выполнены по регистрациям рождений, взятым в архивах загсов. Причем документы предреволюционных лет сгруппированы применительно к ныне существующему административно-территориальному делению.

Имена, оканчивающиеся гласным звуком (с вокальным окончанием), получили новорожденные (на 1 тыс.):

Национальность	Год. рожд.	Местность	Мальчики	Девочки
татары	1900—1918	г. Казань	260	750
»	»	р-ны Актаныш. и Богато-Сабин.	234	748
»	1967	г. Казань	4	874
»	»	сельские р-ны Тат. АССР	14	830
»	»	Ст.Кулаткин. р-н Ульянов. обл.	8	833
башкиры	1900—1918	Бурзян. и Салават. р-ны	218	768
»	1968	10 р-нов Башк. АССР	28	870
азербайджанцы	1900—1919	Агдам., Кюрдамир. и Уджар. р-ны	228	554
»	1968	»	81	600
»	»	г. Баку (два центр. р-на)	54	666
узбеки	1900—1920	Нуратин. р-он Самарканд. обл.	392	274
»	1965	»	132	502
»	»	Хотырчин. р-он	117	566
»	»	г. Самарканд	91	769
киргизы	1969	г. Фрунзе	7	574
»	»	7 р-нов Кирг. ССР	150	446
казахи	»	13 р-нов Джамб. и Чимк. обл.	69	480
ногайцы	1968	Ногайск. р-н Даг. АССР	189	516
кумыки	»	Буйнак., Кизилюрт., Ленин. р-ны Даг. АССР	178	180

Как видно из таблицы, у татар и башкир тенденция размежевания форм мужских и женских имен проявлялась уже с начала XX века: около 75 процентов новорожденных мальчиков получали имена с консонантным окончанием, а 75 процентов новорожденных девочек — имена с вокальным окончанием. За прошедшие с того времени полвека процесс размежевания имен по форме в зависимости от пола у татар и башкир почти полностью завершился. В 1967 г. в столице Татарии из каждой тысячи новорожденных мальчиков 996 получили имена с закрытым окончанием (в том числе 431 на сонорный и 385 — на -д, -т), а из каждой тысячи новорожденных девочек 874 получили имена с открытым окончанием и лишь 126 — с закрытым (преимущественно на сонорный). Подобное же цифровое соотношение можно наблюдать и у новорожденных девочек-башкирок. Интересно, что старые имена также оказываются вовле-

ченными в этот процесс. Башкирки 1968 г. рождения чаще всего нарекались именем *Гюльнара* (перс. *гюль* 'цветок', арабск. *нар* 'гранат'). В сельских районах в 94,6% записей о рождении зафиксировано вокальное окончание — *Гюльнара* (иногда *Гюльнара*, *Гулнара*). Лишь в 5,4% — зафиксировано *Гюльнар* (иногда *Гулнар*).

Дифференцированная нормализация имен по полу отчетливо прослеживается и в именнике азербайджанцев. Даже самое распространенное в 1968 г. имя новорожденных бакинок — *Севиндж* не явилось помехой для проявления этой тенденции: 60 процентов новорожденных девочек Баку получили имена с вокальным окончанием. Аналогичный процесс наблюдается и в сельских районах (60% женских имен с вокальным окончанием). Что касается упомянутого имени *Гюльнара*, то во всех документах загсов городских районов Баку зафиксирована вокальная форма окончания этого имени. В сельских же районах обе формы этого имени употребляются в равной степени: там пишут и *Кулнара*, и *Кулнар*. Официальный справочник личных имен Азербайджанской ССР продолжает указывать форму «*Кулнар*, русск. *Гюльнар*»⁷, в то время как в практике органов ЗАГС давно утвердилось вокальное окончание этого имени.

В Узбекистане еще в 20-х гг. девочки в абсолютном большинстве случаев получали имена, оканчивающиеся согласным звуком, особенно распространено было окончание на *-ат* (арабский показатель женского рода прилагательных — *Саодат*, что значит «удачливая»). Мужские имена также не были нормализованы по форме. Но и здесь идет интенсивный процесс нормализации. В 1965 г. в Самарканде из каждой тысячи новорожденных узбекских мальчиков 909 получили имена с закрытым окончанием. Почти такая же картина наблюдается и в районах Узбекистана (868—883). Новорожденные девочки-узбечки в том же году в 75% случаев получили имена с вокальным окончанием. Этот процесс распространяется и на районы. Характерно, что в узбекском словаре личных имен, в первом издании 1964 г. приводится форма *Гулнор*⁸, во втором издании 1968 г. уже — форма *Гюльнора*⁹.

У ногайцев из тысячи новорожденных мальчиков 811 получают имя с консонантным окончанием; имена девочек более чем в половине случаев имеют вокальное окончание.

Несколько иная картина у кумыков, обитающих в горных районах Дагестана. Хотя здесь преобладают мужские имена с консонантным окончанием (из тысячи мальчиков 822 получают имена с окончанием на согласный), женские имена пока еще не охвачены общей тенденцией и продолжают сохранять консонантизм в окончаниях. Здесь больше других распространены имена типа *Патимат*, *Аминат* и т. п. Имя *Гюльнара* у кумыков часто фиксируется в форме *Гюльнарарат*, то есть ему придается преобладающая в мусульманских личных именах форма арабского прилагательного. Вокализм в окончаниях женских имен у кумыков распространяется пока медленно. Недостаточно развиты у кумыков и другие современные тенденции антропонимии тюркоязычных народов. Две трети новорожденных кумыкских мальчиков и девочек получают составные имена, которые у других тюркских народов выходят уже из употребления. Безусловно, и кумыкская антропонимия будет постепенно втянута в общий процесс становления и развития упоминавшихся выше тенденций. Показательно, например, что в каждом кумыкском районе появилось имя

⁷ «Азери шәхс адлары мә'лумат китабчасы». Бақы, 1969, стр. 31.

⁸ См.: Я. Менаджиев, Х. Азаматов, Д. Абдурахмонов, Э. Бегматов. Исмнингизнинг маъноси нима? Тошкент, 1964.

⁹ См.: Я. Менаджиев, Х. Азаматов, Д. Абдурахмонов, Э. Бегматов. Исмнингизнинг маъноси нима? Тошкент, 1968.

Эльмира, а рожденная 7 ноября 1967 г. в ауле Султаниянгиюрт дочь шофера Аскерханова получила имя *Юбилейна*.

Конечно, выбирая имя, родители часто поступают совершенно неосознанно, не задумываясь ни над формой, ни над содержанием. Однако «языковое чутье» помогает им отдать предпочтение тому, что соответствует новой тенденции в языке. При этом властно срабатывают ассоциативные связи, дифференцируя имена по форме на мужские и женские. Победе новой формы способствует практика образования женского имени путем добавления гласного к мужскому имени, если последнее оканчивается на согласный (мальчик — *Джамиль*, девочка — *Джамия*), а также изменения женских имен типа *Гюльнар* на *Гюльнара*. Однако такой способ дифференциации свойствен только именам, оканчивающимся на *-р* или *-л*; женские же имена с окончанием на другие согласные постепенно выходят из употребления так же, как и мужские имена с вокальным окончанием. Нет нужды форсировать этот процесс или хотя бы загадывать дату его завершения. Однако лингвисты, а с их помощью и работники загсов, обязаны видеть ведущую тенденцию развития в антропонимии, диктующую новую норму. С этой нормой, не навязывая ее, следует знакомить и родителей новорожденных.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Н. А. БАСКАКОВ

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ СКАЗУЕМОГО В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Структура предложения, и в особенности структура сказуемого, до настоящего времени полностью не раскрыта, и проблема состава сказуемого в структуре предложения является едва ли не самой сложной.

Существующие в языкознании теории как общего, так и частного характера (например в тюркологии) решают этот вопрос различно.

Сторонники односоставности тюркского предложения (К. Грёнбек¹ и его последователь К. Манди²) утверждают, что сказуемое — своеобразное определяемое, к которому все препозиционные члены, в том числе и подлежащее, относятся как определения. Эта теория по существу отрицает наличие двух противоположных по своей сущности конструкций: атрибутивных (словосочетания) и предикативных (предложения), сводя эти две конструкции, выражающие различные мыслительные акты (атрибуцию — конкретизацию и предикацию — абстрагирование), к одному типу — атрибуции.

Сторонники двусоставности предложения, к которым относится и автор этих строк, находят, что предложение как синтаксическая конструкция состоит формально или имплицитно, но обязательно из двух основных и главных компонентов — подлежащего и сказуемого.

Следует отметить, что и сторонники двусоставности предложения не противопоставляют последнему словосочетание, считая словосочетание только «строительным материалом» для предложения.

Существенное отличие предложенной мною концепции заключается в противопоставлении предложения и словосочетания — двух диаметрально противоположных синтаксических конструкций, исключающих друг друга как по своему содержанию, так и по составу.

Надо сказать, что существующие теории, основанные на постулате двусоставности предложения, также не раскрывают сущности и состава сказуемого в предложении. Обычно сторонники этих теорий ссылаются на то, что формой его служит либо имя со связкой, либо спрягаемая форма глагола. При этом в полной мере ими не раскрываются ни сама сущность так называемых связок и спрягаемых форм глагола, ни состав парадигмы спряжения. Однако совершенно ясно, что парадигма спряжения глагола — это подбор небольших предложений, в которых подлежащие представлены личными местоимениями, а ска-

¹ См.: К. Grönbech. Der türkische Sprachbau, I. Kopenhagen, 1936.

² См.: С. S. Mundy. Turkish syntax as a system of qualification. — Bulletin of the School of oriental and african Studies, v. XVII, стр. 2. London, 1955.

зыемые — соответствующими личными спрягаемыми формами глагола или именами со связками. Следовательно, объяснить состав сказуемого личной формой спрягаемого глагола (*verbum finitum*) равносильно утверждению, что сказуемое выражено тем же сказуемым.

Таким образом, в данном случае в задачу исследователя входит анализ как всех типов сказуемого, так и выражающих их форм, то есть спрягаемых форм глагола и сочетаний имен со связкой, а именно анализ самого состава сказуемого, его основных элементов, формально или имплицитно выраженных во всех существующих их формах.

Такой анализ типологии сказуемого чрезвычайно сложен и требует сопоставления большого материала и правильно намеченной ретроспективной диахронической последовательности в развитии различных конструкций сказуемого, сохранившихся в анализируемом языке.

Одной из попыток раскрытия состава сказуемого в структуре тюркского предложения является предложенная мною концепция, последовательно изложенная в опубликованных мною статьях³.

Естественно, что любая новая постановка проблемы вызывает дискуссию, которая способствует установлению истины в том случае, если не исходит из ошибочных или искаженных представлений об обсуждаемой концепции.

В свете сказанного хотелось бы несколько подробнее остановиться на статье Б. А. Серебренникова «О логицизме в тюркологических исследованиях»⁴.

Статья Б. А. Серебренникова начинается с неверного толкования взглядов Н. К. Дмитриева⁵. В приведенной Б. А. Серебренниковым цитате из «Грамматики башкирского языка» Н. К. Дмитриев говорит о единстве категории лица как для глагольного, так и для именного сказуемого с формально выраженной или нулевой связкой. Ссылаясь на эту цитату, Б. А. Серебренников приводит свои примеры: *тiп јадуг-туп* 'я буду писать' и *тiп јадувсу-туп* 'я емь пишуций', тут же делая вывод о неправомочности приведенных примеров, хотя эти примеры в данном контексте принадлежат не Н. К. Дмитриеву, а самому Б. А. Серебренникову.

Н. К. Дмитриев на той же странице указывает, что глагольная форма *verbum finitum* (в данном случае *јадуг-туп*) и именное сказуемое с нулевой связкой (*јадувсу (тугур) туп*) имеют различную форму отрицания.

Повторяя эти положения, Б. А. Серебренников ставит в упрек Н. К. Дмитриеву, что тот не учитывает различий между отрицанием при сказуемом, выраженном глаголом, и при сказуемом, выраженном именем, и в итоге совершенно правильные положения Н. К. Дмитриева называет «неверными выводами».

Неправильная интерпретация положений Н. К. Дмитриева усугубляется еще и тем, что Б. А. Серебренников не учитывает существования в предложениях с так называемым именным сказуемым в настоящем времени нулевой положительной связки, которая обязательно выража-

³ См.: Н. А. Баскаков. Структура простого предложения в тюркских языках. — «Труды Института языка и литературы АН Киргизской ССР», вып. VI, 1956; его же: Sur le genèse de la structure de la proposition dans les langues turques. — «Acta Orientalia Academiae scientiarum Hungaricae», t. XI, f. 1—3. Budapest, 1960 и другие. Последняя из этих работ (с полной библиографией) — «Бинарные оппозиции в структуре синтаксиса тюркских языков» — опубликована в журнале «Советская тюркология», 1970, № 6.

⁴ Б. А. Серебренников. О логицизме в тюркологических исследованиях. — «Советская тюркология», 1971, № 5.

⁵ См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М., 1940, стр. 138.

ется формально, когда то же предложение дается в отрицательной или в какой-либо временной форме, кроме настоящего времени. А это приводит Б. А. Серебренникова к смешению таких форм, как башк. *тiп јадуг туп* 'я буду писать', где в качестве сказуемого выступает причастие, обладающее семантикой времени и модальности, и башк. *јадувсу туп* (<*јадувсу тург туп*) 'я ем пишуший', где в качестве сказуемого выступает сочетание имени со связкой (нулевой), имплицитно содержащее категории времени и модальности.

Для доказательства правильности данного положения достаточно переформировать эти примеры в прошедшем времени, и тогда в первом случае выступит соответствующее причастие на *-уап/-ген* (*тiп јадуг-туп* 'я буду писать' и *тiп јадуап-туп* 'я писал'), а во втором — появится связка (*тiп јадувсу-туп* 'я — пишуший, я писатель' и *тiп јадувсу idim* 'я был пишушим, писателем').

Поэтому-то в отрицательной форме в первом случае причастие замещается соответствующим причастием отрицательной формы, например, *тiп ал-та-т* < *тiп ал-та -θ-* туп 'я не возьму', а во втором — выступает отрицательная связка, например, *тiп јадувсу түгел тiп* 'я не пишуший, я не писатель'. Это не было учтено Б. А. Серебренниковым, не делающим разницы между двумя формами сказуемого: а) выраженного причастием и б) выраженного именем с нулевой связкой.

Подобные же критические замечания высказываются Б. А. Серебренниковым по поводу моей концепции, относящейся к анализу структуры тюркского предложения (см. упомянутую статью, стр. 77): «Таким образом, в основе концепции Н. А. Баскакова лежат идеи К. Грэнбека и Н. К. Дмитриева, а также произведенное Н. А. Баскаковым логическое приравнивание функций атрибута и предиката. Например, в предложениях (sic!) «Красное яблоко» и «Скот пасется» слова «красный» и «пасется» имеют более абстрактное значение, а «яблоко» и «скот» — более конкретное».

В приведенной цитате сильно искажены примеры, а толкование им дано превратное.

Дело в том, что Н. А. Баскаков ни в одной своей работе не ссылался на приведенные Б. А. Серебренниковым предложения «Красное яблоко» (какое же это предложение!) и «Скот пасется». Н. А. Баскаков утверждал, что атрибутивное словосочетание *quzul alma* 'красное яблоко' состоит из одной цепи сочетающихся слов $A-C$, а предложение *теең талут хавида жоғ ол* 'мой скот пасется на пастбище' — из двух сопоставляемых атрибутивных цепей $A_1-C_1 - A_2-C_2$, из которых первую составляет подлежащее *теең талут* (A_1-C_1), а вторую — сказуемое *хавида жоғ ол* (A_2-C_2), причем первые, то есть атрибутивные словосочетания, базирующиеся на атрибуции, противоположны по своему содержанию и форме предикативным конструкциям, базирующимся на предикации. Следовательно, сопоставление Б. А. Серебренниковым им самим составленных предложений (?) «Красное яблоко» и «Скот пасется» проводится им лишь только для того, чтобы «раскритиковать» выдвинутую нами концепцию.

Подобным «методом» критики Б. А. Серебренников пользуется и далее.

Излагая довольно точно и последовательно мою концепцию о структуре предложения и словосочетания (стр. 75), Б. А. Серебренников приписывает мне не вытекающий из этой концепции вывод, заключающийся якобы в том, что «предикативные и атрибутивные синтагмы имеют одну и ту же корреляцию входящих в них слов, то есть по су-

шеству предикативные синтагмы — по своему происхождению тоже атрибутивные».

В моей же статье, на которую при этом ссылается Б. А. Серебренников, подчеркивается простота структуры словосочетания, состоящего из одной атрибутивной группы, и сложность структуры предложения, состоящего из сопоставления двух атрибутивных групп, но ни в коей мере не утверждается, что предикативные конструкции совпадают по своему происхождению и структуре с атрибутивными, хотя в основе каждой из сопоставляемых в предложении двух групп слов и лежат атрибутивные отношения.

В моей статье диаметрально различия конструкций словосочетания и предложения подчеркиваются следующим выводом: «Таким образом, как предикативные, так и атрибутивные словосочетания базируются на одних и тех же отношениях слов между собой. В основе атрибутивных словосочетаний лежат простые атрибутивные отношения двух слов или двух групп слов, выражающих простейшие сочетания атрибута с атрибутом (a—A) или атрибута с субстанцией (A—C). В основе же предикативных словосочетаний лежат более сложные, но также восходящие к атрибутивным отношения, а именно сопоставление, выражающее неполное тождество двух атрибутивных словосочетаний, из которых первое выражает более конкретное, а второе более абстрактное понятие (A₁—C₁—A₂—C₂)»⁶.

Как видно из самих определений атрибутивных конструкций с их структурой (A—C) и предикативных конструкций с их структурой (A₁—C₁—A₂—C₂), эти конструкции нельзя отождествлять.

Если бы предикативные сочетания мною отождествлялись с атрибутивными, то зачем было бы Б. А. Серебренникову ссылаться на мое положение о том, что «анализ всех типов синтагм в тюркских языках позволяет выявить два типа группировки слов, отличающихся по своей сущности, структуре и форме и базирующихся на двух разных типах человеческой мысли. Это синтагмы предикативные и синтагмы атрибутивные» (стр. 75).

Различие этих конструкций подчеркивается именно тем, что атрибутивные конструкции представляют собой сочетания двух слов или двух групп слов, выражающих простейшие атрибутивные сочетания, в то время как предикативные конструкции представляют собой сопоставление, выражающее неполное тождество двух атрибутивных словосочетаний. Иначе говоря, атрибутивные конструкции односложны — состоят из одной цепи, составляющей отношение определения и одного определяемого, в то время как предикативные — из двух сопоставляемых цепей, составляющих, однако, те же атрибутивные отношения.

Далее Б. А. Серебренников, исходя из ошибочной предпосылки, приходит к следующему неправильному заключению: «Источники концепции Н. А. Баскакова найти нетрудно. В основе ее лежит теория близости атрибутивных и предикативных групп в тюркских языках, которую развивал в свое время К. Грэнбек» (стр. 76).

К сожалению, Б. А. Серебренников не видит принципиального различия между изложенной мною концепцией и теорией К. Грэнбека⁷ и его последователя К. Манди⁸, которые действительно рассматривали

⁶ N. A. Baskakov. Sur la genèse de la structure de la proposition dans les langues turques. — «Acta Orientalia Academiae scientiarum Hungaricae», t. XI, fasc. 1—3, Budapest, 1960, стр. 37.

⁷ См.: K. Grönbeck. Указ. раб.

⁸ См.: C. S. Mundy. Указ. раб., стр. 2.

структуру предложения, как одну, единую цепь (разбивка моя. — Н. Б.) последовательных определений к сказуемому, как основному члену предложения, не видя принципиального различия в структуре атрибутивных и предикативных конструкций.

Принципиальное же отличие выдвинутой мною концепции заключается именно в том, что, во-первых, в ней словосочетание и предложение противопоставляются как диаметрально противоположные друг другу синтаксические конструкции, выражающие два противоположных типа мыслительных актов человека, и, во-вторых, в этой концепции подчеркивается наличие в предложении двух самостоятельных атрибутивных групп, из которых одна, соответствующая логическому субъекту, всегда конкретна, а другая, соответствующая предикату, всегда абстрактна, причем в структуре предложения первая всегда абстрагируется второй.

С дальнейшими рассуждениями Б. А. Серебренникова до того места, где он говорит о природе предиката (рассматриваемого мною как вторая атрибутивная цепь в составе предложения, состоящая из динамического признака — причастия и субстантивного элемента), посвященными критике концепции К. Грэнбека, характеризующей предложение как единую цепь определений к сказуемому, я вполне согласен, ибо тоже считаю предложение синтаксической конструкцией, противопоставленной словосочетанию.

Что же касается структуры предиката, то здесь Б. А. Серебренников смешивает положения моей концепции на этот раз уже с положениями концепции Г. П. Мельникова. Придерживаясь одного и того же мнения по некоторым аспектам объяснения структуры синтаксиса тюркских языков в понимании самого состава предиката, мы с Г. П. Мельниковым принципиально расходимся. Г. П. Мельников считает, что структура предложения состоит из темы + рема (=уточненной теме), а структура предиката — из повторения темы с уточняющим признаком, что совершенно не соответствует моему пониманию структуры предложения.

Если Г. П. Мельников понимает атрибуцию как усложненную номинацию, то в моем понимании атрибуция принципиально отличается от номинации тем, что она представляет собой выражение самостоятельного мыслительного акта конкретизации понятий.

Г. П. Мельников понимает структуру предложения как конструкцию уточнения субъекта суждения, переданного в языке подлежащим (темой, по Г. П. Мельникову), признаком, выраженным в языке сказуемым (ремой, по Г. П. Мельникову), уточняющим подлежащее (тему), то есть — структурой $T+P=T+UT$. В моем же понимании предложение представляет собой выражение в языке противоположного атрибуции мыслительного акта предикации, то есть обобщения конкретного понятия, (выраженного в структуре предложения подлежащим) абстрактным понятием — сказуемым, представленным в составе предложения сложной конструкцией, состоящей из двух атрибутивных сочетаний $A_1+C_1 - A_2+C_2$.

Этих принципиальных различий в понимании структуры атрибутивных и предикативных конструкций между Г. П. Мельниковым и мною Б. А. Серебренников, к сожалению, не заметил.

«Если углубиться в историю тюркских языков, — пишет далее Б. А. Серебренников, — и мысленно воссоздать ранний этап их образования, когда современные глагольные времена образовались на основе причастий, то и в ту эпоху в предикативных группах этого типа не было никаких субстантивных элементов» (стр. 79), и далее, «Н. А. Баскаков

и полностью разделяющий его взгляды Г. П. Мельников утверждают, что за формой глагола *tug-* непременно должно было следовать местоимение *ol*. Это утверждение действительно было бы убедительным, если бы оно основывалось на тщательных исследованиях, когда было бы определенно доказано, что в древних памятниках тюркской письменности частотность употребления *ol* действительно была велика и с течением времени она уменьшалась, пока местоимение *ol* не исчезло полностью» (стр. 79—80).

Очевидно, утверждения Б. А. Серебренникова о том, что «в предикативных группах не было никаких субстантивных элементов» и далее «поскольку *ol* в предикате никогда не было», базируются исключительно на его предположении, так как достаточно заглянуть в Словарь Махмуда Кашгарского, чтобы убедиться в противном, ибо в памятниках древней письменности конструкции с субстантивным элементом *ol* встречаются довольно часто. Нетрудно установить и более древние формы этого субстантивного элемента, выражающего также абстрактные понятия, и в современных тюркских языках, и в диалектах. Например, *şüwe* 'вещь, предмет' в тувинском языке.

Прежде чем привести соответствующий конкретный материал, то есть примеры со сказуемым, сохранившим субстантивный элемент *ol*, следует остановиться на необходимом различении двух типов предикативных конструкций, в которых выступает этот элемент.

Существуют и довольно широко распространены во всех современных тюркских языках предикативные конструкции, в которых указательные местоимения *bu* 'этот', *şul* 'тот самый' и *ol* 'тот' выступают в предикате современных конструкций как самостоятельные формальные сказуемые.

Принципиальное отличие этих конструкций от древних состоит в том, что связка *tug* (<*tugur*) находится в постпозиции по отношению к местоимениям: *bu* 'этот', *şul* 'тот самый' и *ol* 'тот', в то время как в древних конструкциях, сохранивших субстантивный элемент *ol*, — связка *tug* (<*tugur*) или соответствующая причастная форма, определяющая этот субстантивный элемент в атрибутивной группе сказуемого, находится в препозиции к *ol*.

Так, например, в тувинском языке, как отмечает Д. А. Монгуш⁹, наряду с общими для всех тюркских языков типами предиката довольно широко распространен особый тип предиката, выраженный указательными местоимениями *bu* 'этот', *ol* 'тот' с последующей нулевой или формально выраженной связкой *dur*. Надо отметить, что в общем плане этот тип предиката по существу не представляет собой чего-либо специфического для тувинского языка, так как структурно он не отличается, например, от обычных предикатов, выраженных именем со связкой типа *kişi dir* 'есть человек', *jaxşu dur* 'есть хороший', *ol dur* 'есть тот'.

Сравните примеры из тувинского языка, приведенные Д. А. Монгушем: *men ażyldaагум* (||*meen ażyldaагум*) *bu dur* (||*ol dur*) 'я (вот сейчас) буду работать' *букв.* 'моя работа (в ближайшем будущем) — эта (||та) есть (является эта, та)', где формально *meen ażyldaагум* — подлежащее, а *bu dur* или *ol dur* — сказуемое.

Генетически это предложение восходило к более полной конструкции: *meen ażyldaагум bu tugur*, *şüwe* *букв.* 'моя работа (в ближайшем будущем) — есть нечто или предмет, являющийся этим'.

Señee хотудан игуylарнуñ seni qoşaңпар çорууғу ol dur 'Это (вер-

⁹ Д. А. Монгуш. Об аналитической форме предикации в тувинском языке. — «Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ», XIII, Кызыл, 1968, стр. 242—248.

нее, 'То'. — Н. Б.) поют в частушках про тебя девушки, обидевшиеся на тебя' (Монгуш, 245).

Sen (||seen) qaʒan kelgeniŋ—ol, Agar? 'Ты когда приехал, Арап?' (букв. 'твой когда приезд — тот, Арап?').

Из этих примеров видно, что сказуемое во 'этом', ol 'тот' отделено от подлежащего притяжательными аффиксами, относящимися к определяемому в определительном притяжательном словосочетании, которым выражено подлежащее.

Совсем иное соотношение элементов в предикате мы видим в древних конструкциях, сохранивших в структуре предиката субстантивный элемент в постпозиции по отношению к связке или причастной форме, находящейся в структуре предиката.

Остановимся на примерах из тувинского языка. Говоря о спряжении глаголов и имен со связкой, авторы тувинской грамматики отмечают: «Что касается местоимения III лица, то оно в качестве предиката употребляется весьма редко: ol öögēniksi ol 'он ученик', ol aʒyldap tur ol 'он работает'. В этом случае функцию оформителя сказуемости чаще выполняют имена kiʒi 'человек', čüwe 'вещь', 'предмет': ol bistinge xüppiŋ kelig čüwe 'он к нам ежедневно приходит' (букв. 'он — к нам ежедневно приходящий предмет')»¹⁰.

Итак, в тувинском языке субстантивный элемент ol в этом качестве в составе сказуемого все же встречается, более того, следует особо отметить, что элемент этот чаще замещается еще более архаичными субстантивными элементами, каковым, например, является слово čüwe 'вещь, предмет'.

Однако и ol, как субстантивный элемент в составе предиката, хорошо сохранился в тувинском языке, например, в парадигме спряжения глаголов бытия. Ср., например, формы III лица в парадигме спряжения глаголов tur- 'стоять', čog- 'идти', olug- 'сидеть' и čydyg- 'лежать'. в тувинском же языке, где наряду с вариантами: III л. ol tur 'он стоит', ol čog 'он идет', ol olug 'он сидит', ol čydyg 'он лежит' существуют параллельно и варианты: III л. ol turu||ol tur ol; ol čogu||ol čog ol; ol oluru||ol olug ol; ol čydyg||ol čydyg ol в тех же значениях¹¹.

Ср. также тувинск. duŋtam sandajda olug ol 'мой младший брат сидит на стуле' (М. Д. Биче-оол, стр. 158).

Хорошо сохранился субстантивный элемент ol также в отрицательной связке хакасского языка в форме čoyul < čoy 'нет, не есть' + ol 'тот, он'. Ср. следующие примеры¹²:

tirekče synuŋ qar, tikpedže ayyuŋ čoyul 'с тополь ты ростом, а ума у тебя с подставку для струн чатхана (музыкального инструмента)', соответствует русской поговорке «велика Федора, да дура»¹³;

tiste xap čoyul, tilde söök čoyul 'в зубе нет крови, в языке нет кости'¹⁴;

min Xyzirkee xunčam pasxa xus kirek čoyul 'я люблю Хызыру, другой девушки мне не надо'¹⁵;

myndža minneŋ pasxa kizi čöge čoyul 'поэтому, кроме меня, никто другой не ходит'¹⁶;

¹⁰ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 223.

¹¹ Там же, стр. 359—360.

¹² Указанные примеры мне любезно предоставила О. П. Анжиганова — аспирантка Института языкознания АН СССР.

¹³ Хакасские поговорки и поговорки. Абакан, 1960, стр. 76.

¹⁴ Там же, стр. 64.

¹⁵ М. Кильчицаков. Хулгалар. — «Пьесалар». Абакан, 1961, стр. 12.

¹⁶ С. Чарков. Күнге удур, Ах. Тасхыл, № 18, стр. 41.

ru kiziniñ ğir dee nimezi ğoyul 'у этого человека и поесть-то ничего нет'¹⁷.

Наконец, субстантивный элемент ol в составе сказуемого представлен в весьма многочисленных примерах из памятников древних тюркских языков, в частности из Словаря Махмуда Кашгарского (XI в.), что не согласуется с априорным утверждением Б. А. Серебренникова, что «ol в предикате никогда не было». Впрочем, Б. А. Серебренников делает оговорку, что если бы наличие этого элемента в памятниках тюркской письменности было доказано, то (видимо, так его следует понимать) наша теория выглядела бы вполне убедительной.

Весьма часто субстантивный элемент ol встречается в древнеуйгурском языке, ср., например:

bu nišan—meniñ ol 'этот знак мой' (С. Е. Малов, стр. 208); kiši körgi — jüz ol, bu jüz körgi — köz (tugur) ol 'красота человека — лицо, а красота лица — глаза' (С. Е. Малов, 291—292).

Подобные примеры весьма многочисленны в древнеуйгурском и других древних тюркских языках.

Раскрыв Словарь Махмуда Кашгарского, легко обнаружить большое количество предложений с элементом ol в предикате. Любопытно, что в турецком и узбекском изданиях Словаря в турецком и узбекском переводах тех же предложений элемент ol уже отсутствует, и сказуемое, в отличие от древней формы с субстантивным элементом ol, которую мы встречаем в памятнике XI в., оформляется иначе.

Ниже приводятся примеры из Словаря Махмуда Кашгарского с русскими авторскими переводами¹⁸, а также с турецкими¹⁹ и узбекскими²⁰ для сравнения с соответствующими новыми конструкциями, возникшими в тюркских языках: *ال انك ييري منك ييركا توتشى ال* anuñ jeri meniñ jerge tutşy ol 'его земля (место) — примыкает к моей земле (месту)', ср. тур. *onun yeri benim yerime yakındır* (I, 423) и узб. *унинг ери менинг еримга ёпишган* (I, 399); *ال اراكى تقارستشغان الشغان لار ال* olar ikki tawar satyşyan alyşyanlar ol 'они оба продавали и покупали совместно (друг с другом) товар'; ср. тур. *onlar birbiriyle mal alıp satmaktadırlar* (I, 519) и узб. *улар доимо бирбирлари мол олиб-сотишади*; *ال ال كشى برلا بقشغان ال* ol kiši birle baquşyan ol 'он человек, который смотрит на людей краем глаза'; ср. тур. *o her kese göz ucu ile bakan adamdır* (I, 519) и узб. *у одамга күз кири билан қарайдигандир* (I, 473); *ال ال منكا توار بركلى ال* ol menge tawar berigli ol 'он мне решил отдать товар'; ср. тур. *o bana mal vermek kararındadır* (II, 58) и узб. *у менга мол бериши керак* (II, 61); *ال ال انى تذغرغلى ال* ol anyu tođuyıuylu ol 'он его насыщал'; ср. тур. *o onu doyuran idi* (II, 257) и узб. *у уни тўйдирадиган* (II, 299); *ال ال اتغ كزتكان ال* ol atyğ közetgen ol 'он постоянно пасет лошадей', ср. тур. *o dayıma atı közetendir* (II, 319) и узб. *у доим отини сақлайдигандир* (II, 369); *ال ال ترغ ترغان ال* ol tarıy tarıyğan ol 'он постоянно сеет семена'; ср. тур. *o dayıma ekincilik edendir* (II, 319) и узб. *у доим дон экадигандир* (II, 370); *ال بغدى ال* ol buyđaj arıyğan ol 'он постоянно веет (чистит) пшеницу';

¹⁷ М. Кильчицаков. Указ. раб., стр. 12.

¹⁸ Примеры даны в арабской транскрипции оригинала, но без огласовок (для упрощения набора).

¹⁹ *Besim Atalay. Divanı Lügat-it-Türk tercümesi. Ankara, I, 1939, II, 1940, III, 1941.*

²⁰ С. М. Муталлибов. Девону луготит турк. Тошкент, I, 1960, II, 1961, III, 1963.

ср. тур. *o dayıma buğday temizliyendir* (II, 319) и узб. *у доим бурдой тозалайдигандир* (II, 370); *ال أفن بزتكساك* ol ewin bezetigsek ol 'он желает (он падок) украсить свой дом'; ср. тур. *o evini bezetmeğe düşkündür* (II, 319) и узб. *у уйини безатишни истайди* (II, 370).

Подобные примеры могли бы быть умножены.

Сопоставляя примеры из Словаря Махмуда Кашгарского с их переводами на турецкий и узбекский языки, можно установить, по крайней мере, две основные стадии в развитии структуры предложения в тюркских языках. Если же обратиться еще и к тувинскому языку, в котором субстантивный элемент *ol* чаще замещается словом *şıwe* с отвлеченным значением «вещь, нечто, что-то», то можно выявить еще более архаичную стадию, когда субстантивным элементом сказуемого служило не местоимение *ol*, а полновесное слово с отвлеченным значением субстанции, которое было общим для всех трех лиц единственного и множественного числа.

Таким образом, процесс эволюции в развитии структуры сказуемого в составе предложения $A_1-C_1-A_2-C_2$ определяется несколькими последовательными стадиями, причем первый элемент в составе сказуемого A_2 был всегда постоянным и выражался либо атрибутивной формой динамического признака, содержащего категории модальности и времени (~ причастием), либо связкой, генетически также восходящей к причастию. Второй субстантивный элемент C_2 со временем видоизменялся: в древности оформлявшийся знаменательным словом с абстрактным значением, например, тувинск. *şıwe* 'вещь, нечто, что-то' или *kiži* 'некто, кто-то' для всех трех лиц единственного и множественного числа, в последующем оформлялся местоимением *ol* — также для всех лиц с позднейшим закреплением для I и II лица единственного числа форм соответствующих личных местоимений, а затем аффиксов лица, и, наконец, в последней стадии, субстантивный элемент в большинстве языков сохранился только в I и II лице единственного и множественного числа в форме аффиксов лица в противопоставлении III лицу, получившему нулевое оформление.

Итак, факты древних и современных языков позволяют доказать со всей убедительностью наличие субстантивного элемента не только в первых двух лицах, но и в третьем лице, и не только в форме *ol*, но и в более архаичных его формах. Следовательно, и в этом плане утверждение Б. А. Серебренникова, что субстантивного элемента в составе сказуемого никогда не было, опровергается указанными фактами. Впрочем, даже, если бы нельзя было обнаружить эти субстантивные элементы ни в одном из тюркских (да, видимо, и не только тюркских) языков, сама атрибутивная форма глагола (~ причастие), лежащая в основе спрягаемого глагола, указывает на то, что формальные показатели, находящиеся в постпозиции к ней, имеют ею определяемое субстантивное значение.

Что касается второй части статьи Б. А. Серебренникова, посвященной критике этимологического анализа Г. П. Мельниковым приименного отрицания — отрицательной связи *tegül* 'не есть, нет', то в ней автор, упрекая Г. П. Мельникова в логицизме, по существу сам становится на позиции сугубого логицизма, определяя этимологию *tegül* как сочетание прилагательного *tük* 'совершенный, истинный' + аффикс ослабленного качества $-ül > tükül$ 'не совсем истинный'. Позже, по логическому заключению Б. А. Серебренникова, возникло значение категорического отрицания по следующей схеме развития: *bu at tükül* 'эта лошадь не совсем настоящая' > 'эта лошадь не настоящая (вообще не лошадь)'. Причем,

это построение автор сопровождает многочисленными оговорками «не исключена возможность того...», «эти два варианта могли существовать...», «от варианта *tegül* могло произойти...», «могло быть носителем...», «можно легко объяснить», «вероятнее всего, в основе его лежало прилагательное...» и т. д. Иначе говоря, этимология *tegül*, предложенная Б. А. Серебренниковым, построена на еще более рискованных логических предположениях.

В тюркских языках двухсложные слова с негубным гласным в первом слоге и с губным гласным во втором, как правило, представляют собой сочетания, состоящие исторически из двух самостоятельных слов. Совершенно очевидно, что слово-отрицание *tegül* исторически представляло собой сочетание двух самостоятельных слов, из которых первое имело основой *teg-*, а второе — *-ül*.

Наиболее вероятными вариантами этимологии этого слова-отрицания, позже отрицательной связки, являются: вариант Махмуда Кашгарского, дополненный А. Н. Кононовым, требующий весьма незначительных уточнений, и вариант Б. Колиндера — Г. П. Мельникова, который нуждается в коренных уточнениях и дополнениях.

Рассмотрим сначала этимологию Б. Колиндера—Г. П. Мельникова, или, вернее, один из ее вариантов, предложенный мною. При этом я исходил из значения основы *teg-* ‘касаться’, от которой отталкивались в своих предположениях Б. Колиндер—Г. П. Мельников, хотя, оговорюсь, этимология Махмуда Кашгарского — А. Н. Кононова мне представляется более вероятной.

Исходя из общей семантики *teg-* ‘касаться’, можно предполагать, что от этого глагола образовались не только турецкий послелог *dek ~ degin* (ср. *sabahadek ~ sabahadejin* ‘до утра’)²¹, но и, как мне представляется, частица-аффикс уподобления *-day ~ -daq, -däk ~ -dek*, например, в современном уйгурском языке²² (ср. *munday ~ mundaq* ‘вот так, как этот’, *anday ~ andaq* ‘как тот’ или *harvudäk* ‘как арба; подобный арбе’).

Частица или аффикс *-day ~ -daq, -däk ~ -dek* со значением уподобления «подобно как, подобный» могла служить первым элементом в отрицании *tegül*.

Вторым же элементом слова-отрицания *tegül* является, безусловно, субстантивный элемент сказуемого *ol > ul ~ ül*, поскольку связка *tegül* (с вариантами) имеет единственную функцию — конструктивного субстантивного элемента сказуемого, выражающего акт предикации.

Развитие сочетания частицы аффикса уподобления *-teg ~ -täg ~ -tay, -deg ~ -däg ~ -day* + субстантивный элемент *ol ~ ul* ‘тот, он’ имело следующую последовательность: 1) *bu at tek ol* ‘это — как лошадь’; 2) *bu at tég ol* ‘это — подобие лошади’; 3) *bu at teg ül* (ассимилированная форма с ударением на частице уподобления) $>$ *bu at tegül* ‘это — не лошадь’.

Переразложение элементов суждения *bu—at täk ul > bu at tegül* и соответствующая последовательность в развитии данной формы и её значения являются вполне естественными для тюркских языков.

Более вероятной является этимология Махмуда Кашгарского, который при слове *tegül* в своем словаре дал следующее объяснение:

tegül تكل огузск. ‘не есть’, происходит из диалекта аргу от соче-

²¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. Л., 1956, стр. 322.

²² Н. А. Баскаков. Очерки грамматики уйгурского языка; Н. А. Баскаков, В. М. Насилов. Уйгурско-русский словарь. М., 1939, стр. 201 и 225.

тания *daɣul* داغ ال, употребляется с заменой *элифа* а на е и ü; d — на t; γ на g (т. е. *daɣ ul > tegül*) — МК, I, 374 — узб. изд.; 329 — тур. изд. и далее: *daɣ ~ daɣ* داغ ~ داغ в значении «нет, не есть» (на диалекте аргу); *ol anday daɣ ol* ال انداغ داغ ال 'это не так'. Позже огузы взяли от аргу эти слова со значением «нет, не есть» и изменили *daɣ ol* داغ ال в *tegül* تامل, потому что огузы жили по соседству с аргу. В их лексике есть смешение (МК, III, 167 — узб. изд., 114 — арабск.). Эта этимология развита А. Н. Кононовым²³, который, согласившись с этимологией Махмуда Кашгарского *tegül* < *daɣ ol* داغ ال 'не есть', отметил, что «ничто не мешает видеть во втором компоненте этого слова, т. е. в -ол — указательно-личное местоимение III лица ед. ч. 'тот — он'»²⁴ (= субстантивному элементу связки *tegül*. — Н. Б.), и далее обосновал идентичность слов *daɣ* и *joq* 'нет, не есть, не', приводя доказательства соответствий d ~ j в анлауте, в частности, ссылаясь на наличие в алтайском языке соответствия dj ~ j, например, *djol ~ jol*; в койбальском диалекте — d ~ j, например, *daxse < jaxšu* 'хорошо', *düs ~ jüz* 'сто' и проч.

К этому обоснованию можно добавить, во-первых, то, что в уйгурском языке, кроме формы *joq*, для отрицания существует более близкий к *daɣ ~ daɣ* фонетический вариант *jaq ~ jaq* 'нет', 'не есть'²⁵ и, во-вторых, то, что параллельно с соответствием *daɣ* داغ (~ *jaq ~ joq*) к приведенным А. Н. Кононовым фактам можно привести еще каракалп. *das-tuq < jastuq* 'подушка', *domalaq < jumalaq* 'круглый', а также балк. *dul-duz < julduz* 'звезда' и проч.; Махмуд Кашгарский отметил также и фонетический вариант этого слова *daɣ* داغ, который еще в большей степени сближает его с современными фонетическими вариантами слова *jaq ~ jaq ~ joq* (~ *žoq ~ džoq ~ djoq ~ čoq* и проч.) 'нет, не есть'.

Знак *ž* (δ) арабского алфавита в арабских источниках используется параллельно как для обозначения межзубного звонкого звука, соответствующего английскому звонкому *th*, так и для обозначения в других языках аффрикативного *dz* и проточного *z*, из которых первый (*dz*) соответствует *j* в анлауте только в некоторых словах луцко-галицкого диалекта караимского языка²⁶, а второй (*z*) — балкарского; ср., например, балк. *zol* 'дорога', *zoɣa* 'иноходец', *zoxtu* 'нет, не есть'²⁷.

Таким образом, соответствие *dzaɣ ~ zaɣ* داغ (ср. балк. *zoxtu* 'нет, не есть') ~ *jaq ~ jaq* при наличии параллельной огласовки *a ~ o* (ср. новоуйгурск. *joq ~ jaq ~ jaq*) делает весьма возможным сближение сочетания *daɣ ol* داغ ال ~ *zaɣ ol* داغ ال с *joq ol* يوق ال 'нет, не есть', которое до настоящего времени сохранилось, например, в хакасском языке в переходной уже форме *čoyul* в значении отрицательной связки 'нет, не есть'; ср., например, *čox oduɣzaat čoyul* 'нет, мне некогда сидеть'

²³ А. Н. Кононов. Этимология слова *däzil* «не есть», «не». — «Советское востоковедение», VI. М.—Л., 1949.

²⁴ Там же, стр. 99.

²⁵ Н. А. Баскаков. Очерк грамматики уйгурского языка, стр. 224, а также: G. Jarring. An Eastern Turki-English Dialect Dictionary. Lund, 1964, стр. 149.

²⁶ А. Mardkiewicz. Karaj sez bitigi. Luck, 1935, стр. 21—22.

²⁷ А. М. Аннаев. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960, стр. 20.

(букв. 'нет, мое сидение не есть')²⁸ или munda istig polar pistiñ olıan pıme çoıul 'здесь удобно будет, у нас никого детей нет'²⁹ и проч.

Итак, этимологию tegül (~ dägil ~ dagel ~ dagil ~ däjil ~ däjil ~ daal ~ daal' ~ davül ~ dögül ~ døjül ~ dö'l ~ döjl ~ döj ~ duwul ~ tuwul ~ tuwyl ~ çoıul ~ tögül), выдвинутую Махмудом Кашгарским, следует признать наиболее реальной, отличающейся логической последовательностью и убедительными семантическими, синтаксическими, морфологическими и фонетическими обоснованиями.

Что же касается других этимологий, предложенных Ж. Дени — tegül < tögäl 'весь, целый'³⁰, А. Габэн — tegül < tāköl 'незанятый, бесцельный, напрасный'³¹ и Б. Колиндером — tegül < tegmāk³² 'касаться', то они, с моей точки зрения, менее вероятны, о чем уже было сказано выше.

Любопытно, что и этимология отрицательной связки tegül 'не есть, нет', приведенная Махмудом Кашгарским в его Словаре, лишний раз напоминает нам о наличии в тюркском предложении в структуре сказуемого субстантивного элемента, в данном случае элемента ol.

Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что при исследовании сложных вопросов тюркологии вообще и проведении историко-типологического анализа в особенности — необходимо широко использовать древне- и среднетюркские памятники письменности, без чего многие из этих проблем не могут быть удовлетворительно разрешены.

²⁸ Н. Т. Доможаков. Ырах аалда. Абакан, 1960.

²⁹ С. Чарков. Указ. раб., стр. 40.

³⁰ J. Denny. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, стр. 283.

³¹ A. v. Gabain. Die Natur der Prädicates in den Türksprachen. K. Cs. Archivum, III, 1, 86—87.

³² B. Collinder. Reichstürkische Lautstudien. Uppsala Universitets A°rsskrift. Uppsala, 1939. Bd. I.

З. А. АХМЕТОВ

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ТЕОРИИ ТЮРКСКОГО СТИХА

(НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСКОЙ ПОЭЗИИ)

В непосредственной связи с разработкой теории тюркского стиха находится проблема изучения национальной поэтической формы в литературе тюркоязычных народов СССР, а также понимание особенностей традиций и новаторства в современной литературе. Исследование теории стиха предполагает, помимо анализа литературного произведения, также раскрытие взаимосвязи в нем содержания и поэтической формы. В связи с все возрастающим объемом переводов произведений русской поэзии на национальные языки и национальных на русский очень важно сопоставительное изучение тюркского и русского стиха. В настоящее время уже накопилась внушительная литература о тюркском стихосложении. В содержательном обзоре В. И. Асланова¹ рассматриваются наиболее значительные труды по этой проблеме, написанные в основном на русском языке. Однако многие работы современных авторов, изданные на языках национальных республик, остались за пределами этого обзора. Вопросы теории тюркского стиха попутно затрагиваются и в ряде работ, посвященных другим темам.

Таким образом, задача обобщения опыта изучения тюркского стиха уже назрела. В связи с этим возникает необходимость в разработке методики исследования тюркского стихосложения.

Тюркский стих на протяжении многих веков развивался и совершенствовался в поэтическом творчестве многочисленных тюркоязычных народов, однако историко-литературный процесс у каждого из этих народов протекал самостоятельно. Углубленное изучение поэтических образцов и особенностей стиха, даже в рамках одной литературы требует немалых усилий. Исследовать и критически осмыслить творческое наследие всех тюркоязычных народов в совокупности — задача практически трудно осуществимая. И разрешаться она должна, видимо, поэтапно, совместными усилиями коллективов специалистов по отдельным литературам. Нами же в данной статье ставится более локальная и конкретная задача: рассмотреть на материале казахской поэзии лишь один из основных теоретических вопросов — вопрос о строе тюркского стиха.

О свойственном поэзии тюркских народов слоговом строе стиха

---

¹ В. И. Асланов. Проблемы тюркского стихосложения в отечественной литературе последних лет. — «Вопросы языкознания», 1968, № 1, стр. 118—125.

писал еще В. В. Радлов². Его мнение впоследствии разделялось многими видными тюркологами³.

Т. Ковальский, указывая на свободное расположение ударений в тюркских языках⁴, признает факт построения тюркского стиха на основе счета слогов (см. разъяснение, данное В. М. Жирмунским). Современное казахское литературоведение уделяет большое внимание изучению строя стиха (см. работы С. Муқанова, К. Жұмалиева, Б. Кенжебаева и др.)⁵.

Особенности, присущие казахскому стиху, дают основание считать его силлабическим.

Основу силлабического стихосложения составляет ритмическая равноценность всех слогов. Эта закономерность диктуется самим строем языка и определяется спецификой его фонетической системы, его мелодическими свойствами, и прежде всего свойством слога. Если бы в казахском языке слух естественным образом не воспринимал число слогов в словах, точнее — количественную определенность слов, то не было бы и речи о неизменном соблюдении одного и того же числа слогов в соизмеримых стихотворных отрезках. В казахском стихе все слоги в равной степени выступают как ритмические единицы.

Слоговая структура пронизывает все казахское стихосложение. На соблюдении определенного числа слогов основывается как структура размеров, состоящих из равносложных стихов, так и размеров, для которых характерно сочетание стихов разной длины внутри строфы. Силлабический принцип характерен и для стихотворных форм со свободным сочетанием сходных по структуре стихов. Этот принцип положен в основу членения стиха на части внутри строк, ибо каждая из частей состоит из нескольких групп слогов, число которых вполне устойчиво. Равносложностью (в отдельных случаях равносложностью в соответствующих строках) характеризуется в казахской поэзии стиховое окончание, то есть конечная в строке слоговая группа. Силлабизм влияет и на построение строф. На слоговом принципе основана рифма, которая реализуется, как правило, в пределах последней слоговой группы в строке. Если два созвучных между собой слова равносложны, то рифма охватывает их целиком, даже в тех случаях, когда они трехсложны или даже четырехсложны. Кроме того, в рифмующихся словах строго соблюдается принцип соответствия слога слогу⁶.

Закономерен вопрос: не вступает ли силлабический принцип с метрической точки зрения в противоречие с фактом наличия в казахском языке ударения?

² W. Radloff. Ueber die Formen der gebundenen Rede bei den altaischen Tataren. — «Zeitschrift für Volkerpsychologie und Sprachwissenschaft», Bd. IV, Berlin, 1866, стр. 85—114; *его же*. Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Sud — Sibiriens, Tr. III, Kirgizische Mundarten. St.—Pbg., 1870, стр. III—XXVII.

³ Укажем здесь лишь две работы: I. Kunos. Über die Volkspoesie der osmanischen Türken. — В кн.: «Образцы народной литературы тюркских племен, изд. В. Радловым», ч. VIII — наречия османские. Тексты собраны И. Куношем. СПб., 1899; В. Гордлевский. Из наблюдений над турецкой песней. — «Этнографическое обозрение», 1908, кн. 79, стр. 9—18.

⁴ T. Kowalski. Ze Studjów nad forma poezji ludów tureckich. Krakow, 1921; см. также: В. М. Жирмунский. О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха. — «Тюркологический сборник». М., 1970, стр. 30—31.

⁵ С. Муқанов. Қазақ өлеңі туралы. — «Социалистік Қазақстан», 1935, № 108; К. Жұмалиев. Эдебнет теориясы. Алматы, 1960, стр. 153—192; Б. Кенжебаев. Қазақ өлеңінің құрылысы. Алматы, 1955.

⁶ См.: З. А. Ахметов. Рифма в казахской поэзии. — «Известия АН Каз. ССР», 1961, вып. I, стр. 3—19; М. Хамраев. Основы тюркского стихосложения. Алма-Ата, 1963, стр. 25—89.

Еще В. В. Радлов обратил внимание на то, что в тюркских языках ударные слоги не выделяются резко на фоне безударных⁷. Это положение, подтвержденное в дальнейшем экспериментальными исследованиями многих филологов, никем пока не опровергалось. Оно полностью относится и к казахскому стихосложению. Если грамматическое ударение не имеет резко выраженного характера, неизменно проявляющегося в процессе произношения слов, то возможность употребления силлабо-тонических размеров полностью исключается. В этом случае ударение выступает лишь как одно из вспомогательных средств, дополнительно подчеркивающих и усиливающих те или иные звенья ритмической структуры. Важно при этом подчеркнуть, что здесь не имеются в виду отдельные случаи усиления грамматического ударения интонацией или логическим акцентом.

Сам факт выделения ударных слогов на фоне безударных — явление естественное. Все зависит от принципа, положенного в основу структуры стихотворных размеров. Здесь играет роль не только сила ударения, но еще и различие между ударными и безударными слогами, заключающееся в их относительной силе или слабости. В. Брюсов писал, что силлабическая система «применяется в языках, где все гласные звуки произносятся с одинаковой отчетливостью и приблизительно в одинаковый промежуток времени или с отличием незначительным»⁸.

Для казахского языка не характерно резкое выделение ударных слогов; безударные слоги, за небольшим исключением, слышатся отчетливо и по произношению отличаются лишь весьма незначительно. В. В. Радлов отмечал, что в казахском языке ударный слог выделяется наиболее слабо в сравнении с другими языками тюркской системы⁹.

Относительная слабость грамматического ударения в казахском языке доказана исследованиями и С. К. Кенесбаева¹⁰.

Убедительным доказательством того, что ударение в казахском языке, хотя бы по сравнению с русским, выделяется слабо, является сама структура стиха, особенно ритмическое членение стихов внутри строк (о чем будет сказано ниже), а также то обстоятельство, что в русском стихе слоги, стоящие за ударением, могут не охватываться рифмой, а в казахском рифма, как уже отмечалось, реализуется в пределах последней ритмической части строки.

В данном случае следует говорить не просто о зависимости длительности гласных от ударения. Это явление само по себе естественное и бесспорное. Задача состоит в том, чтобы установить, присущ ли метрике тюркской поэзии принцип регулярного чередования долгих и кратких слогов. Пока это никем достаточно убедительно не доказано. Что же касается удлинения последнего слога ритмических частей строки, то это относится лишь к отдельным размерам, связано с влиянием напева и скорее свойственно традиционной манере чтения стихов. Делать на основании этого факта выводы было бы преждевременным и неверным.

Ударение и долготу слогов в казахском стихосложении следует рассматривать в связи с общей системой стиха, ибо если брать тот или иной

⁷ W. W. Radloff. *Phonetik der nördlichen Türksprachen*. Leipzig, 1883, стр. 99.

⁸ В. Брюсов. *Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам*. М., 1918, стр. 17.

⁹ W. W. Radloff. *Phonetik der nördlichen Türksprachen*, стр. 97.

¹⁰ С. Кенесбаев. *Фонетика*. — В кн.: «Қазіргі қазақ тілі». Алматы, 1954. стр. 152—153; *его же*. К вопросу о закономерностях акцентуации в казахском языке. — «Вопросы казахской филологии». Алма-Ата, 1964, стр. 12.

признак обособленно, то в стихе любой системы можно найти какие угодно размеры. Многие, характерные для данного языка, признаки и черты часто бывают присущи и другим языкам (в случае неродственных языков — сравнительно в меньшей степени). В стихосложении в зависимости от строя языка выдвигается в качестве основной какая-либо одна особенность. Все остальные находятся в подчиненном к ней положении. Например, в русском стихе (и не только в силлабо-тоническом) четко воспринимаются и количество слогов, и соблюдаемые на протяжении ряда стихов на одном и том же месте словоразделы. Известно, что в свое время многие считали, что русский стих может быть по своему строю силлабическим. В связи с этим создавались различные теории о строе русского народного стиха. Сейчас уже можно считать общепризнанным, что все известные формы русского стиха так или иначе строятся на ударении¹¹.

В казахской поэзии, как и в поэзии других тюркских народов, наряду с делением стихотворной речи на строки, большое значение имеет ритмическое членение на части внутри строк путем отсчета слогов. Это явление отмечалось в поэзии различных тюркоязычных народов такими видными тюркологами, как В. В. Радлов, И. Кунош, В. Гордлевский, Ф. Корш¹².

Внутреннее членение стихов в пределах строки в казахской поэзии осуществляется полностью на основе силлабического принципа: в каждой ритмической части имеется определенное число слогов. Лишь некоторые размеры допускают взаимную замену или перемещение двух соседних ритмических частей. Например, в одиннадцатисложном стихе могут чередоваться строки со следующим ритмическим членением на слоги: 3+4+4 и 4+3+4. В другом варианте данного размера структура 4+4+3 сохраняется неизменной, и стих звучит более «гладко». Первая стихотворная форма отличается гибкостью ритма, вторая — плавностью, каждая из них имеет свои преимущества.

В большинстве стихотворных размеров строка состоит из неравных по числу слогов ритмических частей. Это нисколько не противоречит принципам силлабики, так как определенность числа слогов неизменно сохраняется. Кроме того, этот факт лишний раз доказывает, что в казахском стихе количество слогов играет большее значение, нежели их качество. При определенном чередовании как ударных и безударных, так и долгих и кратких слогов членение стиха на неравные части представляло бы большое неудобство.

Внутреннее членение казахского стиха, как и стиха других тюркских народов, характеризуется существенным своеобразием. Его трудно уяснить с точки зрения сложившихся в литературоведении представлений, возникших на основе силлабо-тонического, квантитативного (метрического) стиха, согласно которому ритмические доли, являясь единицей повторности, по самому своему характеру должны сочетаться в определенном стихотворном размере лишь с равными себе. Не противоречит ли сочетание неравных по числу слогов ритмических частей в строке требованиям ритмической повторности? Такое предположение, высказываемое порою отдельными авторами, совершенно необоснованно. Ритмичность создается не только внутри строк или одного отдельно взятого сти-

¹¹ Л. И. Тимофеев. Об изучении стиха Маяковского. — «Литература в школе», 1953, стр. 24; *его же*. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958, стр. 314.

¹² См. указ. работы В. В. Радлова, И. Куноша, В. Гордлевского, а также: Ф. Корш. Древнейший народный стих турецких племен. — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XIX, вып. II—III. СПб., 1909.

ха, она возникает главным образом при повторении структуры стиха в нескольких строках. А что касается одного стиха, рассматриваемого обособленно, здесь важно иметь легкую и гибкую ритмическую структуру. Поэтому в поэтическом произведении достаточно сочетать стихи, состоящие из равных и неравных ритмических частей.

Поскольку казахский стих строится на силлабической основе, большое значение имеет количество слогов. Однако вследствие несовпадения графического изображения слов с их произношением нередко при подсчете слогов допускаются ошибки даже специалистами-филологами. Кроме того, при произношении отдельных слов возможно выпадение кратких гласных, равно как и сохранение их, обусловленное требованиями ритма. В связи с этим в казахском языке наблюдается свободное изменение слогового объема отдельных слов¹³. Аналогичное явление характерно и для киргизской поэзии¹⁴.

Убедительные доводы, подтверждающие силлабический слоговой строй тюркского стиха, находим в трудах, посвященных азербайджанскому стиху (А. Джафар, Ф. Сеидов, М. Адилев), узбекскому стиху (У. Туйчиев, М. Шейхзаде, М. Саидов), уйгурскому стиху (М. Хамраев), татарскому и башкирскому стиху (Г. Усманов, Г. Шамуков, Г. Хусанов) и др.

Силлабический характер казахского стиха в настоящее время не подвергается сомнению. Однако И. В. Стеблева высказывает несогласие с этим общепринятым мнением¹⁵. При этом она исходит из понимания силлабического стиха как системы, «главным условием которой является соблюдение равенства числа слогов во всех строках»¹⁶. Поэтому она считает, что нельзя «совместить разносложные стихи с силлабической системой стихосложения»¹⁷.

Рассмотрим приведенные И. В. Стеблевой факты.

В казахской поэзии, действительно, сравнительно редко можно встретить стихотворное произведение, сложенное одними семисложными стихами. В большинстве случаев семисложные стихи свободно перемежаются с восьмисложными. Усматривать в подобных фактах нарушение силлабического принципа, как это делает И. В. Стеблева¹⁸, было бы неверным. Ведь в данном случае речь идет о семисложных стихах со структурой 4+3 и о стихах из восьми слогов со структурой 3+2+3. Семисложными и восьмисложными стихами, а также их сочетаниями написаны многие произведения казахской поэзии, однако здесь нет простого удлинения или сокращения строки на один слог, ибо каждый из стихов имеет свою внутреннюю ритмическую структуру, при этом изменению подвергается структура лишь начальной части стиха, а его конечная часть остается неизменно трехсложной¹⁹. Таким образом, в данном случае имеет место свободное сочетание стихов, близких по ритмической структуре. Этот вывод подтверждается также и тем обстоятельством, что семисложный

¹³ З. А. Ахметов. Равенство слогов в казахском стихе (об изменчивости слогового состава некоторых слов). — «Вестник Академии наук Каз.ССР», 1959, стр. 27—37.

¹⁴ См.: К. Рысалиев. Киргизское стихосложение. Автореф. докт. дисс. Фрунзе, 1965.

¹⁵ И. В. Стеблева. Некоторые особенности тюркского стиха. — «Советская тюркология», 1970, № 5, стр. 98—104.

¹⁶ И. В. Стеблева. М. Хамраев. Очерки теории тюркского стиха. — «Народы Азии и Африки», 1971, № 2, стр. 209.

¹⁷ Там же.

¹⁸ И. В. Стеблева. Некоторые особенности тюркского стиха, стр. 99.

¹⁹ См.: З. А. Ахметов. Казахское стихосложение. Алма-Ата, 1964, стр. 56.

стих свободно сочетается не с любым восьмисложным стихом. Так, например, восьмисложный стих с ритмическим членением 4+4 сочетается с семисложным стихом только в строго определенном порядке.

Что же касается случаев сочетания восьмисложных стихов с девяти-сложными, то здесь можно привести лишь одно очень короткое стихотворение Абая. Среди многочисленных произведений казахской поэзии разных эпох не удалось обнаружить даже десятка с подобным сочетанием.

Пример одиннадцатисложного размера, приведенный И. В. Стеблевой в двух упомянутых ее статьях, ни в чем не убеждает, ибо стихи прочитаны ею неточно. Во второй статье, правда, имеется оговорка: «Если в этом примере учесть редукцию при произношении, то 14-сложная строка катрена сведется к 11 слогам... То же должно произойти с пятисложными стопами первой и второй строки»²⁰. Именно в силу данной закономерности основанный на этом примере вывод о возможности сочетания одиннадцатисложного размера с двенадцати-, тринадцати- и четырнадцатисложными остается недоказанным, так как в произведениях казахской поэзии, написанных одиннадцатисложными стихами, такое сочетание на самом деле не встречается.

Что же касается «Восьмистиший» Абая, в которых сочетаются разносложные стихи, то чередование размеров в них происходит только в строгом порядке и в рамках строфы. При этом каждый из стихов имеет определенную длину (число слогов) и форму ритмического членения. Чередованию строк в строфе в строгом порядке соответствует способ рифмовки: *aab vvb gg*, неизменно соблюдаемый на протяжении всего произведения.

Между тем И. В. Стеблева пишет: «Однако разносложные стихи в тюркской поэзии — это особенность отнюдь не только древнетюркской поэзии. В частности, можно сослаться на работу З. А. Ахметова, который, анализируя природу казахского стиха, приводит пример Абая, создавшего стихи, имевшие от пяти до восьми слогов в строках»²¹.

Из того факта, что в «Восьмистишиях» в рамках одной строфы сочетаются в определенном порядке пятисложные стихи и стихи из восьми (или семи) слогов, вовсе не следует, что «строки в пять и восемь слогов могут быть ритмически однозначными»²², как это представляется И. В. Стеблевой. Возможность их сочетания в какой-то степени действительно определяется тем, что «в них имеются необходимые для осуществления ритма группировки слогов»²³. Здесь короткие стихи ритмически соотносятся между собой так же, как и длинные. Кроме того, структура строфы такова, что две пятисложные строки каждый раз противостоят одной восьми- или семисложной. Последний длинный стих завершает трехстишную, относительно законченную часть строфы, и после него следует пауза. Этим и создается необходимое ритмическое равновесие. Не случайно все казахские литературоведы, изучавшие эту стихотворную форму, считают ее основанной на силлабическом принципе с определенным числом слогов в соответствующих строках²⁴. Стихотворная форма

²⁰ И. В. Стеблева. Некоторые особенности тюркского стиха, стр. 102.

²¹ И. В. Стеблева. Еще раз об орхоно-енисейских текстах как произведениях поэзии. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 2, стр. 126.

²² И. В. Стеблева. Некоторые особенности тюркского стиха, стр. 100.

²³ Там же.

²⁴ С. Мұқанов. Абай қазақ халқының ұлы кемеңгері. — В кн.: «Абай Құнанбаев. Шығармаларының толық жинағы». Алматы, 1945, стр. XIX; Қ. Жұмалиев. Абайға дейінгі қазақ поэзиясы жәнэ Абай поэзиясының тілі. Алматы, 1948, стр. 196—198.

«Восьмистиший» — одна из наиболее канонизированных форм казахской поэзии нового времени.

В примере из казахской поэзии, приведенном И. В. Стеблевой, строки:

*Жапыра /ғың мен/жасыршы,
Қойныңа/мен/енейін! —*

ритмически расчленены неверно. Первая строка произносится вследствие выпадения гласного *ы* в семь слогов (*жап[ы]рағын мен*), и «несовпадение... постоянного словораздела с границами слов»²⁵ в действительности не имеет места. Также неточно и расчленение второй строки. Отдельная строка, взятая обособленно, может члениться различно, поскольку в этом случае интонационно-синтаксическое членение принимается за ритмическое (упорядоченное, повторяемое). Стопа односложная, или «состоящая из одного ударного слога», о которой говорит И. В. Стеблева²⁶, в казахской поэзии не «сравнительная редкость»: ее просто не существует.

Чтобы обосновать какой-либо более или менее общий вывод о ритмическом строе стиха в казахской поэзии, не согласующийся с ранее высказанными положениями, необходимо проанализировать наиболее существенные доводы, выдвинутые различными авторами в защиту этих положений, и разобрать хотя бы основные, наиболее характерные примеры из казахской поэзии. При этом нельзя допускать, чтобы даже отдельные особенности, присущие стиху одной литературы, приспособлялись, вследствие их ошибочного толкования, к выводам, полученным на основе изучения материалов других литератур, в том числе и древнетюркских надписей. Если современными языками предоставляются для разработки теории стиха факты, исключаяющие различные толкования (речь не идет о случайных ошибках по недосмотру), то исследователь ритмических особенностей древних памятников оказывается перед необходимостью, говоря словами И. В. Стеблевой, «представить себе его возможное звучание»²⁷.

Публикации И. В. Стеблевой активно привлекают внимание тюркологов к вопросам поэтических особенностей и ритмики древнетюркских надписей.

Возражая А. М. Щербак, считающему, что орхон-енисейские надписи «по своему характеру не являются поэтическими произведениями»²⁸, И. В. Стеблева утверждает, что они являются произведениями поэзии, написанными «тонино-темпоральным стихом»²⁹. Выводы И. В. Стеблевой в свою очередь вызвали возражения В. М. Жирмунского³⁰, Л. Гржебичека, В. И. Асланова, а также М. Х. Бакирова.

Думается, что при решении вопроса о ритмическом строе древнетюркских надписей следует учитывать эволюцию литературно-художественного творчества, развитие различных литературных жанров и, что особенно важно в плане изучаемого вопроса, четко различать стихотворные формы, имеющие сложную, законченную структуру, и ранние формы ритмической речи (дошедшие до нашего времени в пословицах и поговорках, народных афоризмах и изречениях), представляющие собой ско-

²⁵ И. В. Стеблева. Некоторые особенности тюркского стиха, стр. 103.

²⁶ Там же.

²⁷ И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII веков. М., 1965, стр. 25.

²⁸ А. М. Щербак. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении. — «Народы Азии и Африки», 1961, № 2, стр. 145.

²⁹ И. В. Стеблева. Поэзия тюрков, стр. 35—36.

³⁰ В. М. Жирмунский. Орхонские надписи — стих или проза? — «Народы Азии и Африки» 1968, № 2, стр. 74—82. См. также: М. Х. Бакиров. Закономерности тюркского и татарского стихосложения в свете экспериментальных исследований. Автореф. канд. дисс. Казань, 1972.

рее полустихотворные отрывки, или же разновидности народного свободного стиха. К последним тесно примыкают образцы народной ритмизованной прозы, в которых иногда обнаруживаются весьма отчетливые ритмические построения.

Несомненно, стихосложение в тюркоязычных литературах, в том числе и ритмический строй древнетюркских надписей, будет и дальше изучаться и уточняться, ибо этот вопрос постоянно привлекает внимание широкого круга тюркологов, специалистов в области языков и литератур народов СССР.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

А. А. КУРБАНОВ, О. Д. КУЗЬМИН

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ПОЦЕЛУЕВСКИЙ

Неоценим вклад, внесенный трудами А. П. Поцелуевского в становление и развитие туркменского языкознания. Его многочисленные исследования пользовались широким признанием специалистов еще при его жизни. Годы, прошедшие после его смерти, все отчетливее и яснее показывают, насколько существенными были его заслуги перед отечественной тюркологией.

Александр Петрович Поцелуевский родился 13 мая 1894 года в селе Букмуйжа Режицкого уезда Витебской губернии, в семье учителя-белоруса. Еще юношей он увлекается изучением восточных языков и по окончании гимназии в 1914 году поступает в Лазаревский институт восточных языков в Москве. Его незаурядные лингвистические способности обращают на себя внимание В. А. Гордлевского. Он становится учеником и последователем выдающегося русского востоковеда. К моменту окончания института А. П. Поцелуевский уже хорошо владел турецким, персидским, курдским, латинским, немецким, французским, английским, итальянским, польским и латышским языками.

В 1918 году после окончания Лазаревского института А. П. Поцелуевский уезжает в Витебск, где вплоть до 1923 года преподает английский и французский языки в Витебском отделении Московского археологического института. Однако его интерес к восточным языкам не ослабевает. Он изучает историю, этнографию, культуру и языки народов Востока, особенно Советского Востока.

В 1921 году совет Археологического института командировует А. П. Поцелуевского в Ташкент. Здесь он активно интересуется бытом, древней культурой узбекского народа, вслушивается в живую народную речь.

В Ташкенте А. П. Поцелуевский впервые пробует свои силы в преподавании восточных языков. Туркестанский восточный институт при-

глашает его на должность преподавателя персидского языка на политехнических курсах востоковедения.

В этот период служба просвещения Среднеазиатской железной дороги обращается к А. П. Поцелуевскому с просьбой помочь «в организации и укреплении местных школ и стабилизации в них учебно-воспитательного процесса». И он в октябре 1923 года переезжает в Ашхабад.

Как писал впоследствии А. Н. Кононов, к этому времени А. П. Поцелуевский «имел хорошую востоковедную подготовку, полученную в Лазаревском институте, и четырехлетнюю педагогическую практику; эта подготовка (научная и педагогическая) как нельзя лучше гармонировала с предстоящей ему деятельностью в Ашхабаде»¹.

С первых же дней своей работы в Туркмении А. П. Поцелуевский отдает все силы развитию туркменской филологии, подготовке научных национальных кадров. Он являлся неременным, активным участником всех лингвистических мероприятий в республике и по праву может считаться пионером в области разрешения многих важных проблем туркменской лингвистики.

Известно, что до присоединения Туркмении к России изучением туркменского языка специально никто не занимался.

Наиболее ранние сведения о некоторых особенностях языка туркменских племен мы находим в трудах восточных филологов: в «Диване» Махмуда Кашгари, в изданном П. М. Мелиоранским сочинении неизвестного арабского филолога («Араб-филолог о турецком языке», СПб., 1900), в сочинениях тюрка-филолога Мухаммеда Ибн-Мустафы (ум. в 713 г. хиджры).

Что касается европейской науки, то здесь первые сведения о туркменском языке были приведены в «Годичном отчете путешествующего по Востоку» И. Н. Березина и в работах Н. Ильминского.

К 60-м годам прошлого столетия относится появление работ известного путешественника-ориенталиста А. Вамбери, занимавшегося этнографией и литературой народов Востока. Туркменский язык интересовал его лишь попутно.

Присоединение Закаспийской области к Российской империи вызвало необходимость в создании исследований по туркменскому языку, имеющих практическое значение и отвечающих потребностям развития экономических отношений. Ряд изданных в этот период работ носил характер практических руководств для переводчиков и чиновников царской администрации по овладению туркменским языком.

Решительный поворот к организации научного центра по изучению туркменского языка был сделан в первые годы Советской власти. В 1922 г. в Ташкенте была создана специальная комиссия по изучению туркменского языка, которая, однако, ограничивалась деятельностью чисто эмпирического характера.

Этот так называемый «ташкентский период» характеризуется выступлениями пантюркистов, пытавшихся при активной поддержке группы бывших турецких военнопленных офицеров дезорганизовать зарождавшееся туркменское языкознание и направить его по ложному пути.

Именно в этот период (особенно во второй половине 20-х годов) языковедам республики предстояло решить ряд важнейших задач. Необходимо было дать соответствующий отпор пронкам буржуазных на-

¹ А. Н. Кононов. Памяти А. П. Поцелуевского. — «Ученые записки АГПИ», № 4. Ашхабад, 1951, стр. 162.

ционалистов и пантюркистов, начать серьезную планомерную разработку актуальных проблем туркменского языкознания, приступив одновременно к реформе туркменского алфавита.

В решении этих задач самое активное участие принимает А. П. Поцелуевский. В 1926 году его назначают членом и консультантом секции национальной культуры Государственного ученого совета (ГУС) Наркомпроса ТССР. Находясь на этом посту, Александр Петрович проводит огромную работу по созданию проекта нового туркменского алфавита.

Многие лучшие представители культуры прошлого указывали на необходимость реформы арабского алфавита. Азербайджанский философ и просветитель М. Ф. Ахундов в середине XIX столетия вел настойчивую борьбу за коренное изменение арабской письменности, которая, по его мнению, препятствовала приобщению мусульманских народов к культурным и техническим достижениям других народов.

Реформа алфавита стала одной из первоочередных проблем культурной революции, вставших перед молодой Советской властью в первые же годы ее существования.

Состоявшийся в 1926 году в Баку Первый Всесоюзный тюркологический съезд решительно высказался за переход на новый, латинизированный алфавит.

Хорошо знакомый с арабской и латинской письменностью, А. П. Поцелуевский отчетливо представлял себе преимущества латинской графики по сравнению с арабской. С самого начала работы в ГУСе он стал активным сторонником введения латинского алфавита.

В августе 1926 года А. П. Поцелуевский публикует в республиканской газете статью «Реформа туркменского алфавита», в которой характеризует принципы, положенные в основу разработанного при его непосредственном участии проекта нового алфавита. Он призывает к введению латинизированного алфавита, который, по его мнению, будет способствовать решению важнейших задач культурной революции в республике, в том числе:

1) улучшению качества преподавания туркменского языка в школах и средних специальных учебных заведениях (вузов в тот период в Туркменистане не было), что, в свою очередь, приведет к прочному усвоению учащимися и других дисциплин — истории, географии, математики и т. д.;

2) ликвидации неграмотности и малограмотности;

3) развертыванию интенсивных научных исследований в области изучения туркменского языка.

В связи с этим А. П. Поцелуевский настаивает на том, «чтобы реформа на этот раз сводилась бы, по возможности, лишь к замене арабских начертаний латинскими и чтобы, таким образом, была устранена опасность коренной ломки уже налаженной системы начального образования»².

В основу проекта был положен выдвинутый им принцип «неискажения общепринятой формы начертаний латинского шрифта и вместе с тем сохранения, по возможности, за вводимыми в новый алфавит буквами того звукового значения, которое свойственно им или в самом латинском, или в главнейших европейских языках»³. Выдвигая этот принцип, А. П. Поцелуевский стремился сделать новый алфавит общедоступным и облегчить туркменскому населению усвоение существующих европейских алфавитов, а, следовательно, и языков.

² «Туркменская искра», 16 августа 1926 г., № 184.

³ Там же.

С созданием Центрального комитета нового туркменского алфавита (ЦК НТА) А. П. Поцелуевский входит в его состав в качестве постоянного члена и консультанта и, начиная с 1926 года, проводит большую работу по внедрению латинизированного алфавита в практику советских учреждений и учебных заведений.

Для комитетов содействия ЦК НТА, развернувших свою работу в аулах и городах, А. П. Поцелуевский составляет инструкции и памятки, рекомендуя наиболее эффективные методы популяризации нового алфавита.

С января 1928 по сентябрь 1932 года А. П. Поцелуевский работает в Институте туркменской культуры (Туркменкульт). В этот период ученый ведет интенсивные исследования в области изучения туркменского языка.

А. П. Поцелуевский является организатором и непременным участником этнолингвистических экспедиций по собиранию фольклорного материала в различных районах Туркмении, а также изучению особенностей разговорной речи, производственной терминологии отдельных диалектов.

Многосторонность интересов А. П. Поцелуевского, его роль в развитии туркменоведения ярко характеризует даже краткий перечень этнолингвистических экспедиций, в которых он принимал самое деятельное участие: экспедиция к йомудам и геокленам в Красноводский, Гасан-Кулийский и Кара-Калинский районы (1927); поездка в аул Маныш, к племени анаули (1928); экспедиция в Керкинский и Чарджоуский округи к эрсаринцам (1929); экспедиция в Серахский район к салырам и в Тахта-Базарский район к сарыкам (1930); экспедиция в Мервский район к текинцам и в Иолотань — к сарыкам (1930); экспедиция к племени нохурли в аул Нохур (1930); комплексная экспедиция Туркменкульта к геокленам Кара-Калинского района (1931); экспедиция в Байрам-Али (1932)⁴.

Бережно, с живым интересом относился Александр Петрович к народному творчеству, к туркменскому разговорному языку. Он собирал туркменские народные песни, поговорки, загадки, внимательно приглядывался к народным обычаям и традициям.

Собранный в экспедициях материал дал возможность А. П. Поцелуевскому издать ряд значительных работ по туркменоведению: «Собрание туркменского фольклора» (1927); «Сборник туркменских женских песен» (1928), в котором впервые им были систематизированы и опубликованы 800 текстов; «Стихотворный ритм геокленских народных песен» (1928); «Ключ к латинской транскрипции туркменских текстов со сжатой формулировкой главнейших особенностей туркменского произношения» (1928) и другие.

Туркмения, ее природа, народ и язык, история и культура — неизменно привлекали внимание ученого. Их изучению он отдал всю свою жизнь.

В 1931 году во время экспедиции Туркменкульта в Кара-Калинский район А. П. Поцелуевский обнаружил в одном из ущелий долины реки Чандыр, возле аула Кизил-Имам, наскальные рисунки. Задачи, стоявшие перед экспедицией, не позволили ему тогда вплотную заняться этим открытием. Прошло много лет. Но мысль об этих рисунках не покидала ученого.

Наконец, в апреле 1946 года А. П. Поцелуевский настоял на организации экспедиции. Институтом истории, языка и литературы Турк-

⁴ ЦГА ТССР, ф. 289, оп. 32, л. 7.

менского ФАН СССР в долину реки Чандыр был направлен специальный отряд под его руководством. В этой экспедиции принимал участие и один из авторов этих строк (А. А. Курбанов).

На основании детального изучения рисунков А. П. Поцелуевский пришел к убеждению, что они «представляют большой научный интерес, который тем значительнее, что это — первый открытый на территории Туркмении памятник древней наскальной живописи»⁵.

В октябре 1947 г. А. П. Поцелуевский вновь организует комплексную экспедицию в аул Нохур. Последующие изыскания историков и археологов подтвердили предварительные выводы ученого.

В 1928 году А. П. Поцелуевский выезжает в Казань, затем в Москву, Ленинград для ознакомления с постановкой научно-исследовательской работы в области экспериментальной фонетики. В результате этой поездки при секции языка и литературы Института туркменской культуры им создается соответствующим образом оборудованный фонетический кабинет. Здесь на основе использования метода палатограмм проводилось исследование артикуляций звуков туркменской речи.

Собранные этнолингвистическими экспедициями материалы легли в основу многих научно-исследовательских работ ученого.

А. П. Поцелуевский по праву считается первым ученым, поставившим изучение туркменского языка на строго научную основу. Его перу принадлежит свыше шестидесяти работ по туркменской филологии, получивших высокую оценку советских и зарубежных специалистов.

На основе экспериментального изучения артикуляции звуков туркменской речи А. П. Поцелуевский определил фонетический состав туркменского языка. Им же были исследованы различные виды комбинаторных фонетических изменений в туркменском языке, что является значительным вкладом в общее языкознание.

Особенно большое значение для лингвистики имеют изыскания А. П. Поцелуевского в области синтаксиса сложноподчиненного предложения, тем более, что самый вопрос о существовании в тюркских языках сложного предложения (а следовательно, и сложного мышления у народов, говорящих на этих языках) подвергался сомнению со стороны ряда языковедов-индоевропейцев.

Благодаря трудам А. П. Поцелуевского наука впервые получила представление об основных туркменских диалектах и их отличительных особенностях. Глубокое изучение туркменских диалектов позволило ученому выявить основные тенденции и закономерности развития форм слов в туркменском языке.

В несколько меньшей мере внимание А. П. Поцелуевского привлекали проблемы изучения туркменской литературы. Однако и в этой области им сделан ряд научных открытий. В частности, он является первым ученым, исследовавшим основы туркменского стихосложения, как народного, так и литературного. А. П. Поцелуевский доказал наличие в произведениях туркменской литературы и фольклора не только силлабического, но и силлабо-тонического квантитативного метров, причем в произведениях туркменского фольклора им обнаружены некоторые особенности силлабо-тонического стиха, не имеющие аналогий в фольклоре других народов. Исследования ученого выявили значительную самобытность квантитативных размеров в поэзии туркмен, вопреки общепринято-

---

⁵ А. П. Поцелуевский. Наскальные изображения в долине реки Чандыр (предварительное сообщение). — «Известия Туркменского ФАН СССР». Ашхабад, 1948, стр. 7.

му тогда мнению, что эти стихотворные размеры полностью заимствованы у арабов и персов.

Велики заслуги А. П. Поцелуевского в деле организации и проведения Первого туркменского лингвистического съезда, состоявшегося в мае 1936 года.

Ученым был составлен проект реформы орфографии современного туркменского литературного языка. Проект был рассмотрен Центральным комитетом нового алфавита и языкового строительства при Президиуме ЦИК ТССР и рекомендован для доклада на лингвистическом съезде. Основные установки этого проекта в январе 1936 года получили одобрение научного совета и пленума Всесоюзного Центрального комитета нового алфавита (ВЦК НА).

«Проект реформы орфографии туркменского литературного языка» А. П. Поцелуевского — это оригинальный и серьезный труд ученого, созданный на основе проводившихся им многолетних наблюдений и научных изысканий, обобщивший последние для того времени достижения туркменской филологической науки.

Главной предпосылкой для реформы орфографии туркменского языка, считал ученый, «является определение дальнейших путей развития туркменского литературного языка и, в особенности, уточнение взаимоотношений, которые должны существовать между литературным языком в процессе его стройки и территориальными диалектами»⁶.

Ученый справедливо считал живую разговорную речь трудящихся масс «естественной базой дальнейшего развития литературного языка и, в особенности, оформления его орфографии; нарушение правильного взаимоотношения этих двух факторов может повести к отрыву литературного языка от языка массы, к его омертвлению и превращению в нечто искусственное»⁷.

Проект новых правил орфографии ставил своей целью закрепить в литературном языке прежде всего формы, имеющие бесспорное распространение в речи большинства трудящегося населения Туркмении и притом на территории наиболее развитых в экономическом отношении районов. Не ограничиваясь лишь узакониванием бесспорных по своей абсолютной распространенности фактов языка, проект одновременно стремился учитывать и основные тенденции развития форм словообразования и словоизменения, отдавая предпочтение во всех спорных случаях прогрессивным элементам языка.

Проект реформы орфографии А. П. Поцелуевского имел большое значение в борьбе с проявлениями национализма в области туркменского языка.

Буржуазные националисты сознательно пытались разделить туркменский язык по племенному признаку. В частности, в мае 1930 года на первой научной конференции по вопросам туркменского языка разгорелись ожесточенные споры о том, какой из племенных диалектов положить в основу туркменского языка.

А. П. Поцелуевский решительно восставал против буржуазно-националистических тенденций в языковом строительстве. Он считал, что современный туркменский язык—язык школы, литературы и прессы должен быть всенародным и базироваться на живой речи всех трудящихся, а не на каком-то одном диалекте: «Специфика и социальная роль литературного языка и диалектов в корне разные, и поэтому говорить, как

⁶ «Туркменская искра», 16 мая 1936 г., № 111.

⁷ Там же.

предполагают некоторые товарищи, о «диалектизации» туркменского литературного языка ни в коем случае не приходится».

Доклад А. П. Поцелуевского «Проект реформы орфографии туркменского литературного языка» с некоторыми поправками был одобрен Первым лингвистическим съездом. Выступивший в прениях академик А. Н. Самойлович подчеркнул, что проект реформы, представленный в докладе проф. А. П. Поцелуевского, будет «всячески способствовать тому, чтобы в ближайшее время был выработан единый туркменский язык, язык школы, язык литературы».

Орфография, предложенная А. П. Поцелуевским, с некоторыми изменениями, просуществовала вплоть до состоявшегося в октябре 1954 г. в Ашхабаде Второго лингвистического съезда.

Велики заслуги А. П. Поцелуевского в области подготовки национальных научных кадров лингвистов.

А. П. Поцелуевский читал в пединституте курс лекций по важнейшим теоретическим и практическим курсам и разделам туркменской филологии. Автор ценных исследований «Фонетика туркменского языка» (1936) и «Диалекты туркменского языка» (1936), он ввел в учебный план факультета языка и литературы диалектологию и фонетику туркменского языка — дисциплины, ранее вовсе не существовавшие.

Начиная с 1934 года, А. П. Поцелуевский руководит подготовкой аспирантов по туркменскому языку, многие из которых стали впоследствии видными учеными.

В мае 1943 года научная и педагогическая общественность республики широко отметила 25-летие научно-исследовательской и общественной деятельности проф. А. П. Поцелуевского.

Правительство республики высоко оценило заслуги Александра Петровича перед народом и наукой Туркмении. Указом Президиума Верховного Совета Туркменской ССР ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Туркменской ССР.

А. П. Поцелуевский работал весьма интенсивно и продуктивно. Только за последние пять лет своей жизни он опубликовал: «Основы синтаксиса туркменского литературного языка» (1943), «Метрика произведений Махтумкули» (1943), «К вопросу о древнейшем типе звуковой речи» (1944), «Опыт изучения артикуляции звуков туркменской речи методом палатограмм» (1945), «Проблемы стадийно-сравнительной грамматики тюркских языков» (1946), «Происхождение личных и указательных местоимений» (1947), «К вопросу о происхождении формы настоящего времени в тюркских языках юго-восточной группы» (1948). В рукописи осталась большая работа «Морфология туркменского языка».

Ученый предполагал также написать «Основы сравнительной грамматики русского и туркменского языков», но смерть помешала ему осуществить свое намерение. Жизнь А. П. Поцелуевского преждевременно оборвалась: он погиб во время ашхабадского землетрясения в ночь на 6 октября 1948 года на 55-м году своей жизни.

Научное наследие А. П. Поцелуевского не потеряло своей ценности и в наши дни. Оно составляет тот долговечный фундамент, на котором его учениками и последователями успешно возводится здание современной туркменской филологической науки.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

З. Г. УРАКСИН

РАЗВИТИЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Башкирская лингвистика, как самостоятельная область тюркологии, возникла после Великой Октябрьской социалистической революции. Видным башкирским филологам-просветителям М.-С. Бекчурину, М.-С. Уметбаеву, М. А. Кулаеву, занимавшимся, наряду с дореволюционными русскими учеными, разработкой частных вопросов башкирского языкознания, не удалось выявить общих закономерностей развития башкирского языка.

Вплоть до начала XX века башкиры пользовались некоей локальной разновидностью старотюркского литературного языка, а затем — татарским литературным языком.

Возникновение башкирского письменного литературного языка следует отнести к началу 20-х годов нашего столетия, к первым послереволюционным годам, когда на этом языке начала издаваться периодическая печать и стали выходить учебники и художественные произведения.

Уже в мае 1918 года в Москве было созвано специальное совещание, посвященное вопросам, связанным с созданием башкирского литературного языка.

В июле 1920 года II Всебашкирский съезд Советов принял резолюцию о признании башкирского языка наравне с русским «государственным языком». Партийные и советские органы республики приняли ряд конкретных практических мер по введению башкирского языка в сферу официального делопроизводства и школьного обучения или, как тогда выражались, по его «реализации».

Руководство этой большой работой осуществляла специально созданная Центральная комиссия (по реализации) башкирского языка, которую возглавлял видный революционер-большевик, герой гражданской войны, один из организаторов Советской власти в Башкирии Ш. А. Худайбердин. Будучи филологом, Ш. А. Худайбердин принимал непосредственное участие в разработке диалектной базы нового литературного языка и выступил одним из инициаторов перехода республиканской прессы с татарского на башкирский язык.

В эти же годы развертывается деятельность научных, методических и культурно-просветительских обществ и учреждений, содействовавших становлению и упрочению основ башкирского литературного языка. С 1922 по 1927 гг. при Башнаркомпросе существовал Академический центр, издававший журналы «Белем» и «Сэсэн»; тогда же было создано

Научное общество по изучению быта, истории и культуры башкир (1922—1931 гг.), выпустившее несколько сборников под названием «Башкорт аймагы» («Башкирский род»). С 1925 по 1935 гг. работал Комитет нового алфавита.

В деятельности этих коллективов активное участие принимали видные башкирские писатели Мажит Гафури, Даут Юлтый, Булат Ишемгул, филологи Г. Алпаров, Г. Амантаев, М. Баймов, Габбас Давлетшин, Х. Габидов, Ш. Сюнчелей, В. Хангильдин и многие другие.

В эти годы делом первостепенной важности стало создание национальной письменности и в связи с этим определение диалектной основы литературного языка, установление и укрепление его норм, обеспечение школ учебниками и пособиями на родном языке. Развитие башкирского языкознания того периода непосредственно связано с практическими задачами языкового строительства в республике.

Была разработана, а затем и введена система письма, основанная на арабской графике. В 1928—1929 гг. осуществляется переход на латинизированный алфавит, а в 1940 году — на русскую графику.

Башкирский народ создал богатый фольклор. Язык произведений устного народного творчества, развиваемый мастерами слова — сэснами и сказителями, носил наддиалектный характер. Складывавшийся после революции башкирский национальный литературный язык базировался на общенародном разговорном языке, наиболее яркие особенности которого были воплощены в фольклоре. В связи с разработкой и утверждением норм литературного языка возникали оживленные споры о том, на основе какого из двух существующих диалектов — южного (юрматинского), или восточного (куваканского). — должны создаваться эти нормы. В результате дискуссий сложилось мнение о необходимости использования обоих диалектов в равной мере. Дальнейшее развитие литературного языка подтвердило объективную правильность этой точки зрения. К середине 20-х годов были определены основные орфоэпические и орфографические нормы литературного языка, которые в дальнейшем уточнялись и совершенствовались.

Орфографические правила башкирского языка впервые были опубликованы в 1924 году, а в 1925 г. вышла в свет первая башкирская грамматика, составленная В. Хангильдиным, Г. Вильдановым и Г. Давлетшиным. Большой вклад в разработку башкирской орфографии внесли Х. Габидов, Н. Тагиров, Г. Алпаров, Г. Амантаев и Г. Давлетшин.

С конца 20-х годов в Башкирии работала комплексная экспедиция Академии наук СССР при участии крупных ученых-лингвистов С. И. Руленко, Н. К. Дмитриева, С. И. Снегиревского, М. Э. Ноинского и представителей местной интеллигенции, положившая начало планомерному изучению башкирского языка и его диалектов. В этот период сформировались кадры нового поколения башкирских языковедов (М. М. Билялов, З. Ш. Шакиров, К. З. Ахмеров, Т. Г. Байшев и др.), начавшие научные исследования в различных областях башкирского языкознания.

Труды этих ученых, и прежде всего исследования основоположника советского башкироведения Н. К. Дмитриева, ввели башкирский язык в общую орбиту тюркологии. В тот период были созданы десятки учебников для школ, педучилищ и вузов, разработаны основы научной терминологии и выпущены первые терминологические словари.

Наиболее интенсивное изучение башкирского языка начинается после Великой Отечественной войны. Башкирские лингвисты от описательных характеристик языка в целом перешли к монографическому

исследованию закономерностей развития тех или иных компонентов языковой структуры и описанию отдельных категорий фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики.

Большую роль в развитии не только башкирской лингвистики, но и всей советской тюркологии сыграла вышедшая в 1948 году первая научная «Грамматика башкирского языка»¹ — итог многолетней работы Н. К. Дмитриева в области башкирского и других тюркских языков. Появлению книги предшествовали многочисленные статьи ее автора, освещавшие различные проблемы башкирского языкознания.

Монография Н. К. Дмитриева представляет собой замечательный образец систематического изложения фактов конкретного языка. В ней впервые поставлен и разрешен целый ряд вопросов, имеющих общетеоретическое значение, таких, например, как учение о грамматическом развитии слова, проблема придаточного предложения и т. д.

Теоретические исследования и практическая деятельность Н. К. Дмитриева внесли весомый вклад в изучение башкирского и других тюркских языков. Из принадлежавших его перу более ста научных трудов половина прямо или косвенно относится к башкироведению².

Значительные успехи были достигнуты в исследовании звуковой системы башкирского языка. Теоретические основы башкирской фонологии изложены в книгах и статьях Дж. Г. Киекбаева³. Они представляют собой хорошую основу для проведения дальнейших исследований.

В трудах Дж. Г. Киекбаева по фонетике дается обстоятельная характеристика звукового строя башкирского языка, выявляются основные закономерности исторического изменения звуков и современные литературные нормы произношения.

Дж. Г. Киекбаев весьма плодотворно работал и над проблемой взаимоотношения урало-алтайских языков. Им созданы курсы лекций по введению в урало-алтайское языкознание, сравнительной грамматике тюркских языков, исторической грамматике башкирского и татарского языков, опубликован ряд статей⁴, подготовлены к печати две крупные монографии: «Введение в урало-алтайское языкознание» и «Сравнительная грамматика урало-алтайских языков». Рассматривая уральские и алтайские языки как единую систему, Дж. Г. Киекбаев делает попытку построения общей структурной модели образования в них грамматических форм. Грамматический строй этих языков анализируется им с точки зрения теории определенности и неопределенности. В своих исследованиях он сумел правильно сочетать сравнительно-исторический метод с теоретическими положениями и методами структурной лингвистики.

Изучению отдельных фонетических явлений в башкирском и других тюркских языках посвящены работы А. Г. Бишева, в частности, им выпущено монографическое исследование о «первичных» долгих гласных⁵.

Г. П. Мельниковым проанализирована система вокализма башкирского языка на основе математических методов исследования. Им по-

¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.

² См. «Библиографию по башкирскому языкознанию (1917—1967 гг.)». Уфа, 1969.

³ Ж. Г. Киекбаев. Башкорт теленең фонетикаһы. Өфө, 1958; *его же*. Башкорт әҙәби теленең дәрәжә эйтелеше. Өфө, 1964.

⁴ См. сб.: «Вопросы методологии и методики лингвистических исследований». Уфа, 1966; Дж. Г. Киекбаев. О грамматической категории определенности и неопределенности в урало-алтайских языках. — «Советское финно-угроведение», 1965, № 4.

⁵ А. Г. Бишев. «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. Уфа, 1963.

строены геометрические модели гласных, описаны способы анализа гармонии звуков и приемы словоразграничения.

В ближайшие годы башкирским языковедам предстоит развернуть работу по экспериментальному изучению фонетического строя языка и ритмико-интонационному построению речи.

Характеристика лексико-грамматических разрядов слов, выявление их особенностей и раскрытие сущности морфологических категорий — наиболее актуальные задачи современного башкирского языкознания.

Как известно, самой сложной частью речи, с точки зрения грамматических категорий и разнообразия средств их выражения, является глагол.

Первое специальное исследование, посвященное башкирскому глаголу, появилось в 1930 году⁶. Его автор М. А. Кулаев, врач по специальности и энтузиаст изучения родного языка, предпринял попытку создать систематическую грамматику и словари башкирского языка.

Разработке проблемы видовых значений и образования видов глагола в башкирском языке посвящена монография А. И. Харисова⁷. Автор ставил целью раскрыть сущность этой категории, до сих пор остающейся объектом дискуссий в общем языкознании.

Вопросы словообразования и формообразования глагола нашли систематическое изложение в работах А. А. Юлдашева⁸. В них дается характеристика различных способов словопроизводства в сфере глагола, обстоятельно освещаются категории наклонения и времени, выделяются формы модальности. В другой монографии этого же автора исследуются аналитические формы глагола башкирского и других тюркских языков в семантико-структурном плане⁹.

Отдельные грамматические категории глагола были разработаны в кандидатских диссертациях А. Х. Фатыхова («Категории залога в башкирском языке») и М. В. Зайнуллина («Категория времени глагола изъявительного наклонения в современном башкирском языке»).

В центре внимания языковедов находится также исследование проблемы классификации частей речи и определение особенностей каждой из них. Общей классификации частей речи посвящена кандидатская диссертация К. З. Ахмерова. Исследованием категории прилагательного занимался А. И. Чанышев, семантических и грамматических особенностей служебных слов — Б. С. Саяргалеев, категории падежа — Р. Ф. Зарипов, звукоподражательных слов — З. К. Ишмухаметов. Именное словообразование в башкирском языке получило освещение в монографии Т. М. Гарипова¹⁰. Принципам разграничения и особенностям выделяемых частей речи посвятил свою работу Н. Х. Ишбулатов¹¹. Этот вопрос до сих пор остается одним из актуальных в тюркологии, к нему вновь и вновь приходится возвращаться при подготовке учебников, учебно-методических пособий и составлении словарей.

В области изучения синтаксиса башкирского языка весьма значительных результатов добились К. З. Ахмеров и Г. Г. Саитбатталов. Первый опубликовал ряд работ по различным разделам синтаксиса («Синтаксис простого предложения», «Синтаксис сложносочиненного предложения» и др.). Г. Г. Саитбатталов разработал синтаксис сложного

⁶ М. А. Кулаев. О глаголах башкирского языка. Казань, 1930.

⁷ А. И. Харисов. Категория глагольных видов в башкирском языке. Уфа, 1944.

⁸ А. А. Юлдашев. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958.

⁹ А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.

¹⁰ Т. М. Гарипов. Башкирское именное словообразование. Уфа, 1959.

¹¹ Н. Ишбулатов. Хәзерге башкорт теле. Һүз төркөмдәренәң бүленеше. Өфө, 1962.

предложения, наиболее детально исследовав строение сложноподчиненных предложений и сложных синтаксических конструкций¹². В диссертационной работе А. М. Азнабаева рассматриваются особенности обобщенных членов предложения.

Лингвисты Башкирии занимаются также сопоставительным изучением языков, относящихся к различным системам. Ими выявляются типологические сходства и различия, главным образом русского и башкирского или германских и тюркских языков. Наиболее значительной работой в этой области является пособие К. З. Ахмерова и Р. Н. Терегуловой по сопоставительной грамматике русского и башкирского языков¹³.

Языковые контакты в Башкирии изучаются Т. М. Гариповым. Им подготовлено исследование о древних болгарско-кыпчакских и более поздних башкирско-татарских и чувашско-башкирских языковых взаимосвязях.

Выше уже отмечалось, что комплексное изучение фольклора и разговорного языка башкир было начато еще в конце 20-х годов. На основе собранного и обобщенного большого диалектологического материала была проведена научная классификация говоров и диалектов, описаны их основные черты, определено их отношение к литературному языку. Первой обобщающей работой в этой области явилась опубликованная в 1955 году монография Т. Г. Баишева «Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку». Башкирская диалектологическая наука получила дальнейшее развитие в статьях Дж. Г. Киекбаева.

Монографическому описанию отдельных говоров посвящен ряд кандидатских диссертаций: Н. Х. Ишбулатова — «Говор деревни Казмашево Абзелиловского района БАССР»; Х. Г. Юсупова — «Асинский говор»; А. А. Юлдашева — «Язык тептярей»; Н. Х. Максютовой — «Айский говор»; С. Ф. Миржановой — «Кубалякский говор»; У. М. Яруллиной — «Демский говор».

Диалектологами подготовлен и издан двухтомный «Словарь башкирских говоров»¹⁴, охватывающий лексику двух основных диалектов — восточного и южного. В нем представлен ценный материал для сравнительно-исторического исследования башкирских говоров, а также других тюркских и финно-угорских языков. В настоящее время завершаются обобщающие монографии о восточном и южном диалектах башкирского языка. Эти монографии явятся значительным вкладом в изучение говоров не только башкирского, но и других тюркских языков.

Одной из наиболее удачных попыток сравнительного исследования лексики башкирских говоров является кандидатская диссертация Э. Ф. Ишбердина «Названия животных и птиц в башкирских говорах».

Лингвистами республики начата подготовка к лингвогеографическому изучению говоров с целью составления диалектологического атласа башкирского языка.

Определенная работа проделана и в области ономастики. А. А. Камаловым защищена кандидатская диссертация по гидронимам. Р. З. Шакуров работает над диссертацией, посвященной исследованию

¹² *Ф. Ф. Сәйтбатталов*. Башкорт теленең кушма һөйләм синтаксисе. Өфө, 1961.

¹³ *К. З. Ахмеров, Р. Н. Терегулова*. Сравнительная грамматика русского и башкирского языков. Уфа, 1953.

¹⁴ «Словарь башкирских говоров», т. I. (Восточный диалект), под редакцией Н. Х. Максютовой, Н. Х. Ишбулатова. Уфа, 1967; т. II. (Южный диалект), под редакцией Н. Х. Максютовой. Уфа, 1970.

топонимов юго-западного региона Башкирии. Готовится большой «Топонимический словарь Башкирии», ведутся исследования по башкирской антропонимии, этнонимии и зоонимии.

Башкирская лексикография по существу начала развиваться лишь после Октябрьской революции, хотя первые русско-башкирские и башкирско-русские словари появились в конце XIX в. За годы Советской власти издано около пятидесяти самых различных словарей.

В период 20—30 гг. в Башкирии в широких масштабах осуществлялось издание научно-технической, общественно-политической и учебной литературы на башкирском языке. Это вызвало необходимость разработки башкирской терминологии. Правительством Башкирской АССР была образована Терминологическая комиссия, которая возглавила эту большую работу.

В настоящее время издано более двадцати терминологических словарей по самым различным отраслям науки и техники. В создании научной терминологии башкирского языка активно участвовали Т. Г. Байшев, З. Ш. Шакиров, Х. А. Абдрашитов, М. Срумов, Г. И. Ишбулатов и многие другие.

Орфографические словари башкирского языка, издававшиеся в 1930 году (составитель Г. Давлетшин), в 1942 и 1952 гг. (составитель К. З. Ахмеров), были предназначены в основном для начальной и средней школы. В настоящее время назрела необходимость в создании относительно более полного орфографического словаря.

Значительным событием в истории башкирского языкознания явился выход в свет в 1948 году большого «Русско-башкирского словаря» под редакцией Н. К. Дмитриева, К. З. Ахмерова и Т. Г. Байшева. В него было включено около сорока тысяч слов. Подготовка этого словаря имела не только практическое, но и большое теоретическое значение, ибо в процессе, начавшейся еще в довоенное время, работы над ним, были заложены научные основы башкирской лексикографии. Словарь сыграл определенную роль в развитии литературного языка, в унификации терминов, дифференциации семантики слов, уточнении форм и значений грамматических категорий.

В 1958 году был издан «Башкирско-русский словарь» (под редакцией К. З. Ахмерова, Т. Г. Байшева, Г. Р. Каримовой, А. А. Юлдашева), включавший около двадцати двух тысяч наиболее употребительных слов башкирского языка.

Новый «Русско-башкирский словарь» (под редакцией К. З. Ахмерова, У. М. Яруллиной, Т. М. Гарипова, З. К. Ишмухаметова, М. Л. Рафикова) вышел в свет в 1964 году. Он содержит сорок шесть тысяч словарных статей. Этот словарь является нормативным и существенно отличается от предыдущих. В нем не только увеличен объем, но и дано толкование лексических и грамматических значений слов и фразеологизмов.

В 1966 году были изданы словари, включающие определенные лексико-семантические группы слов и фразеологических словосочетаний, такие, например, как «Словарь синонимов» (составитель З. Г. Ураксин) и «Словарь омонимов» (составитель М. Х. Ахтямов), каждый из которых содержит по две тысячи словарных единиц. Подготовлены к печати «Словарь антонимов» и «Башкирско-русский фразеологический словарь», охватывающий около трех тысяч фразеологических единиц и словосочетаний.

Еще в 20-е годы была предпринята попытка создания национального толкового словаря. В этой связи следует упомянуть малонизвестный «Баш-

кирский словарь» Н. Тагирова, содержащий немногим более девяти тысяч слов преимущественно разговорной речи. Толковый словарь, подготовленный Т. Муратовым, остался в рукописи.

В настоящее время Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР готовит двухтомный «Толковый словарь современного башкирского литературного языка». Создана картотека этого словаря, содержащая более семисот тысяч карточек. По замыслу составителей, этот словарь должен отразить все зафиксированное донныне лексико-фразеологическое богатство и установить нормы башкирского литературного языка.

До недавнего прошлого лексикографическая работа превалировала над лексикологическими исследованиями. Лишь в последнее время стали появляться теоретические работы по лексике и фразеологии башкирского языка. Д. М. Хасановой, М. Х. Ахтямовым защищены кандидатские диссертации, посвященные проблемам синонимии и омонимии. Несколько ранее вышла работа Р. Н. Терегуловой «Русские заимствования в башкирском языке».

Проблемы лексикологии и фразеологии находят отражение и в учебной литературе. Х. Г. Юсуповым издано специальное пособие по этому вопросу, в основу которого положены материалы романа Х. Давлетшиной «Иргиз»¹⁵.

Лексика и фразеология башкирского языка систематизированы и охарактеризованы в учебнике для вузов Дж. Г. Киекбаева¹⁶.

Новой отраслью башкирской лингвистики является история литературного языка. Изучением письменных памятников Башкирии занимается Р. Х. Халикова, защитившая кандидатскую диссертацию о языке башкирских исторических, юридических и деловых документов XVIII века. В настоящее время она исследует язык исторических документов и *шежере* более раннего периода. Подготовкой публикаций текстов письменных памятников занят А. Н. Баязитов.

В. Ш. Псянчин защитил кандидатскую работу «История формирования башкирского письменного литературного языка». В 1972 году вышла монография К. З. Ахмерова «История башкирской письменности (графика и орфография)».

Важное научное значение приобрела проблема отношения современного башкирского языка к древне- и среднетюркским письменным памятникам. Исследованию этого вопроса посвящена кандидатская диссертация М. А. Ахметова «Глагол в языке орхоно-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком)». Ученым предстоит осуществить ряд исследований по сравнительному изучению кыпчакских памятников XI—XIV веков.

Башкирский язык — это развитый литературный язык, на котором созданы замечательные художественные произведения, пишутся научные труды, составляются словари, издается обширная периодика, ведутся радио- и телепередачи.

За полвека башкирская лингвистика прошла большой путь развития: от первых школьных учебников до крупных монографий, и не только по родному языку, но и по ряду актуальных проблем тюркологии и общего языкознания.

В настоящее время башкирский язык изучается преподавателями филологических кафедр Башкирского государственного университета,

¹⁵ Х. Юсупов. Фразеология башкирского языка. Уфа, 1963.

¹⁶ Ж. Ф. Киекбаев. Хэзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. Өфө, 1966.

Стерлитамакского и Башкирского педагогических институтов, а также коллективом языковедческих секторов Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР, старейшего научного центра республики.

За годы Советской власти значительно расширились общественные функции башкирского языка. Если до революции он был языком исключительно бытовым, то теперь на башкирском языке ведется обучение в средних школах и высших учебных заведениях.

На башкирском языке издаются шесть журналов и три республиканские газеты, тиражи которых постоянно растут; так, например, тираж литературно-художественного журнала «Агидель» в 1970 году достиг 46 тысяч экземпляров, журнала «Башкортостан кызы» — 52 тысяч, газеты «Совет Башкортостаны» — более 50 тысяч экземпляров.

Весьма показательны тиражи книжной продукции в республике: в 1923 году были выпущены 4 книги на башкирском языке общим тиражом 8 тыс. 500 экземпляров, а в 1962 году издана 161 книга общим тиражом 868 тысяч экземпляров. «Алифба» («Букварь») для первых классов ежегодно издается восемнадцатитысячным тиражом. Наряду с этим наблюдается некоторое сужение функций башкирского языка в сфере делопроизводства. Все эти факты свидетельствуют о необходимости глубокого социально-лингвистического анализа функций башкирского языка.

Развитие науки о языке выдвигает новые ответственные задачи, обусловленные усилением ее связей с жизнью общества и происходящими в нем изменениями. В ближайшее время должна начаться подготовка академической грамматики башкирского языка. Перед языковедами республики стоит ряд неотложных задач: необходимо совершенствовать правила правописания, создавать новые словари общественно-политических и научно-технических терминов, продолжать изучение выразительных возможностей литературного языка, выявлять одновременно богатства разговорного языка, а также вплотную заняться изучением проблем культуры речи и стилистики.

Башкирские языковеды должны использовать предоставленные им возможности для разрешения всех этих задач.

РЕЦЕНЗИИ

Д. Е. ЕРЕМЕЕВ. ЭТНОГЕНЕЗ ТУРОК (ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ)*

Этногенез любого народа, любой этнической общности — сложный исторический процесс. Установить в этом процессе, наряду с общими закономерностями, особенности, присущие этнической истории данного народа, — задача, требующая такта и широкой эрудиции в области общественных наук и, что весьма важно, умения методологически правильно интерпретировать комплекс научных данных, соотнося общее с частным.

Д. Е. Еремеев поставил своей целью проследить «все особенности этногенеза турок, образования турецкой народности, а затем и турецкой нации, выделяя при этом общее и особенное» (стр. 3). То есть автор попытался рассмотреть многовековой этнический процесс (с XI по XV вв.) на территории современной Турции, в результате которого сложилась турецкая нация.

Работа Д. Е. Еремеева, являющаяся первой итоговой публикацией по этногенезу турок и вообще отдельного тюркоязычного народа, написана на основе марксистско-ленинской методологии. Автор дает объективное освещение проблемы в целом, опровергает фальсификаторов тюркоязычного этноса, и в частности этнической истории турок, противопоставляя им марксистскую интерпретацию этнических процессов в Малой Азии и на Балканах. Истоки этих процессов Д. Е. Еремеев возводит к массовому переселению тюркоязычных племен, главным образом огузов, и считает, что «хронологически исходной точкой в этногенетическом процессе, приведшем в итоге к образованию турецкого народа, можно уверенно назвать конец XI в.» (5). Вместе с тем Д. Е. Еремеев отмечает, что «уже в III—IV вв. тюркоязычные племена, бесспорно, представляли собой многочисленных и постоянных соседей народов Малой Азии, Кавказа и Балкан, они проникали в эти области все более и более активно» (53).

Вероятно, этот исторический процесс не прошел бесследно для языка современных турок, а также азербайджанцев и гагаузов. Благодаря ему образовался лексический пласт, унаследованный от гуннов, болгар, савиров (суваров), сарматов. В определенной степени этот процесс отразился также на топонимии, гидронимии и оронимии Малой Азии, Северного Ирана и Закавказья. Из обзора путей проникновения тюркоязычных племен в Малую Азию в период раннего средневековья (56—61) следует, что часть этих племен не могла миновать Закавказья, где частично и оседала. Д. Е. Еремеев напоминает об известном факте переселения тюркоязычных суваров в конце VI в. в Кавказскую Албанию (55). Он отмечает, что проникновение тюркоязычного этноса в этот регион носило в то время эпизодический характер и не сыграло решающей роли в этнической истории Малой Азии и Закавказья. Во всяком случае, тюркская инфильтрация до XI в. еще не предвещала будущих коренных перемен в языке местного населения. Однако уже тогда тюркоязычная прослойка как в мусульманской, так и в христианской части Передней Азии в целом была довольно заметной и имела определенное значение. Расселившись среди коренного населения, средневековые тюрки в какой-то степени подготовили начало языковой тюркизации.

Более существенной явилась тюркоязычная волна VIII—X вв., двигавшаяся с востока на запад, в зоне которой в первую очередь оказалась территория халифата Аббасидов. В результате на границах последнего появились поселения турок. Тюркоязычные племена постепенно проникали также с севера, главным образом во владения Византийской империи, которая использовала их для охраны своих границ: по свидетельству греческих, сирийских, арабских, персидских и других источников, тюрки в средние века славились как ловкие всадники и отличные стрелки из лука. В этот период здесь становятся известны новые тюркские племена, прежде всего огузские, появление

* М., 1971, 272 стр., издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы.

которых оказало серьезное влияние на язык значительной части населения Передней Азии. В качестве иллюстрации последствий огузского влияния Д. Е. Еремеев приводит примеры из азербайджанского, гагаузского, туркменского и турецкого языков (70—72). Для азербайджанского языка, который, как и три других вышеупомянутых, относится к огузской группе западнохуннской ветви тюркских языков, следует отметить специфическую особенность. В Азербайджане огузский язык начинает играть важную роль с середины XI в. С XII в. определенное значение приобретает кыпчакский язык, причем территория нынешнего Иранского Азербайджана была ареалом более «чистого» огузского языка, а на территории современного Советского Азербайджана наблюдалось смешение огузского с кыпчакским. До настоящего времени в азербайджанском языке ясно прослеживаются элементы и особенности, свойственные как огузскому, так и кыпчакскому языкам (данные Махмуда Кашгарского подтверждают этот вывод)¹. Носители тюркского языка проникали в средневековый Азербайджан в основном с юга (обходя Каспий).

Д. Е. Еремеев справедливо считает, что у гагаузов, турок и азербайджанцев (в меньшей степени) сохранились характерные особенности языка огузов. Автором приводятся примеры (70—71), частично подтверждающие этот тезис: в азербайджанском так же, как в огузском *dāvā* 'верблюд', *g'āl* 'иди', *daju* 'дядя по матери', *guzu* 'ягненок', *dam* 'крыша'; имеются и фонетические сближения: *onlag* > *onnaq*, *anlatak* > *anpatak* (сохранившиеся в устной речи). В азербайджанском языке имеются аналогии и с печенежским (71): *bāj*, *daq*. Общей же для упомянутых языков является огузская лексика. Более значительные отклонения от огузского языка надо искать в туркменском.

Наиболее мощная тюркоязычная волна, хлынувшая в XI—XII вв. из Средней Азии в Малую Азию и не миновавшая Закавказья, состояла преимущественно из носителей огузского языка². Следующее массовое проникновение турок, связанное с монгольским завоеванием, оказало особенно большое влияние на язык туркмен, в меньшей степени — на язык азербайджанцев и еще меньше отразилось на языке гагаузов и турок: это влияние затухало в своем движении с востока на запад.

Для этногенеза турок важное значение имело переселение тюркоязычных племен в Анатолию именно в XI—XII вв. Языковая тюркизация Малой Азии была, несомненно, длительным процессом, возможно, начавшимся задолго до XI—XII вв., но наиболее ярко проявившимся именно в этот период.

Теперь уже не вызывает сомнений то, что тюркоязычные племена в Передней Азии, в том числе в Малой Азии, были известны задолго до огузов.

Исторические, лингвистические, этнические, этнографические и топонимические

данные указывают на то, что проникновение тюркоязычного элемента в Анатолию началось с первых веков нашей эры. С какого-то периода приток тюркоязычных племен приобрел перманентный характер, оставаясь до времени сравнительно незначительным. Таким образом, постепенно создавались благоприятные условия для восприятия народами Малой Азии тюркского языка в более широких масштабах. По-видимому, и до рассматриваемого времени какая-то часть населения Анатолии говорила на тюркском языке, а тюркоязычная прослойка в Передней Азии могла быть довольно значительной. Процесс тюркизации усиливался по мере расширения контактов и миграций, в результате чего на прежний тюркоязычный слой накладывался новый.

Утвердившееся в XI в. в Малой Азии политическое господство сельджуцких султанов и тюркской военно-кочевой знати, массовое переселение и оседание здесь турок — все это ускорило процесс языковой тюркизации. В XI—XII вв. в ряде регионов Средней и Передней Азии тюркский язык становится основным средством общения.

Характеризуя сельджуцкую культуру в Малой Азии, автор с полным правом говорит о ее синкретизме (114 и сл.). Заключение автора, что турки составляли одну из крупнейших этнолингвистических общностей Анатолии XI—XIII вв. (120, 122, 132), не вызывает возражений, но его утверждение о существовании у них в этот период обиходной культуры (см. те же страницы) весьма сомнительно. Точно так же в это время у турок не могло быть подлинной экономической, политической и языковой общности. Конечно, определенная политическая (в первую очередь) и экономическая общность в Конийском султанате существовала, но в каждом районе (владении) складывался территориальный диалект, и не могло быть этнического самосознания. Сам автор (121—124) говорит о том, что в Малой Азии в XI—XIII вв. еще не было единой сложившейся тюркской народности, ибо прошел слишком небольшой исторический срок. Он указывает, что в Конийском султанате, отличавшемся этнической пестротой, не было ни экономической и политической общности, ни единого языка и этнонима. К этому следует добавить, что вскоре началось монгольское нашествие на Малую Азию, а затем последовали военно-политические события периода существования бейликов, государств Кара-Койунлу и Ак-Койунлу. Все это задержало процесс образования единой тюркоязычной общности на данной территории (126, 128, 132).

Д. Е. Еремеев справедливо относит образование тюркской народности в Малой Азии к послесельджуцкому времени, к периоду существования Османского государства (125 и сл.). И не случайно тюркский («османский») язык стал употребляться в Малой Азии в качестве официального языка только с первой половины XIV в., ибо весьма вероятно, что именно к этому времени он по-

лучил достаточно широкое распространение среди местного населения.

Далее Д. Е. Еремеев отмечает (134), что, хотя тюркский язык со временем становится доминирующим, на духовную и особенно материальную культуру тюрков оказывала огромное ассимилирующее влияние более высокая культура автохтонного оседлого земледельческого населения, что сыграло большую роль в будущем Малой Азии.

Все это привело к формированию где-то на рубеже XV—XVI вв. турецкой народности со своей территорией, языком, относительной экономической, политической и культурной общностью (135), хотя процесс консолидации еще далеко не был завершен (158—159).

Д. Е. Еремеев прослеживает (136 и сл.) колонизацию Балкан тюркоязычными племенами, ассимиляцию ими части местного населения, пути языковой тюркизации. Рассматриваются автором и особенности развития культуры и языка тюрков после XV в. (150 и сл.). В силу указанных причин османская культура испытала воздействие более развитой культуры автохтонов Малой Азии и Балкан. Этим объясняются многие особенности развития турецкого языка, который продолжал складываться и после XV в., под определенным воздействием местных субстратов (преимущественно в области лексики), что в существовавших социально-экономических, военно-политических и культурно-исторических условиях, сопутствовавших формированию турецкого языка, было естественным и неизбежным. Д. Е. Еремеев отмечает, что «турки-османцы, как и ранее турки-сельджуки, творчески перерабатывая многочисленные заимствования, создавали свой особый стиль в искусстве и литературе» (156).

Начало формирования турецкой нации автор относит к 30-м годам XIX в. (160 и сл.); к этому времени производительные силы и производственные отношения достигли соответствующего уровня развития.

История Турции XVII—XVIII вв. характеризуется рядом известных особенностей. Раскрывая их, автор останавливается и на происходивших в этот период ассимиляционных процессах в области языка. «Турецкий язык был языком межнационального общения», — резюмирует Д. Е. Еремеев (174). Автор справедливо связывает принятие турецкого языка нетурками — подданными османского султана — с экономическими (торговыми, промышленными и иными) причинами. Он отмечает влияние экономических отношений и на языковые процессы, приводя высказывание В. И. Ленина: «...потребности экономического оборота сами собой определяют тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений» (191, прим. 12).

Определенное место в работе уделено (196 и сл.) вопросу о движении за «чистоту» турецкого («османского») языка и его пропаганде, что было связано с распростране-

нием идей турецкого национализма, а впоследствии — и пантюркизма (например, движение «молодых османов»). Дальнейшее развитие событий привело к тому, что уже после победы турецкого антиимпериалистического национально-освободительного движения и кемалистской революции (1918—1923 гг.) «османский язык» был заменен современным турецким, ставшим официальным, государственным, а затем и литературным языком Турецкой республики (208).

Д. Е. Еремеев дает этническую характеристику современных тюрков (221 и сл.) с точки зрения антропологического типа, особенностей материальной и духовной культуры. Но основное внимание им уделяется языку, ибо он считает, что «язык как основной этнический показатель ярко отражает особенности этногенеза того или иного народа» (226). При этом автор отмечает, что в языке азербайджанцев, гагаузов, туркмен и тюрков общим является победивший (и доминирующий) огузский компонент. Своеобразие же каждого из этих языков определяется языковыми субстратами ассимилированных местных этнических групп (нетюркоязычных). Д. Е. Еремеев замечает, что «основу этнической ассимиляции составляет именно языковая ассимиляция» (229). Автор справедливо усматривает (231 и сл.) два аспекта ассимиляции в процессе этногенеза тюрков: культурно-экономический и языковой. Культура и экономика оседлых местных народов оказывали ассимилирующее воздействие на тюрков-завоевателей, что же касается языка, то верх одержал тюркский. Не последнюю роль в этом сыграло и то, что тюркский язык (как фонетически, так и грамматически) сравнительно легко усваивается иноязычным населением.

При несомненных достоинствах работа Д. Е. Еремеева не лишена и некоторых частных недостатков.

1. Наибольшие возражения вызывает утверждение автора, что основную массу сельджуков, завоевавших Малую Азию, составляли туркмены (72). При этом он часто соотносит термины *огуз* и *туркмен*, имея в виду период XI—XII вв. По-видимому, это результат существующей терминологической путаницы в отношении терминов *огуз*, *сельджук* и *туркмен*. Кочуя из одного исследования в другое, эта путаница привела к такой принципиальной ошибке, как отождествление огузов с туркменами. Известно, что огузы в XI—XII вв. участвовали в этногенезе четырех современных тюркских народов — азербайджанцев, гагаузов, туркмен и тюрков, каждый из которых имеет свою историю, материальную и духовную культуру и говорит на своем языке. Общие истоки этих языков прослеживаются только в их основах. Путаница в терминологии ведет к неверным выводам, противоречащим принципам марксистско-ленинской методологии, к необъективному толкованию этногенетических и языковых процессов.

Хотя автор и утверждает, что нельзя отождествлять огузов и туркмен (43), тем

не менее, вольно или невольно, логика его рассуждений приводит к такому отождествлению (5 и сл.), тогда как речь может идти лишь о соотношении терминов *огуз*, *сельджуки* и *туркмены*.

Огузами в XI—XII вв. называли группировку из двадцати четырех племен. Этот термин впервые упоминается в письменных памятниках VIII в.³ *Огуз* в то время было понятием более широким, чем *сельджуки* и *туркмены* и обозначало раннюю этническую (или политическую) общность.

Сельджуками в X в. стали называть группировку огузских и некоторых других тюркоязычных племен, признавших власть рода Сельджука. Этот этноним приобрел нарицательный характер, имея ярко выраженную политическую (в ряде случаев и этническую) окраску. *Туркменами* в тот же период именовали, судя по всему, другую группировку тех же племен, причём в XI—XII вв. в это понятие вкладывали уже не только этнический, но и политический смысл. В Средней Азии периода развитого средневековья этноним *огуз* постепенно заменяется этнонимом *туркмен*. Аналогичный процесс происходил и в Малой Азии, но здесь, наряду с термином *туркмен*, существовал также и термин *юрюк* (*jürük*).

Путаница в понятиях *огуз* и *туркмен*, возможно, возникла в связи с тем, что оба термина обозначали близкородственные племена (или группировки племен) и длительное время сосуществовали, вплоть до утраты этнонима *огуз*. Не исключено, что смена терминологии отражала определенные этнические процессы (формирование новых этнических общностей, например, азербайджанцев, гагаузов, туркмен и турок, которые этногенетически, в первую очередь и главным образом по языку, связаны с огузами). Сам Д. Е. Еремеев отмечает, что «анализ огузского языкового пласта и сопоставление его частей в туркменском, азербайджанском, гагаузском и турецком языках дает более точное представление и об огузском этническом компоненте, о доле его участия в происхождении названных народов» (70). Таким образом, автор в итоге приходит к верному заключению (ср. на стр. 70—72 приведенные им примеры из азербайджанского, гагаузского, туркменского и турецкого языков).

2. Важным представляется вопрос об *уджах* и их землях. Автор считает ленный удел на границах — *удж* — особой формой *икта*, а также полагает, что *уджи* платили подати государству (79—80).

Земли уджей (мы считаем такое наименование более правильным) — это особая форма землепользования и землевладения в сельджукский период. Она появилась в последней четверти XI в. и развивалась в течение XII в. Земли уджей были широко распространены в Закавказье и Малой Азии. Они имели налоговый иммунитет, ибо *уджи* должны были вести военную службу (повинность кровью) на границах государства. Эти земли передавались главе племени, ко-

торый именовался *удж-беем*. Для аналогии можно упомянуть земли, выделявшиеся в средневековой Западной Европе на границах государства и заселявшиеся воинами во главе с маркграфами.

Войско уджей упоминается с последней четверти XI в. Это были специальные конные пограничные части вспомогательного назначения, во главе которых стоял тот же *удж-бей*. *Удж-бей* подчинялись *удж-бейлер-бею*, возглавлявшему объединенные отряды уджей государства. В функции уджей входили наступательно-оборонительные действия на границах государства, что сближает их с византийскими акритами, мусульманскими *гази* или европейскими крестоносцами. Возможно, что им вменялись в обязанность также и карательные функции: укрепление власти султана на местах, подавление антисельджукских и антифеодальных выступлений, обеспечение сбора налогов.

3. Вряд ли *юрюк* является тюркским племенным названием (67). Скорее это наименование кочевника-скотовода в Малой Азии. Для сравнения можно сказать, что в азербайджанском языке до сих пор бытует термин *täräk'ämä* (арабизированное множественное число от слова *türk'män* 'туркмен' (*تورکمن*) как синоним понятия *кочевник*, хотя, наряду с ним, сохраняется специальный термин — *k'öcägi*).

4. *Сарацин* (67) — вероятно, испорченное арабское *šark'in* (*شاركين* — жители Востока). Ср. *сарацинское пшено*, как называли в России рис, завозившийся сюда с Востока при посредничестве мусульманских купцов. Возможно, что тюркское *şarçın* — позднейшее переосмысление и этимологизация арабского термина.

5. Не слишком ли категорично утверждение (правда, в скобках), что «сельджукские же кочевые племена на Балканы вообще не попадали»? (69). Разме Румелия, например, не на Балканском полуострове? Кстати, автор не использовал работ, в которых поднимаются вопросы, связанные с проблемой сельджуков и Балкан (за исключением работы П. Н. Мутафчиева на болгарском языке, причём без указания места и года издания)⁴.

6. Основной ударной силой сельджуков были не кочевые огузские племена (76), а реформированная армия (конница), созданная по принципу «от каждого феодала — военный отряд»⁵.

7. Вряд ли можно говорить о «воспитании массы кочевников в духе ненависти к немусульманским народам» (77). Из советских сельджукведов уже В. А. Гордлевский отметил веротерпимость сельджукских завоевателей⁶.

8. Не следовало бы возрождать термин «кочевой феодализм» (80), от которого советские медиевисты уже отказались. Возможно, в данном случае правильнее говорить о «восточном феодализме».

9. Автор явно подпадает под влияние используемых им источников при определении численности войск сельджукских султанов (89—90), ибо сообщения о воинских контингентах в 100—200 и более тысяч человек, как правило, являются домыслом средневековых историкографов. Ошибочность подобных утверждений усугубляется еще и тем, что они приводят к неверным выводам о численности тюркоязычного населения в Малой Азии XI, XII и XIII вв. Для примера можно указать, что в таком важнейшем, имевшем этапное значение сражении, каким была битва при Манцикерте в 1071 г., султан Алп-Арслан имел под своим началом 12 тысяч воинов⁷. Стабильной тактической войсковой единицей у сельджуков был отряд в 2 тысячи всадников с приданной ему пехотой, вспомогательными частями и боевой техникой.

10. Вряд ли можно говорить о «патриотизме» у туркмен Малой Азии в XIII в. или у караманских беев (130—131). Скорее их борьбу с внешними врагами следует рассматривать как защиту принадлежащих им пастбищ и владений, стремление сохранить

независимость в рамках небольшого феодального образования.

11. Вызывает сомнение понятие «древнетурецкая народность» (132).

12. Вероятно, *субаши* и *субаши* — термины разные (139). Первый связан с военным делом, второй — с хозяйственной деятельностью — водопользованием (ср. средневековые тюркоязычные тексты, словари).

13. Сомнительно, чтобы существовал особый «османский класс торговой буржуазии» (181).

Несмотря на указанные выше частные недостатки и упущения, работа Д. Е. Еремеева представляет собой определенный этап в исследовании этнической истории тюркоязычных народов вообще и современных турок в частности. Хотелось бы выразить надежду, что в недалеком будущем появятся новые работы, которые продолжат его изыскания. Они расширят и уточнят наши знания о происхождении и развитии тюркского этноса.

Р. А. Гусейнов

*
*

Исследование любой этнической общности, большой или малой, как известно, требует изучения материальной и духовной культуры, антропологических особенностей и языковых данных.

Изучение материальной культуры в историческом аспекте всегда сталкивается с загадками археологической науки. Д. Е. Еремеев сознательно обходит данные археологии о культуре турок в период их начального проникновения на Кавказ, в Иран и Ана-

толию. По его словам, «широко привлекать археологический материал не имело смысла: он относится к гораздо более ранним историческим периодам, завершившимся задолго до появления первых турок в Малой Азии, и служит источником для анализа этногенеза не турок, а древних малоазийских народов...» (стр. 5). По нашему мнению, выявление тюркского археологического материала пролило бы свет на процесс раннего проникновения турок в Анатолию и сопредельные

¹ См.: *Э. Дамирчизадэ*. Азербайжан дилинде огуз-кыпчак элементлери. — «Труды Института языка», 1947, т. I, стр. 3—14.

² Процесс языковой тюркизации Малой Азии и некоторых других переднеазиатских регионов в значительной степени приходится на XI—XII вв. и связан с деятельностью тех тюркоязычных племен (огузских и некоторых других), которые под руководством династии так называемых великих султанов Сельджукидов участвовали в завоевательном и миграционном движении с востока на запад.

³ См.: «История Туркменской ССР», т. I, Ашхабад, 1957, кн. I, стр. 15, 176—177; *В. В. Бартольд*. Сочинения, т. V, М., 1968, стр. 39—40, 45.

⁴ См., например: *M. Ulkusal*. Dobruca ve türkleri. Ankara, 1966; *P. Wittek*. La descendance chrétienne de la dynastie seldjouk en Makedonie. — «Echos d'Orient», 1934, № 176; *P. Mutařiev*. Die Angebliche Einwanderung von Seldschuk-Türken in die Dobrudscha im XIII. Jahrhundert. Sofia, 1943.

⁵ Р. А. Гусейнов. Сельджукская военная организация. — «Палестинский сборник», 1967, вып. 17 (80).

⁶ *В. А. Гордлевский*. Избранные сочинения, т. I, М., 1960, стр. 197 и сл.; см. также: *В. В. Бартольд*. Указ. раб., стр. 119—120; *C. Cahen*. La première pénétration turque en Asie Mineure. — «Byzantion», 1948, t. XVIII, стр. 66—67; *его же*. Notes sur l'histoire des Croisades et de l'Orient latin. — «Bulletin de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg», 1950, t. 2, стр. 122; *его же*. Pre-Ottoman Turkey. London, 1968, стр. 202; Всеобщая история Вардана Великого. М., 1861, стр. 129—130, 134; *Киракос Гандзакец*. История. Баку, 1946, стр. 58; Chronique de Michel le Syrien. Paris, t. IV, 1910, стр. 725—726, 728—729.

⁷ Chronique de Michel, стр. 578; Rahat-üs-Sudur va Ayet-üs-Sürur, yazan Muhammed b. Ali b. Süleyman er-Ravendi. Ankara, 1957—1960, стр. 117.

страны. Тем более, что данные археологии, как известно, связаны и с антропологическим материалом.

Согласно автору, тюрки проникали в Анатолию в период раннего средневековья. Так, в III—IV вв., соседствуя с народами «Малой Азии, Кавказа и Балкан, они проникали в эти области все более активно» (53). К этому вопросу Д. Е. Еремеев возвращается несколько раз: «первоначальное проникновение тюркских элементов в Малую Азию, а также на Балканы началось в конце IV в. ...» (53); «до массового переселения на ее территорию (Малой Азии. — К. А.) тюркских племен, которые, начав заселять Анатолию с XI в., встретили там древнее население...» (52); «проникновение тюркских элементов на территорию современной Турции происходило задолго до XI в.» (53); «проникновение тюркских элементов на территорию современной Турции началось задолго до сельджукского завоевания, в VIII—X вв.» (72).

Таким образом, в книге отсутствуют четкие сведения о первоначальном заселении Анатолии тюрками (в III, IV, VIII—X или XI веках?). По-видимому, этот вопрос требует уточнения и проведения дальнейших исследований.

Многие ученые полагают, что гунны были тюркоязычны. Их родиной и родиной всех тюрков считают Монголию, откуда и началось их продвижение на соседние территории. По В. Алексею, «волна этого движения в лице гуннов докатилась до Западной Европы. А затем началось: передвижения, переселения по всей Евразии и монгольское нашествие на Русь Батгя. Так некогда единый тюркский мир Центральной Азии расчленился на отдельные очаги, на группы родственных народов»¹. Д. Е. Еремеев, по-видимому, также считает гуннов тюркоязычными и относит их появление на исторической арене ко времени Хосрова I (217—238 гг.).

Однако известно свидетельство Дионисия Периегета (I—II вв.)² о пребывании гуннов на берегу Каспия. Обязательно ли связывать первое появление в Анатолии кочевых племен с гуннами? Известно, например, что еще до гуннов на территорию и Анатолию, и Азербайджана совершали набеги скотоводческие племена. Уже в начале I тыс. до н. э. на древний Восток обрушились кочевники, сея смерть и разорение. Ассирийцы в этой связи упоминают этнонимы *manda*, *g'imigga*, *iškuza*. Два последних были известны и древним грекам как *киммеры* и *скифы*. Гимирра двигались на юг, преимущественно через Дарьяльское ущелье, а, может быть, и по побережью Черного моря. Ишкуза же шли по побережью Каспийского моря, очень удобному для одновременного продвижения многочисленных кочевых племен. В результате этих передвижений на территории восточной Малой Азии и западного Ирана должна была сосредоточиться большая масса nomадов. И, действительно, ассирийцам была известна страна Гамирра. В одном из

донесений того времени уточняется местопребывание пришельцев. Так, например, сообщается, что киммерийцы вышли из страны маншеев и вступили в Урарту³.

Продвижение новой волны кочевников связано с *саками*. Страбон сообщает, что «саки совершали набеги подобно киммерам и трерам: одни набеги были дальние, другие же — на близкое расстояние. Так они захватили Бактриану и завладели лучшей землей в Армении, которой они оставили название от своего имени — Сакасена; они дошли вплоть до страны каппадокийцев...»⁴.

Плацидармом для *manda*, *g'imigga*, *iškuza*, *saka* служила территория, простирающаяся от северо-восточной Анатолии вплоть до юго-восточной Кавказа, включая бассейн озера Урмия, где была расположена Манна. Таким образом, пришлое население закреплялось в восточной Анатолии и Азербайджане. Все это ускорило разрушение могущественных держав — Ассирии, Урарту, Вавилонии. В этот период стирались не только политические, но и этнические границы. Поэтому к дотюркскому субстрату, наряду с другими аборигенами Анатолии, следует отнести и дотюркских кочевников. Предшественники тюрков двигались в основном теми же путями, которыми через несколько веков шли сами тюрки, и в силу специфики скотоводческого хозяйства занимали вначале, главным образом, те же территории.

Согласно источникам, с последних веков предшествовавших нашей эре, и вплоть до раннего средневековья кочевое население продолжало занимать бассейн Куры (по Страбону)⁵ и Аракса (по Плутарху)⁶.

Чтобы уточнить этническую принадлежность этого населения, обратимся к синхронным географическим и этническим названиям. Еще Птолемей (II в.) отмечает на территории Азербайджана топоним *Гангара* (*Γαγγάρα*)⁷. *Kangar* — тюркский этноним, известный и в раннее средневековье, и в наши дни. Античные писатели отмечают в Албании города *Кабалу* (*Χαβαλα*), *Нигу* (*Νίγα*) и *Самехию* (*Καμεία, Σαμεία*)⁸. Эти названия непосредственно связаны с современными топонимами *Gäbälä*, *Nuxa*, *Samaxa* на территории Азербайджана и этнонимами *капал*, *нука* и *шамак* на территории Туркмении. Один из казахских родов также носит название *šomek'ej*.

Общезвестно, что античные авторы юго-восточный Кавказ именовали *Албанией*, а население этой страны — албанами. Ими же упоминаются и племена *гангаров*. Если продолжить аналогии с современными этнонимами Средней Азии, то окажется: одно из племенных подразделений *эрсари* носит название *kangar*, а племенное ответвление *сакаров*, так же, как и одно из племен казахов в Семиречье, называется *alban*. Древнеармянские историки наравне с прочими топонимами и гидронимами отмечали названия *Coга*, *Terter*, *Xalxal*. Эти названия аналогичны соответствующим этнонимам на территории Туркмении⁹. Ряд современных

топонимов Азербайджана также перекликается с некоторыми названиями, бытующими в Средней Азии. Так, например, топонимы

Jalama, Kov'ar, Zag'ir, Kazax, Duvanly и другие представляют собой наименования родовых подразделений *салоров, эрсари, сакаров, ата* и других племен, обитавших в Туркмении, Узбекистане, Казахстане и на других территориях. То же самое можно сказать о гидрониме *Гапух* (азербайджанское название реки Алазань): одно из ответвленной *эрсари* носит название *ханых*.

Таким образом, уточняя этническую принадлежность пришлого населения, либо следует согласиться с тем, что носители указанных среднеазиатских этнонимов не являются тюрками, либо же признать, что упомянутые выше и некоторые другие географические и этнические названия древней Кавказской Албании восходят к тюркам. Все это позволяет высказать предположение, что задолго до массового гуннского нашествия территория древнего Азербайджана, а, может быть, и восточной Анатолии, уже была населена кочевниками, являвшимися, наряду с другими аборигенами, одним из субстратов для тюркских племен раннего средневековья более позднего времени.

Несколько слов об антропологических особенностях. Автор пишет, что у юрюков существует «обычай бинтования головы младенца, что приводит к искусственной деформации черепа, удлинению его затылочной части, т. е. долихоцефалии» (225). Обратимся к сравнительному материалу. Как известно, искусственная деформация черепа зарегистрирована в катакомбных погребениях не только на территории Азербайджана, но также к западу и востоку от Каспия. Причем, в северном Прикаспии катакомбы появляются в IV—III вв. до н. э., то есть на четыреста лет раньше, чем в Кавказской Албании¹⁰. Об искусственной деформации черепа нам известно и из письменных источников. Так, Страбон отмечает, что некоторые «племена, говорят, стараются так сделать, чтобы головы выглядели как можно длиннее и чтобы лбы выдавались вперед над подбородком»¹¹. И археологический материал, и письменные источники показывают, что искусственная деформация черепов у юрюков, по-видимому, генетически восходит к более древним племенным объединениям.

Нельзя не согласиться с автором, что «язык как основной этнический показатель ярко отражает особенности этногенеза...» (226). Это прослеживается на лексике, морфологии, синтаксисе и фонетике многих современных тюркских языков. Тюркские слова отличаются неизменностью корня-основы и стабильностью основных значений на протяжении длительного времени. Автор придерживается мнения, что «в лексике турецкого языка большинство словарного фонда — тюркское» (228). Он приводит список слов, свидетельствующих о том, что тюркский пласт в турецком языке является основным. Между тем термины родства в этом списке

упоминаются вскользь, в то время как в большинстве тюркских языков таких терминов насчитывается около трех десятков. К ним относятся: *ata* 'отец', *ana* 'мать', *oyul* 'сын', *gyz* 'дочь', *ag* 'муж', *guda* 'кум, сват', *gajup* 'родственник по браку' и т. д. Большая часть этих терминов зафиксирована в древнетюркских памятниках. Из терминов, обозначающих дальние степени родства, можно упомянуть *jezpa* 'зять' и *jeng'a* 'жена старшего брата или дяди'. В азербайджанском употребляются и такие термины родства, как *daju* 'дядя по матери', *basu* 'сестра', *baldyz* 'сестра жены или мужа', *pavay* 'внук или внучка', *ami* 'дядя по отцу', *k'ubä-k'ap* 'муж дочери' и т. д. Интересную лексико-семантическую группу тюркских слов составляют наименования домашних и диких животных и птиц. К ним относятся: *at* 'лошадь', *eššak* 'осел', *ök'üz* 'бык', *gurd* 'волк', *gaz* 'гусь', *ördäk* 'утка', *syug'sup* 'скворец' и т. д. Огромное большинство терминов родства и названий животных и птиц являются тюркскими. Они непосредственно восходят к носителям тюркского языка и, безусловно, проливают свет на вопросы этногенеза, а наименования животных и птиц могут быть использованы для установления территории первоначального расселения тюрков. Особое место в тюркских языках занимают глаголы чувственного восприятия. К ним относятся *sez-* 'чувствовать, ощущать', *g'ög-* 'видеть' и т. д. Некоторые из них находят аналогии за пределами тюркских языков. Так, например, *sez-* параллельно монгольскому *sege-* 'бодрствовать, чувствовать', финскому *herätä-* 'просыпаться', тунгусскому *segi-* 'будить' и т. д.¹² Все это также проливает свет на этногенетические особенности тюркских племен.

Автор правильно выделяет конкретные языковые субстраты, восходящие к дотюркскому населению Малой Азии. К ним относятся слова греческого происхождения. В азербайджанском языке также имеются подобные примеры: *k'örfaz* 'залив', *liman* 'порт', *g'übrä* 'удобрение', *k'ük'nar* 'ель', *bi-bär* 'перец', *k'ig'ämüt* 'черепаца', *furgyna* 'буря', *portayal* 'апельсин' и т. д. Автор относит к гречизмам *otuz* и *nippi*. Слово *otuz* 'плечи' стоит в одном ряду со словами, имеющими показатель двойственного числа -z. К ним относятся *diz* 'колени' и *g'öz* 'глаза'. Слово *nippi* равнозначно *päni* 'колыбель' и, видимо, не может быть объяснено «женским» влиянием, «которое шло скорее всего через гречанок» (234). То же самое можно сказать о словах *k'otan* 'плуг' и *pä-täk* 'улей, соты', бытующих по сей день у азербайджанцев. В турецком много иранских слов. Автор правильно подчеркивает, что тюрки принесли эти слова из Средней Азии, где они были в контакте с ираноязычными племенами. Но является ли это простым заимствованием лексики или здесь дает о себе знать дотюркский субстрат, вошедший в древности в состав тюрков? Известно, что язык сохраняет особенности прошлого. Так, выражение *gara jüz* имеет зна-

чение «слуга»¹³, а *yüzü kara* или *yüz karası* означает «бесчестие или позор»¹⁴. В одном из китайских источников отмечено, что к Шанью-юю Увей (время правления со 115 по 105 гг. до н. э.) посланника обещали впустить при условии, если он выкрасит «лицо себе тушью»¹⁵. Таким образом, физиономия, покрытая тушью, и есть *kara yüz*. К последнему и восходят и *yüzü kara* и *yüz karası*. Язык донес до нашего времени особенности обычая, восходящего к этнической истории тюрков.

То же самое относится и к выражению *kül başına* 'пепел на твою голову'. О пепле у древних тюрков упоминается в письменных источниках. Согласно Таншу, близкие родственники сжигают носильные вещи и животных, принадлежащих умершему, потом «собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу»¹⁶. Эти особенности также связаны с этногенезом и говорят о связях, уходящих корнями в далекое прошлое. И все это является бесценным материалом по этнической истории.

Некоторые особенности матеральной и духовной культуры явно указывают на различные этнические корни. Так, архитектура

(дома с *айванами*), празднование *Nowruz* *bağramı* (праздник весны) и многое другое восходят к иранскому миру. На связи, уходящие в далекое прошлое, указывает двенадцатидневный календарь, в котором названия года связаны с названиями животных (год собаки, год зайца, год скорпиона и т. д.). Об этом же свидетельствуют обычаи оставлять под подушкой спящего или больного железные ножницы, носить талисманы «от глаза», «от болезней» и т. д. Надо сказать, что обычай восприимчивости — *k'irvâlik'* имеет распространение и на территории Азербайджана. К сожалению, автор не затрагивает вопроса о музыкальных инструментах и ашугской музыке, получившие широкое распространение среди огузов и других тюрко-язычных племен, также характеризующих этнические особенности тюрков Анатолии.

Д. Е. Еремееву удалось собрать и обобщить большой и интересный материал, поэтому книга «Этногенез тюрков» является ценным трудом о происхождении турецкого народа и основных этапах его этнической истории.

К. Г. Алиев

¹ В. Алексеев. Предки тюркских народов. — «Наука и жизнь», 1971, № 5, стр. 33.

² В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1893, т. 1, вып. 1, стр. 186.

³ См.: И. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. — «Вестник древней истории», 1951, №№ 2—4; см. также: С. С. Черников. Загадка золотого кургана. М., 1965, стр. 82 и сл.

⁴ *Strabo*, XI, 8, 4.

⁵ *Strabo*, XI, 4, 5.

⁶ *Plut.*, Luc., 26.

⁷ *Ptol.*, VIII, 19, 7; В. В. Латышев. Указ. раб., стр. 247.

⁸ *Ptol.*, V, 11, 6; *Ptol.*, V, 11, 3; V, 11, 4; В. В. Латышев. Указ. раб., стр. 242—243; *Plin.*, VI, 29; В. В. Латышев. Указ. раб. СПб., 1904, стр. 181; см. также: Collection des auteurs latins avec la traduction en français, publiée sous la direction de M. Ni-

sard. Histoire naturelle de Plin. Paris, 1848, стр. 243.

⁹ См.: Кемал Алиев. Историческая топонимика. — «Известия АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права», 1969, № 4, стр. 121.

¹⁰ Кемал Алиев. К вопросу о племенах Кавказской Албании. М., 1964, стр. 5.

¹¹ *Strabo*, XI, 11, 8.

¹² Н. З. Гаджиева и др. Вопросы исторического развития тюркских языков. М., 1960, стр. 2 и сл.

¹³ Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 423.

¹⁴ Турецко-русский словарь. М., 1945, стр. 684.

¹⁵ Шици, 110; Цяньханышу, гл. 94а (см.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, ст. 68).

¹⁶ Таншу, гл. 215а и 215б; см.: Н. Я. Бичурин. Указ. раб., стр. 230.

A FOURTEENTH CENTURY TURKIC TRANSLATION OF SA'DĪ'S
 «GULISTAN» BY A. BODROGLIGETI, AKADÉMIAI KIADÓ,
 BUDAPEST, 1969

Единственный известный научному миру список рукописи первого тюркского перевода «Гулистана» Саади хранится в Университетской библиотеке в Лейдене (Cod. og. № 1553); этот список включен в каталог Дози (1 том, стр. 355).

Перевод осуществлен Сейфом Сарай, уроженцем столицы Золотой Орды — Сарая. Переводчик завершил свою работу 1-го шавваля 793 г. хиджры, то есть 1-го сентября 1391 г., и посвятил ее хаджиб-уль-худждабу Батхаш-беку.

А. Бодроглигети и турецкий филолог Феридуи Нафиз Узлук высказали предположение, что этот уникальный список является автографом. Однако А. Бодроглигети при этом отметил, что список имеет и такие особенности, которые противоречат этому предположению. К ним он относит, в частности, ряд орфографических ошибок, повторение фраз и некоторые другие неточности, допущенные, по-видимому, по вине переписчика. Турецкий ученый А. Караманлыоглу придерживается противоположной точки зрения и не считает данный список автографом.

Впервые об этом переводе «Гулистана» упомянул вскользь в 1894 г. М. Т. Хоутсма во вводной части своего исследования «Eintürkisch-arabisches Glossar». В 1903 г. венгерский тюрколог Жозеф Тури в работе «Török nyelvemlékek a XIV század végéig» дал, наряду с другими тюркоязычными письменными памятниками XIV века, краткую аннотированную характеристику и тюркского перевода «Гулистана». Работа Ж. Тури была переведена Рагибом Хулуси на турецкий язык и издана в 1915 году. Ф. Кёприлюзаде в I томе своего труда «Türk edebiyatı tarihi», изданном в 1926 г., отметил значение «Гулистана» Сейфа Сарай.

В 1954 г. в Анкаре Феридуи Нафизом Узлуком было издано факсимиле рукописи Сейфа Сарай с предосланным тексту предисловием. На это издание появилось несколько рецензий, в том числе на страницах журналов «Oriens» (Турхана Ганджен), «Rocznik Orientalistici» (А. А. Зайончковского) и «Acta Orientalia Hungaricae» (А. Бодроглигети).

В связи с выходом в свет факсимиле рукописи был опубликован ряд статей: Яноша Экмана, А. Баттала-Таймаса, Э. Н. Наджиша, А. Бодроглигети. В этих статьях анализируются лексика, фонетика и грамматика «Гулистана» Сейфа Сарай¹. И вот, наконец, в 1969 г. в Будапеште вышла рецензируемая фундаментальная работа А. Бодроглигети, талантливого венгерского тюрколога, знатка многих восточных и западноевропейских языков.

По нашему мнению, «Гулистан» не следует причислять к сугубо кыпчакским памятникам. Али Фахми Караманлыоглу, сопоставляя «Гулистан» с другими письменными источниками кыпчакского языка из Хорезма и Золотой Орды, отмечает, что, в отличие от последних, в конце дву- и многосложных слов в «Гулистане» *ç* и *g* нередко редуцируются, хотя иногда наряду с формами *азу, çerig, ulu, kutlu* встречаются и *азуу, çerig, uluу, kutluу*. Дательный падеж выражается формой *то* на *-a||-ä*, *то* на *-ya||-g'ä||-ka||-k'ä*. Исходный падеж наряду с *-dan||-dän* имеет также форму *-dän||-din*; причастие прошедшего времени в одних случаях принимает аффикс *-yan||-gän, -kan||-kän*, в других — *-müš||-miş, -müš||-müš*.

Все эти и аналогичные им факты позволяют заключить, что язык «Гулистана» относится к смешанному огузско-кыпчакскому типу. Это отмечается и в статье Абдулькадыра Ипана² и Яноша Экмана³.

Рецензируемая работа — плод многолетнего кропотливого труда А. Бодроглигети — состоит из «Введения» (стр. 7—36), текста «Гулистана» в транскрипции (37—188) и глоссария (189—450). Во вводной части автор отмечает, что в «Гулистане» Сейфа Сарай нашел отражение основной этап в развитии языка и литературы тюрков.

Здесь же дается краткая характеристика состояния тюркских языков в XIV в. Автор подчеркивает, что «Гулистан» представлял собой наиболее значительное явление в литературной жизни Мамлюкского королевства. Язык памятника — это отшлифованный литературный язык XIV века, воплощавший в себе не только локальные элементы, но и древнеанатолийские черты (стр. 8).

В транскрибированном тексте пропущены страницы *1v* и *1r*. Во вводной же части говорится, что на странице *1r* имеются два четверостишия, посвященные правителю Султану Ахмеду, переехавшему в Египет в 1393 г. Автор отмечает, что на левой стороне той же страницы имеется *qita*, в которой Сейф Сарай сравнивается с Захируддином Фаряби и Фирдоуси. А. Бодроглигети приводит *qita* в транскрипции, сопроводив английским переводом. Побутно отметим, что вторая строка автором переведена неточно: *Sifâtin aymaуa bilmäу yüräkdän aqturur qanî* — He makes blood flow from the heart of those who can not express his qualities 'Он заставляет истекать кровью сердца тех, кто не может выразить его качества'. Было бы правильнее перевести строку так: 'Я не могу говорить о его качестве, он заставляет сердце истекать кровью'.

А. Бодроглигети подробно описывает рукопись, состоящую из 186 листов. На странице *1r* помещен ряд поэтических фрагментов на персидском и тюркском языках. Страницы *1v—178v* содержат перевод «Гулистана» Саади. Сопоставляя перевод с оригиналом, А. Бодроглигети приходит к выво-

ду, что «Гулистан» Сейфа Сарая не является ни дословным переводом «Гулистана» Саади, ни подражанием ему. Сохранив основную композицию «Гулистана» Саади, Сейф Сарая свободно переложил его текст. Отступления от структуры «Гулистана» можно обнаружить лишь во вводной части и в конце перевода. На странице 2г шесть начальных строк, написанных на арабском языке, посвящены Батхаш-беку. На страницах 5с—6г излагаются причины, побудившие Сейфа Сарая приступить к переводу «Гулистана». В заключающей книгу двух *месневи* говорится о времени завершения перевода. Судя по введению, А. Бодроглигети сопоставил тексты перевода и оригинала и выявил все их сходные и отличительные особенности. Сравнивая лексику, а также риторические и поэтические средства выражения оригинала и перевода, А. Бодроглигети установил следующие особенности последнего:

1) персидские слова заменялись их соответствующими тюркскими эквивалентами;

2) персидские слова оставались неизменными (без перевода);

3) персидские слова заменялись другими персидскими же словами;

4) персидские простые глаголы передавались глагольной фразеологией, причем именной компонент выражался словом арабского происхождения;

5) персидские слова заменялись соответствующими арабскими словами;

6) арабские слова, встречающиеся в оригинале, при переводе заменялись соответствующими тюркскими эквивалентами;

7) арабские слова заменялись соответствующими персидскими словами.

Каждый из перечисленных семи пунктов проиллюстрирован достаточным количеством примеров из «Гулистана» Саади и перевода Сейфа Сарая.

Страницы 179в—186г содержат подборку стихотворений. Здесь приводятся газели Мавла Кады Мухсина, Мавланы Исхака, Мавланы Имада Мавлави, Ахмада Хаджа ас-Сарая, Абу-ль-Маджида, Тоглы Хаджа, Гасаноглу, автора «Мухаббат-наме» Хорезми, а также подражания им Сейфа Сарая и ряд его других стихотворений. На стр. 186г три персидских рубаи и одно стихотворение Хаджам переписаны другой рукой.

А. Бодроглигети отмечает, что на полях стр. 185в имеются два варианта одной народной песни, с трудом поддающиеся прочтению. Приведем в качестве примера лишь одну строку этой песни в транскрипции А. Бодроглигети: *ördäğimiz qas oldi, qaraq qizi!* А. Бодроглигети переводит эту строку так: *Our duck became a goose, woeful maid!* «Наша утка стала гусыней, скорбная девушка!»

В статье «A Turkish Folk Song from the Golden Horde», опубликованной в журнале «Acta Orientalia Hungaricae» (т. 15, 1962, стр. 23—30) неверно транскрибированное в рецензируемой книге слово *qaraq* 'скорбный' было прочитано А. Бодроглигети как

fiğang 'Европа, европейский', что, на наш взгляд, совершенно правильно. *Fiğang qizi*— это второй тип определительного словосочетания, где в качестве первого компонента выступает также имя существительное. Прочтение *qaraq qizi* мы считаем ошибочным, ибо в тюркских языках при сочетании имени существительного с именем прилагательным первое никогда не принимает аффикса принадлежности. Поскольку в данном случае выступает не *qiz*, а *qizi*, то не может быть никаких сомнений в том, что предыдущее слово должно быть прочитано *fiğang* 'европейская', а не *qaraq* 'скорбная'. На стр. 165 книги автор, на наш взгляд, неправильно транскрибирует выражение: *düştän alına aldatmaýil*, тогда как следовало бы транскрибировать: *düştän alına aldanmaýil*.

Слово *çibin* 'муха' автор читает на стр. 71

как *jâbin*, переводя его в глоссарии как «лоб». Следующее за ним слово *üšti* А. Бодроглигети читает как *üsti* и переводит в глоссарии *upper surface* 'поверхность', не обратив внимания на то, что данное слово рифмуется с *tüšti* и в сочетании с *çibin* должно быть прочитано как *çibin üšti* *досл.* 'стекались (слетались) мухи'⁴.

На стр. 184г слово *teğ* 'равный', 'подобный' неверно прочитано А. Бодроглигети как *teg*, тогда как *teğ*; будучи послелогом, может управлять только родительным падежом, а в тексте читаем *sağa teg* 'подобная тебе'. На той же странице в строке 11-й сло-

восочетание *köñüllär gänjinä* неточно транскрибировано автором как *köñüllär küpninä*, что может привести к неверному толкова-

нию всей строки, ибо вместо *gänj* 'сокровище' прочитано *künj* 'уголок'. На стр. 37г13 сочетание *Haqq ešigi* 'врата божьи' и на стр. 53г9 *bir — šährnin ešigindä* 'у врат одного града' автор транскрибировал соответственно *Haqq ešägi* 'божий осел' и *bir šährnin ešäginä* 'на осле одного города'.

На стр. 183г в строке *Sayı-i Sarâyini bu qaraq qında baýlasan* словоформа *qeydä* ошибочно прочитана А. Бодроглигети как *qında*. На стр. 182в в строке *ây-vay ne qildî közgä başımça bâla köñül* слово *körki* заменено А. Бодроглигети на *közgä*. Предложение *elindä bir qadah šakkär šärbäti bilän qar qarışır* (глоссарий, стр. 344) в тексте представлено как *elindä bir qadah sükkär šärbäti qar bilän qarışır* (122г7). Здесь верным является последний вариант.

На стр. 354 в глоссарии *qıy-* подается как переходный глагол «наступать», «нападать» («to attack»), в то время как в «Гулистане» он выступает непереходным глаголом со значением «не жалеть».

На стр. 438 глагол *yätäl-* переводится как «достигать» («to reach»). Нам же кажется, что здесь основа *yät-* сочетается с аффиксом *-äl-*, выражающим модальное значение возможности. Поясним примером: *küçñ bizgä*

yätär, Naqqa yätälmäs (37v13) 'Ты силой одолеешь нас, (но) Бога не сможешь одолеть'. Слово уаг- в глоссарии переведено как «расщеплять» («to split»). Следует отметить, что этот глагол в письменных памятниках нередко выступает в значении «грешить», «ошибаться». Глагол уаг-, как и глагол уаз- в сочетании с qil имеет значение «чуть-чуть промахнуться». Ср.: ol äg kim oq atıban qil уага pişan uğaу (149v5), 'тот муж, который, чуть промахивается стреляя из лука в цель'. В связи с этим нам кажется неправильным включение в одну и ту же словарную статью двух омонимичных по значению глаголов. Именно поэтому А. Бодроглигети неправ, когда на стр. 432 сочетание qil уаг- переводит как «делить на части волосы» («to split hairs»), а qil уага—«точно» («precisely»).

Следует отметить, что глагол tüş- в сочетании с деепричастной формой на -a||-ä основного глагола в письменных памятниках огузской группы тюркских языков употребляется в функции вспомогательного глагола и выражает инхоатив. С аналогичным случаем встречаемся и в переводном тексте «Гулистана»: işitkänlär seskänä tüşär idi 'слышавшие стали вздрагивать'. К сожалению, в глоссарии А. Бодроглигети данное значение глагола tüş- не зафиксировано. Нег в словарной статье tüş- также устойчивых глагольных сочетаний közdin tüşür- (182v6) 'уронить в глаза', köz tüş- (182v6) 'замечать', аyaqdan tüş- (27r3) 'уствовать', 'валиться с ног'.

На стр. 164v1 в строке ne qattı bol kim, el sändän üşändäу глагол üşän- употребляется в значении «бояться». Это значение глагола üşän- не представлено в глоссарии А. Бодроглигети, которым приводится только одно из значений этого омонимичного глагола «ломаться» («to break»), трудно-объяснимое в данном контексте.

В глоссарии на стр. 407 приводится глагол turuşur- (?) со значением «сохранять» («to keep, preserve»), и тут же в качестве примера дается целое предложение: uşaq taşlar turuşurur. Однако, это же предложение в самом тексте на стр. 171v3 транскрибировано uşaq taşlar turşurur (?). Мы склонны думать, что в самой рукописи употреблен глагол tövşür- 'собирать' и предложение поэтому должно читаться: uşaq taşlar tövşürür 'ребенок собирает камни'.

На стр. 53r9 деепричастие қоуур ошибочно передано как окур, а на стр. 179r6 вместо mat efär дана транскрипция mat atar.

По подсчетам Али Фехми Караманлыоглу, в «Гулистане» имеется около трех тысяч лексических единиц, из которых 1000 относятся к исконно тюркской лексике, 1500 — к арабской и более 400 — к персидской. Все встречающиеся в «Гулистане» слова, независимо от их происхождения, А. Бодроглигети включил в свой глоссарий. О структуре последнего подробно говорится на стр. 31—33 рецензируемой книги. В глоссарий сначала включаются чистые основы или корни

слов с переводом на английский язык. Часто автор приводит в скобках и их персидские эквиваленты из оригинального текста «Гулистана» Саади. Затем даются различные грамматические формы данного слова, зафиксированные в тексте, с указанием страницы и строки рукописи (иногда приводятся также примеры, показывающие лексическое окружение, в котором употребляется рассматриваемая форма слова). Далее следуют фразеологические сочетания, в составе которых выступает заглавное слово. В самом конце словарной статьи указывается, в каком значении употреблялось данное слово в других глоссариях и письменных источниках. Для наглядности приведем одну из словарных статей (все русские переводы данной словарной статьи принадлежат нам):

- aç- vt (переходный глагол) 1. «to open» — «открывать»; 2. «to reveal (a secret, etc.)» — «раскрывать (тайну и т. п.)»; 3. «to uncover (the head, etc.)» — «обнажать (голову и т. п.)»
 — 60 r 11 [biguşây]; (közün a. oqına qarşı oturdur) 35 r 5; (közün, a. «look at» — Следовало бы перевести: «open your eyes» — «открой глаза») 172 r 1 [bibin]
 — qıl:21 r 4
 — ma:(ädämi 'aybini körüp a.) 167 v 12 [payda makun ~ äşkär makun]
 — mayıl:(xalqın kizli 'aybin a.) 162 r 9 [dar miyän manih]
 — ar:(bu gülistan dâ'imâ köñül a.) 6 v 1; (közsüzlär közün a. idi) 79 v 5 [gaurşan kard]
 — tî: 6 v 5, 106 r 2 [guşud ~ guşây]; (mahfil içinda oturup da'vâgâ turup şikâyât dâftärin a.) 151 r 2 [bâz kardâ]
 — qay: 19 v 7 cf. — сравни: [boşa-]
 — ip: 3 v 5, 40 v 3 [bâz kunad]; (kârâmelin a. saxâ dâdin berdi) 30 r 7 [bar guşad]; y (kârâmgâ ellärin a. tuturlar) 159 r 3 [guşada ~ dar dâda; (tama' âtägin a. oturur) 165 v 13 [guşâda]
 — iban: 22 r 8 [bâz kard, cf. — сравни: yap-]
 — qan: 22 r 7
 ayb aç- «to disclose one's failure» — «обнажать чей-либо порок» (167 v 8)
 baş aç- «to uncover the head» — «обнажать голову» (135 r 7)
 eşik aç- «to open the door» — «открыть дверь» (60 r 11)
 köñül aç- «to brighten up» — «улучшать». Следовало бы перевести: «to rejoice the heart» — «радовать сердце» (6 v 1)
 göz aç- «to reveal a secret» — «раскрыть тайну» (162 r 9)
 söz aç- «to begin to speak (of)» — «начать говорить» (29 v 3)
 Old T. || Древнетюркское aç- «öffnen» — «открывать» (ATG 292 a); Kaşy. aç- «öffnen» — «открывать» (Brock. 2);

Сум. ас- «öiflen» — «открывать» (Grönb. 27).

Из 450 стр. книги глоссарию отведено 260 страниц, набранных петитом в два столбца.

Автор настоящей рецензии расходится с А. Бодроглигети во взглядах на принципы транскрибированной передачи ряда исконно тюркских слов, данных в арабской графике. Нет, например, как нам кажется, никакой необходимости слова типа *äl* 'рука', *äg* 'мужчина', *key-* 'одеваться', *käl-* 'прийти', *quvar-* 'согнуть', *bügrül-* 'согнуться' в транскрибированном тексте давать в двух фонетических вариантах: *äl||el*, *äg||eg*, *key-||käy-*, *käl-||kel-*, *quvar-||qovar-*, *bügrül-||bögrül-*, как это делает А. Бодроглигети.

Несмотря на указанные частные недочеты, нам кажется, что книга А. Бодроглигети

стоит в одном ряду с известными трудами С. Е. Малова, посвященными исследованию памятников древнетюркской письменности. Еще долгие годы она будет настольной книгой тюркологов, посвятивших себя изучению истории кипчакских и огузских языков, составлению этимологических и исторических словарей тюркских языков, исследованию истории развития тюркских литературных языков, истории тюркоязычных литератур и т. д.

Хочется верить, что новая работа А. Бодроглигети о другом тюркоязычном памятнике «*Mi'ṭnu'l-tugid*», критический текст и глоссарий которого уже подготовлены им к печати, будет отличаться теми же высокими достоинствами, что и рецензируемая книга.

В. И. Асланов

¹ Зеки Велиди Тоган в 1960 г. в третьем номере «*İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi*» в статье «*Londra ve Tahrandaki İslamî Yazmaların Bazılarında Dağıtım*» сообщает, что им обнаружен второй вариант перевода «Гулистана» Саади. Последний перевод осуществлен через семь лет после перевода Сейфа Сараи, то есть в 1398 г. Он хранится в Британском музее и почему-то не вошел в известный каталог Шарля Рье. Перевод принадлежит некоему Сибиджаби, выходцу из Сайрама, и посвящен Туркестанскому наместнику (вали), внуку Тимура (сыну Мираншаха) Мухаммеду Султану. По мнению З. В. Тогана, это самый древний письменный памятник чагатайского языка. Находясь в Лондоне в 1966 г. и 1967 г., тюрколог Янош Экман ознакомился с этим переводом и выступил в 1968 г. в Турецком ежегоднике «*Türk Dili Araştırmaları Yılığ*» со статьей «*Sadi Gülistan'ının bilinmeyen çağatayca bir çevirisi*»,

в которую включил ряд отрывков из памятника.

² *Abdülkadir İnan*. XIII—XV Yüzyıllarda Mısır'da Oğuz-Türkmen ve Kıpçak Lehçeleri ve «*Halis Türkçe*». — «*Türk Dili Araştırmaları Yılığ*». Ankara, 1953, стр. 53—72.

³ *János Eckmann*. Memluk Kıpçakçasının Oğuzlaşmasına Dağıtım. — «*Türk Dili Araştırmaları Yılığ*». Ankara, 1964, стр. 35—41.

⁴ «Гулистан» Сейфа Сараи является одним из основных источников, легших в основу трехтомного словаря Э. И. Фазылова «Староузбекский язык». Строка, которая у А. Бодроглигети передана в форме *kim aña it tikib jābīn ūstī* у Э. И. Фазылова представлена как *ким аңа ит тегиб, чибин ушты* с переводом: «ибо её пила собака и (сидела там) муха» (II т., 1971, стр. 516). Более точный перевод этой строки должен выглядеть так: «к которой прикасалась собака и стекались (слетались) мухи».

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВЫЕЗДНАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ СЕССИЯ СЕКЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СССР, ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС И АКАДЕМИЙ НАУК РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

С 9 по 11 февраля 1972 г. в Ташкенте проходила Выездная объединенная сессия Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и академий наук республик Средней Азии и Казахстана.

В работе сессии приняли участие ученые Алма-Аты, Ашхабада, Душанбе, Ленинграда, Москвы, Ташкента, Фрунзе.

На открытии сессии с приветственной речью выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидов.

На пленарном заседании сессии были заслушаны доклады: вице-президента АН СССР П. Н. Федосеева «XXIV съезд КПСС и задачи развития общественных наук в новой пятилетке», вице-президента АН Узбекской ССР И. М. Мулинова «Состояние и перспективы развития гуманитарных наук в Узбекистане в свете решений XXIV съезда КПСС», вице-президента АН Казахской ССР А. Н. Нусупбекова «Основные направления развития общественных наук в Академии наук Казахской ССР в свете решений XXIV съезда КПСС», президента АН Киргизской ССР К. К. Каракеева «Состояние и перспективы развития гуманитарных наук в Киргизии в свете решений XXIV съезда КПСС», президента АН Таджикской ССР М. С. Асимова «Состояние и перспективы развития гуманитарных наук в Таджикистане в свете решений XXIV съезда КПСС», академика-секретаря Отделения общественных наук АН Туркменской ССР А. С. Сапарова «О состоянии и перспективах развития общественных наук в Туркмении в свете решений XXIV съезда КПСС», академика-секретаря Отделения экономики АН СССР Н. П. Федоренко «Вопросы совершенствования, планирования и управления народным хозяйством в свете решений XXIV съезда КПСС»¹.

П. Н. Федосеев (Москва) остановился на задачах, стоящих перед деятелями общественных наук — философами, историками, этнографами, литературоведами, языковедами, экономистами и другими специалистами. В области лингвистики, по мнению докладчика, актуальными задачами являются следующие: выявление роли и значения русского языка в многонациональном советском обществе, взаимодействие различных национальных языков с русским и между собой, изучение русского языка в национальных школах, взаимодействие и взаимовлияние национальных советских и русской советской литератур.

Доклад И. М. Мулинова (Ташкент) был посвящен обзору достижений филологов Узбекистана. Он упомянул об издании полного собрания сочинений Алишера Навои (пятнадцатитомник на узбекском и десяти томник на русском языке), «Дивана» Махмуда Кашгари, первого тома «Большой узбекской советской энциклопедии» и др. К печати подготовлены орфографический и толковый словари узбекского языка. Докладчик указал на необходимость организации подготовки в Узбекистане специалистов по каллиграфии, графике и эпиграфии.

В своем докладе А. Н. Нусупбеков (Алма-Ата) сообщил, что филологами Казахстана изучаются проблемы социалистического реализма, национальное и интернациональное в литературе, исследуются древние памятники, ведется подготовка к составлению диалектологического атласа тюркских языков. Большое внимание казахскими учеными уделяется сбору и исследованию фольклорного материала; создается десяти томный толковый словарь казахского языка.

К. К. Каракеев (Фрунзе) в своем выступлении указал, что киргизские филологи уделяют много внимания процессам взаимовлияния и взаимообогащения литератур братских народов. Изучается, в частности, взаимовлияние киргизской и узбекской литератур. Лингвистами республики исследу-

¹ Ниже приводится краткое изложение выступлений и высказываний, посвященных вопросам филологии.

ются проблемы древнейших монголо-тюркских языковых связей и вопросы формирования киргизского национального языка (XV—XX вв.).

Работа сессии проходила по пяти секциям: философии, права, экономики, истории, филологии.

На секции филологии было заслушано 15 докладов.

Первым на секции выступил член-корреспондент АН СССР А. Н. Кононов (Ленинград), сделавший доклад на тему «Советская тюркология на современном этапе (итоги и проблемы)» (Изложение доклада приводится ниже).

Г. А. Абдурахманов (Ташкент), выступивший с докладом «Актуальные проблемы советской тюркологии», отметил улучшение дела подготовки тюркологов в национальных республиках и областях Советского Союза. В союзных республиках функционируют языковедческие научно-исследовательские институты. Во всех педагогических институтах и университетах существуют кафедры национальных языков.

Однако есть еще много нерешенных проблем, разработка которых требует совместных усилий советских тюркологов. Дальнейшему успешному развитию тюркологии во многом способствовали бы, по мнению докладчика, более регулярное проведение совещаний, конференций, симпозиумов, эффективная координация научно-исследовательских работ, создание всесоюзного тюркологического общества.

В. Н. Ярцева (Москва) в докладе «Актуальные вопросы теоретического языкознания» говорила о трех комплексах вопросов, стоящих в центре внимания не только советской, но и мировой лингвистики. Это прежде всего вопросы природы и сущности языка, связи языка и мышления, связи языка и действительности, соотношения формы и содержания в языке.

В. Н. Ярцева остановилась на природе языка как знаковой системы. Понятие знаковости гораздо шире того, что наблюдается нами в языке, поэтому проблемы семиотики имеют, с ее точки зрения, лишь косвенное отношение к языкознанию.

Изучение языка в его связи с обществом для языковедов многих стран мира в настоящий момент является проблемой первостепенной важности. Возникло новое направление в языкознании, получившее название «социолингвистика». В зарубежном языкознании появился заимствованный у биологов термин «экология» (отношение живого существа к среде). В области разрешения проблем связи языка и общества приоритет советской науки бесспорен, так как отдельные аспекты этих проблем давно уже изучаются нашими учеными на базе различных национальных языков Советского Союза.

Второй комплекс вопросов В. Н. Ярцева связывает с развитием и формированием ли-

тературных языков. В советском языкознании исследование проблем литературного языка основано на марксистской концепции образования национальных языков в связи с формированием наций. Поэтому во многих работах уже давно ставились вопросы о соотношении понятий «национальный язык» и «литературный язык», о роли диалектов в формировании языков, о развитии языковых норм и условиях их стабилизации. Пора приступить к изучению стилового и функционального разнообразия различных языков Советского Союза на основе конкретного исследования проблем функциональной и социальной лингвистики.

В третий комплекс В. Н. Ярцева выделяет вопросы типологии и типологического исследования языков. Сопоставление языков в зарубежном языкознании чаще всего основывается на теории универсалий, то есть на явлениях, якобы общих для всех языков мира. Проблема типологического изучения языков всегда так или иначе связана с проблемой их классификации. Поэтому важно выяснить существенные характеристики языка, его главные особенности, которые, будучи типичными для многих, являются базовыми для того или иного отдельного языка.

Конкретно-типологическое исследование может помочь определить общие, характеризующие языки мира, универсальные категории, на основе которых могут быть созданы более удачные классификации. Подобные работы быстрее и легче осуществляются в области грамматики. Но такого рода типологические сопоставления могут быть проведены и в области лексики, хотя задача эта весьма трудоемкая.

Если грамматист при изучении типов языков не может игнорировать контекст, в котором употребляется та или иная грамматическая форма, то лексиколог при сопоставлении слов различных языков не должен игнорировать семантический ряд, включающий то или иное слово в каждом из языков.

С. К. Кенесбаев (Алма-Ата), выступивший с докладом «Некоторые вопросы развития общественных наук в свете решений XXIV съезда КПСС», в частности, подчеркнул, что задачей неотложной важности является подготовка арабистов, иранистов, алтаистов. Ибо без таких специалистов литература, изданная на основе арабской графики и написанная арабским шрифтом, остается для молодых ученых недоступной.

Важным принципиальным вопросом является вопрос о двуязычии в нашей стране. По этому поводу существуют различные суждения не только теоретико-лингвистического, но и идейно-политического характера. Этот вопрос должен быть тщательно изучен лингвистами.

Советская тюркология находится на подъеме. За последние пять лет в области тюркологии сделано очень много. В настоящее время перед тюркологами стоит ряд научно-теоретических и организационных вопросов, требующих своего разрешения. Для этого должны быть использованы самые различ-

ные методы (сравнительно-исторический, исторический, структуральный и др.). Языковые явления должны изучаться путем сопоставления как структурно близких, так и структурно отдаленных языков. Назрела необходимость вплотную заняться разработкой проблем алтанстики.

Во многих исследованиях до сих пор доминировал описательный метод. Не отвергая его, особенно в применении к прикладной лингвистике, целесообразно усилить исторические и историко-теоретические исследования.

С. К. Кенесбаевым вносится предложение организовать специальный научный совет (или научные советы, если иметь в виду союзные республики) по вопросам тюркологии, алтанстики и востоковедения. Необходимо созвать Второй Всесоюзный съезд тюркологов, периодически проводить научные конференции по вопросам развития востоковедения в целом и тюркологии в частности.

Ряд докладов был посвящен развитию филологии в отдельных союзных республиках, а также деятельности некоторых языковедческих институтов.

В докладе *Ш. Ш. Шаабдурахманова* (Ташкент) «Важнейшие проблемы развития узбекской филологии» говорилось, что изучение закономерностей развития языков и литератур — одна из основных проблем советской филологической науки. В этом аспекте всестороннее изучение закономерностей развития узбекского национального (как и литературного) языка и диалектов, а также узбекской литературы в связи с развитием узбекской социалистической нации, приобретает первостепенную важность как в научно-теоретическом, так и в практическом отношении.

Узбекскими учеными много сделано в области исследования дореволюционной и советской узбекской литературы. Вышла в свет многотомная хрестоматия дореволюционной узбекской литературы, изданы собрания сочинений Алишера Навои, монографии о творчестве отдельных представителей классической литературы и т. д.

За годы Советской власти узбекский язык достиг высокого развития, став нормированным литературным языком узбекской социалистической нации. И все же дальнейшая нормализация узбекского языка, особенно стабилизация его лексического состава, упорядочение орфографии и орфоэпии — проблемы, требующие дальнейшей разработки. Важнейшей задачей является также создание научной грамматики узбекского языка.

В настоящее время ведется всестороннее изучение грамматического строя и словарного состава узбекского языка. Значительная работа проделана и в области лексикографии. Готовятся терминологические и двуязычные словари различных типов, большой коллектив языковедов работает над толковым словарем узбекского языка, ве-

дется также подготовка к составлению атласа узбекских говоров.

В докладе «Состояние и перспективы развития филологической науки в Киргизии», с которым выступил *А. Т. Турсунов* (Фрунзе), говорилось о деятельности Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР. Институтом изучались закономерности развития советской литературы, народное устное поэтическое творчество, история, формирование и развитие киргизского литературного языка, диалектология, лексикография и лексикология. В 1971 г. завершено составление «Фразеологического словаря киргизского литературного языка». В течение 1966—1970 гг. институтом были опубликованы 52 работы общим объемом свыше 500 п. л., заявил докладчик.

При определении основных направлений и задач научных исследований особое внимание уделялось подготовке обобщающих трудов, раскрывающих закономерности формирования и развития киргизской литературы и киргизского литературного языка, в том числе научной грамматики киргизского литературного языка.

Планируется изучение основных проблем синтаксиса простого и сложного предложений киргизского литературного языка, вопросов синонимии и антонимии, многозначности слов, подготовка «Атласа киргизских говоров», двухтомного толкового и фразеологического словарей киргизского языка, истории общенародного киргизского языка и т. д. Впервые планируются исследования по прикладной лингвистике, в частности по изучению языкового строя современного киргизского языка.

В области киргизского литературоведения намечаются исследования, посвященные идейно-художественному опыту советской литературы и народному устно-поэтическому творчеству.

Институт по-прежнему уделяет значительное внимание изучению проблемы взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур, в частности киргизского и казахского фольклора. Намечается изучение идейно-художественных особенностей отдельных вариантов героического эпоса «Манас», публикация ряда произведений киргизского фольклора.

Б. Ч. Чарьяров (Ашхабад) выступил с докладом «Задачи развития филологической науки в Туркменистане в свете решений XXIV съезда КПСС». Он рассказал о наиболее интересных исследовательских работах Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР.

Определенные результаты достигнуты туркменскими лингвистами в изучении одной из основных частей речи — глагола. Издан капитальный труд — «Грамматика туркменского языка» (ч. I, фонетика и морфология).

Созданы монографические исследования по культуре речи: «Орфоэпические нормы

туркменского языка», «Лексические нормы современного туркменского литературного языка», «Грамматические нормы туркменского литературного языка», «Орфоэпический словарь туркменского языка».

Завершено составление диалектологических карт западных и северных говоров туркменского языка. Впервые экспериментально-фонетическим путем выявлены артикуляционные и физико-акустические особенности согласных звуков туркменского языка, установлены причины и характер выпадения гласных и согласных фонем, а также их физические характеристики в самых различных фонетических положениях.

Подготавливается к изданию двухтомный «Русско-туркменский словарь», издан «Туркменско-русский словарь».

Важнейшим итогом научно-исследовательской работы института в области литературоведения за минувшее пятилетие является создание шеститомной «Истории туркменской литературы», освещающей литературный процесс с древнейших времен до наших дней. Изучались вопросы теории туркменской литературы, ее национального своеобразия, фольклора.

С 1966 по 1970 гг. институтом издано более 40 научных трудов.

Далее докладчик остановился на задачах, стоящих перед филологами Туркмении.

С докладом «О состоянии и перспективах развития тюркского языкознания» выступил Э. Р. Теншиев (Москва). (Изложение доклада приводится ниже).

Б. А. Карриев (Ашхабад) посвятил свое выступление проблемам изучения тюркоязычного фольклора в масштабе всей Средней Азии. Не уделяя должного внимания этому участку филологической науки, сказал он, невозможно добиться дальнейшего успешного развития тюркского языкознания. Докладчик высказал некоторые суждения о путях исследования современных и древних тюркских языков.

Создание исторической фонетики и морфологии тюркских языков, заявил докладчик, — задача пока нерешенная, но настоятельно требующая своего разрешения. Отсутствие такого труда препятствует созданию истории отдельных тюркских языков. Несколько лучше обстоит дело с изучением истории литературных тюркских языков, хотя не все из них имеют литературную традицию.

Исследование общетюркской сравнительной фонетики и грамматики предполагает издание и изучение древнейших и более поздних памятников, имеющихся в каждой республике. Литературоведы союзных республик на основе собственного опыта работы должны наладить совместное изучение, с одной стороны, общих фольклорных жанров, фольклорных произведений, с другой — выработать методiku их записи и публикаций.

А. М. Мирзаев (Душанбе) доложил о деятельности Института востоковедения Академии наук Таджикской ССР. Институт установил широкие контакты с зарубежными научными учреждениями и отдельными учеными. Контакты с научными учреждениями союзных республик следует укреплять и всемерно развивать.

Для подготовки критических текстов памятников и использования арабоязычной литературы (без чего невозможно создать подлинную дореволюционную историю общественной мысли народов Средней Азии) особое внимание следует уделять подготовке историков-текстологов, филологов-текстологов, литературоведов-текстологов.

Литературоведение на секции филологии было представлено пятью докладами.

М. К. Нурмухамедов (Ташкент) выступил с докладом «XXIV съезд КПСС и задачи ученых-литературоведов в идеологической борьбе».

Литературоведы республик Средней Азии и Казахстана, заявил докладчик, должны вести борьбу с проникновением в советскую науку чуждой марксизму идеологии, освещающей с марксистско-ленинских позиций историю советских литератур и современный литературный процесс. Необходимо подвергать принципиальной критике ложные концепции буржуазных ученых в этом вопросе.

Докладчик отметил значительные успехи литературоведения Средней Азии и Казахстана в создании трудов по истории и отдельным проблемам национальных литератур. Что же касается критики неверных концепций буржуазных исследователей, то в этой области сделано еще очень мало. Чтобы развеять миф о «традиционной отсталости» Азии от «цивилизированной» Европы, необходимо подготовить и издать книги о значении для истории мировой цивилизации трудов великих среднеазиатских ученых Хорезми, Фараби, Бируни, Ибн Сины, Улугбека и оказанном ими влиянии на науку и культуру Западной Европы. Советские филологи должны не защищаться, а наступать на апологетов буржуазной науки и культуры. Для этого мы, советские ученые, должны быть во всеоружии. Нам необходимо активно овладевать иностранными языками, участвовать в работе международных конгрессов, симпозиумов и конференций. Должна быть расширена и деятельность Отдела информации Академии наук по общественным наукам. Необходимо создавать для распространения за рубежом книги и брошюры, правдиво отображающие развитие литератур народов Средней Азии и Казахстана.

Г. И. Ломидзе (Москва) выступил с докладом «Проблемы изучения многонациональной советской литературы». Он отметил, что новая историческая общность советских людей по своему содержанию шире обычной национальной общности, ибо, сохраняя национальную специфику, бережно относясь к национальным чувствам, она объединяет советские народы на более высокой основе ин-

тернационализма. Новизна этой исторической общности заключается в том, что при наличии национальных различий она создает общность людей на социальной, идейной и духовной почве.

Докладчик высказал свое мнение о проблеме национального и интернационального в советской культуре. Противопоставление одного другому, заявил он, является в корне ошибочным и ничего общего с марксизмом не имеет.

Обращаясь к вопросу о судьбах национальных языков, Г. И. Ломидзе подчеркнул, что единство и близость советских народов вовсе не говорит о наличии тенденции к отмиранию национальных языков. Советская многонациональная литература в процессе своего развития не нивелирует национальные особенности и самобытность. Она лишь органически сочетает национальные особенности с интернациональными.

Говоря о сближении национальных культур, и в частности литератур, докладчик отметил, что такое сближение приводит не к обезличиванию их, а к взаимообогащению.

Советскими литературоведами написаны истории отдельных литератур народов СССР, подготовлена сводная история советских национальных литератур (вышло 3 тома). На очереди создание «Истории народной литературы дооктябрьского периода».

И. А. Султанов (Ташкент) в докладе «XXIV съезд КПСС и актуальные вопросы узбекского литературоведения» остановился на некоторых актуальных вопросах узбекского литературоведения, представляющих интерес и для литературоведения других народов Средней Азии. В Узбекистане, как и во всех других братских республиках, возрос интерес к теоретическому осмыслению историко-литературного процесса. Появился ряд научных работ, посвященных развитию отдельных жанров национальных литератур. Теперь предстоит огромный труд по теоретическому осмыслению богатейшего опыта братских литератур как в прошлом, так и в настоящем.

Одной из нерешенных до конца проблем является проблема реализма в дореволюционных литературах народов Средней Азии, Казахстана и Приволжья. Докладчик указал, что наличие естественного для всякой литературы критического элемента не следует смешивать с критическим реализмом. Для произведений национальных литератур узбеков, казахов, таджиков, каракалпаков, татар и других, созданных в XIX и в начале XX века, целесообразно принять формулу «литература просветительского реализма».

Достижением социалистической культуры наших народов, отметил докладчик, следует признать широкое освоение ею всех богатств культуры и литературы прошлого. В практической пропаганде следует всячески подчеркивать эту историческую общность. Теперь уже настало время создать совмест-

ными усилиями единую историю литературы народов Средней Азии и Казахстана.

Р. Бердыбаев (Алма-Ата) в докладе «Проблемы современного казахского романа» дал общую характеристику жанра романа и показал различие в подходе к этому жанру буржуазных ученых и сторонников теории социалистического реализма.

Далее докладчик остановился на развитии казахского романа.

Казахская литература одновременно с традициями классического реализма осваивала также и метод социалистического реализма. Правильный отбор жизненных событий, фактов и явлений, раскрытие духовной жизни героев составляли главную трудность в период становления казахской советской прозы. Примерно с середины 50-х годов казахская литература приобретает новые качества. Она обращается к внутренней жизни героев, стремится создать образ гармонически развитой личности. Романы последних лет отличаются новизной материала, своеобразием художественных изобразительных средств, активным вторжением писателей в жизнь, заинтересованностью в разрешении проблем общественного бытия.

Идея дружбы народов находит яркое отображение в романах о рабочем классе.

В казахской литературе созданы замечательные образцы мемуарного романа (трилогия С. Муканова «Школа жизни»). Романы на историческую тему принесли казахской литературе международное признание (эпопея «Путь Абая» М. Ауэзова и др.). В казахской литературе утвердились различные типы романа: социально-психологический, исторический, историко-революционный, мемуарный, публицистический и др.

В развитии казахского романа проявляются следующие характерные особенности: углубленный психологизм и историзм, обращение к важнейшим социальным и нравственным проблемам эпохи, стремление к художественному осмыслению исторических событий, документальность и т. д.

А. Ш. Шарипов (Алма-Ата) в своем выступлении отметил, что современное казахское литературоведение переживает период нового качественного подъема. Оживленные творческие дискуссии способствовали выявлению в последние три-четыре года основных направлений развития казахской науки о литературе. Вышла в свет шеститомная «История казахской литературы», подводящая итоги достижениям казахского литературоведения.

Многие наши литературоведы, сказал А. Ш. Шарипов, не хотят видеть разницы между творчеством авторов письменных и устных литературных произведений. Если первые авторы были прямо или косвенно связаны с культурными традициями мусульманского Востока, то вторые следовали поэтическим традициям степных племен. Творчество акынов и жырау до недавнего времени квалифицировалось как фольклорное. Эта точка зрения вызывает возражения: во-первых, произведения акынов и жырау

бытуют как авторские произведения; во-вторых, они характеризуются четко выраженной авторской индивидуальностью; в-третьих, творения якунов и жырау свободны от обычного для фольклорных образцов варьирования.

Казахскими литературоведами написан ряд работ, посвященных проблеме национального характера и положительного героя в литературе, соотношению элементов национального и интернационального. Проблема национального характера не может рассматриваться в отрыве от данных этнографии, социологии, социальной психологии, истории и т. д.

Объектом литературоведческого исследования должно стать изучение читательского восприятия. Это способствовало бы пра-

вильному определению перспектив развития литературы.

На Академию наук Казахской ССР возложена обязанность возглавить подготовку коллективного труда «Современный литературный процесс и взаимодействие литератур республик Средней Азии и Казахстана». Для подготовки этого труда и его издания необходимо создать координационный совет, введя в его состав видных ученых республик Средней Азии и Казахстана.

На сессии была принята соответствующая резолюция.

*Э. И. Фазылов, Л. Г. Чичулина,
Л. В. Данилова*

* *
*

ИЗ ДОКЛАДА А. Н. КОНОНОВА «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ)»

Важнейшей проблемой культурной революции на Советском Востоке явилась проблема новой письменности, решавшаяся в двух аспектах, предполагавших разработку письменности для народностей, не имевших своей азбуки, и замену старых графических систем (в первую очередь арабского письма) новыми, более удобными алфавитами.

22 июля 1922 г. в Баку был создан Комитет нового тюркского алфавита. По декрету ЦИК Азербайджана от 27 июня 1924 г. новый, латинизированный алфавит был признан «государственным и обязательным». Научные и практические задачи развития тюркологии требовали всестороннего обсуждения, и 26 февраля—6 марта 1926 г. в Баку состоялся Первый Всесоюзный тюркологический съезд¹.

Решения съезда и принятая им резолюция «Об изучении тюркских языков» не утратили своего значения и по настоящее время.

Первый Всесоюзный тюркологический съезд имеет непреходящее значение в истории развития тюркологии в Советском Союзе. Он придал работе тюркологов государственное значение, и это нашло свое выражение в создании в 1929 г. Всесоюзного Центрального комитета нового алфавита (ВЦКНА) при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР.

Тюркология послеоктябрьского периода (как и советское востоковедение в целом) отличается от предшествующего этапа новым научным содержанием, новой идейной и методологической основой. Отличительной особенностью советской тюркологии являет-

ся и то, что изучением языков, истории, этнографии, литератур народов Советского Востока стали заниматься представители самих этих народов.

Под непосредственным воздействием Всесоюзного тюркологического съезда оживилась деятельность и востоковедов Украины: 23—27 мая 1927 г. в Харькове состоялся Первый съезд востоковедов Украины, на котором обсуждались преимущественно исторические и экономические проблемы Ближнего Востока. 1—6 ноября 1929 г. в Харькове же состоялся Второй съезд востоковедов Украины, на котором присутствовали ученые из Стамбула и Тегерана².

В течение четверти века после Всесоюзного тюркологического съезда основными проблемами советской тюркологии, особенно в национальных республиках и областях, были: 1) разработка фонологических, графических, полиграфических, орфографических основ новых алфавитов; 2) определение опорной диалектной основы для ряда тюркских литературных языков; 3) изучение фонетики, грамматики и лексики тюркских языков; 4) разработка и упорядочение общественно-политической, научной и научно-технической терминологии; 5) создание учебных пособий по родному языку и другим дисциплинам для начальной, средней и высшей школы; 6) переводы с русского языка на тюркские общественно-политической, научной, научно-технической и художественной литературы.

Выдвинутые в связи с культурным строительством практические задачи предоп-

¹ См.: «Первый Всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля—6 марта [1926]». Стенографический отчет. Баку, 1926, 429 стр.

² И. М. Фалькович. К истории советского востоковедения на Украине. — «Народы Азии и Африки», 1966, № 4, стр. 273—274.

ределили преимущественно синхроническое изучение тюркских языков. «Новое учение о языке», решительно отвергавшее сравнительно-исторический метод, закрывало путь к их диахроническому изучению. На протяжении 20—40-х годов исторические и сравнительно-исторические исследования тюркских (так же, как и других) языков почти не проводились и соответствующие научные кадры не готовились.

19—22 октября 1959 г. в Ашхабаде состоялось координационное совещание, посвященное методам изучения истории тюркских языков³.

В 50-х годах в тюркологии прочно утвердился принцип сочетания синхронического и диахронического методов изучения тюркских языков. Исторический и сравнительно-исторический методы исследования тюркских языков постепенно заняли подобающее им место в тюркологии.

За последние двадцать лет советская тюркология шагнула далеко вперед. Можно выделить следующие основные разделы тюркологии, по которым в этот период проводились исследования: 1) фонетика и грамматика современных тюркских языков; 2) лексикография и лексикология; 3) диалектография и диалектология, а также проблема классификации тюркских языков; 4) история формирования тюркских национальных языков; 5) изучение и издание памятников тюркской письменности; 6) историческая фонетика и грамматика отдельных тюркских языков и сравнительно-историческая фонетика и грамматика групп тюркских языков; 7) «алтайская теория» и тюркское языкознание; 8) описание тюркоязычных рукописей, хранящихся в библиотеках СССР; 9) история отечественной тюркской филологии; 10) библиография стечественной тюркской филологии.

* * *

Изучение фонетики и грамматики тюркских языков в синхроническом аспекте остается одной из основных задач советского тюркского языкознания. В отличие от периода 30—40-х годов, изучение фонетического и грамматического строя современных тюркских языков в настоящее время является лишь одним из основных (но не единственным) направлений и развивается в тесном контакте с сравнительным и сравнительно-историческим тюркским языкознанием.

Советской тюркологией приобретено новое качество: исследование современного состояния фонетики и грамматики того или иного языка проводится на широком сравнительном фоне, путем привлечения

материала наиболее близких тюркских языков и диалектов этого языка.

При изучении звукового строя тюркских языков теперь используются новейшие технические достижения в этой области. Экспериментальные исследования фонетики тюркских языков в общем балансе работ занимают весьма значительное место. Исследование звукового строя ведется только путем соответствующего сравнения с некоторыми западноевропейскими языками, что отвечает насущным требованиям преподавания родного и иностранных языков в средней и высшей школе советских тюркоязычных республик и областей.

Наряду с экспериментальным методом изучения звукового строя тюркских языков используется и совершенствующийся описательный метод, с помощью которого обследованы не только все литературные тюркские языки в пределах СССР (а за рубежом — турецкий и язык синьцзянских уйгур), но и подавляющее большинство диалектов.

Советские тюркологи продолжают исследовать целый ряд узловых проблем грамматики тюркских языков. В области морфологии — это морфологическая структура слова, части речи, категория залога, глагольный вид; в синтаксисе — словосочетание и предложение, сложное предложение и др.

Обязательное изучение русского языка в нерусских школах СССР стимулировало появление нового направления — сопоставительного изучения грамматики русского и тюркских языков; пионером в области сопоставительного изучения грамматики русского и татарского языков является В. В. Радлов⁴, а русского и узбекского — Е. Д. Поливанов⁵. В настоящее время данное направление развивается весьма интенсивно, хотя методика сопоставительных исследований далеко не совершенна.

В последние двадцать лет советские тюркологи уделяют изучению синтаксиса особенно большое внимание. Одной из исследуемых проблем является проблема сложноподчиненного предложения бессоюзного типа.

Изучение лексикографии и лексикологии в русской дореволюционной тюркологии имеет давнюю историю. Достаточно вспомнить словари Л. З. Будагова, В. И. Вербицкого, В. В. Радлова, Э. К. Пеккарского, Н. И. Ашмарина.

Благодаря деятельности советских тюркологов по всем тюркским языкам СССР, а из зарубежных — по турецкому языку,

³ См.: «Вопросы методов изучения истории тюркских языков». Стенограмма координационного совещания, состоявшегося в Ашхабаде 19—22 октября 1959 г. Ашхабад, 1961.

⁴ В. В. Радлов. Грамматика русского языка, составленная для татар Восточной России, ч. I. Этимология. Казань, 1873.

⁵ Е. Д. Поливанов. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933.

созданы общие двуязычные специальные (терминологические, орфографические) словари. По ряду тюркских языков составлены также и толковые словари (казахский, азербайджанский, туркменский, татарский).

Особо следует отметить переиздание следующих трех классических словарей: Э. К. Пекарского — «Словарь якутского языка» (1959), Л. З. Будагова — «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» (1960), В. В. Радлова — «Опыт словаря тюркских наречий» (1963—1964).

Особого упоминания заслуживает издание «Древнетюркского словаря» (Л., 1969).

Следует отметить также создание фразеологических и диалектологических словарей, а также появление новых для тюркской лексикографии частотных словарей (И. А. Киссен и др.).

В последние годы ведется работа по созданию этимологических словарей. Подготовлены этимологические словари чувашского (В. Г. Егоровым) и казахского (коллективом авторов) языков, общетюркский этимологический словарь (Э. В. Севортяном); опубликованы первые материалы по этимологическому словарю узбекского языка (А. Г. Гулямовым).

Многолетний опыт лексикографической работы, наличие словарей по всем тюркским языкам подготовили почву для перехода к новому этапу работы над тюркской лексикой — к разработке лексикологии (синхронической и диахронической), которая неразрывно связана с семасиологией. Важное место в исследовании лексики принадлежит изучению заимствованных слов, что связано с разрешением таких вопросов, как отношение тюркских языков к «алтайским» и методика определения заимствований. Для истории культурных связей тюркоязычных народов значительный интерес представляет изучение ранних лексических заимствований в тюркских языках из китайского и согдийского, арабского и иранских языков, а также тюркских заимствований в арабском и иранских языках.

Особый интерес для изучения взаимодействия русского и тюркских языков представляют тюркизмы в русском языке и русизмы в тюркских языках.

Изучение лексики теснейшим образом связано с исследованием фразеологии, семасиологии, с одной стороны, и терминологии — с другой. Проблемы фразеологии в последние годы привлекают все возрастающее внимание. В сентябре 1959 г. в Самаркандском государственном университете состоялась Первая межреспубликанская конференция по вопросам фразеологии. Бурное развитие научной, технической и общественно-политической терминологии на тюркских языках СССР сделали актуальным изучение и нормирование терминоворечества. Рассмотрению различных вопросов, связанных с упорядочением терминологии, было посвящено состоявшееся

25—29 мая 1959 г. в Москве Всесоюзное терминологическое совещание.

Все большее внимание языковедов привлекают две специальные дисциплины: топонимика и ономастика.

Значительные успехи достигнуты в области диалектографии и диалектологии. В настоящее время диалектографическим обследованием охвачена вся территория расселения тюркоязычных народов СССР. Собран огромный диалектографический материал. Во всех языковедческих научно-исследовательских учреждениях тюркоязычных республик и областей имеются отделы, секторы, группы, занимающиеся диалектографической и диалектологической работой.

Успехи советских ученых в изучении тюркских диалектов СССР — бесспорны, но они распространяются на область диалектографии. Большой фактический материал по тюркским диалектам, накопленный за многие годы, позволяет перейти к новому этапу изучения тюркских диалектов — к тюркской диалектологии, к созданию атласов и обобщающих трудов.

В целях координации деятельности советских тюркологов по изучению диалектов в последние годы регулярно созываются специальные совещания (Баку, 1956; Казань, 1958; Баку, 1960; Фрунзе, 1963; Баку, 1965; Ташкент, 1971).

На диалектологическом совещании в Баку (1965) было принято решение о подготовке диалектологического атласа тюркских языков СССР, составлении диалектных словарей тюркских языков и изучении исторической диалектологии тюркских языков.

Все еще нерешенной остается проблема классификации тюркских языков, несмотря на ряд попыток, предпринятых в этом направлении (С. Е. Малов, Н. А. Баскаков, Б. А. Серебренников, Р. Р. Арат, И. Бенцинг, К. Менгес). Основная трудность заключается в недостаточной изученности фактического материала (в первую очередь сравнительно-исторической фонетики и грамматики тюркских языков) и неразработанности методики исследования.

Давно привлекает внимание советских лингвистов, философов, историков и тюркологов история формирования тюркских национальных языков.

Успешному решению этой проблемы препятствует ряд частных причин: нет точно разработанной методики исследований на материале тюркских языков, четкого представления об этапах развития социальной истории, сложения общностей (племя, народность, народ, нация), отсутствуют точно документированные (с точки зрения

этнической принадлежности) памятники или вообще какие бы то ни было письменные источники и т. д.

Все это делает совершенно необходимым объединение усилий историков, археологов и лингвистов, которым в первую очередь надлежит выработать методику исследования с учетом того, что изучение процесса возникновения литературного языка не может заменить изучения истории формирования общенародного языка.

За последнее десятилетие ученые вновь обратились к интенсивному изучению памятников тюркской письменности (орхоно-енисейских и древнеуйгурских), начатому еще В. В. Радловым.

Суущественное значение для исследования тюркских языков в историческом и сравнительно-историческом аспектах имеют труды по тюркскому языкознанию, принадлежащие перу восточных филологов. Первым среди них следует назвать «Дивану лугатит-тюрк» Махмуда Кашгарского. Русские востоковеды сразу же после опубликования текста «Дивана» Махмуда Кашгарского дали высокую оценку его научному значению и в середине 20-х годов принялись за его перевод на русский язык (С. Е. Малов, Э. А. Шмидт, К. К. Юдахин). Однако в силу различных причин перевод не был осуществлен.

В конце 30-х годов в Баку «Диван» Махмуда Кашгарского был переведен на азербайджанский язык (Сенд Низами, Исмиханов, А. Демирчизаде, А. Алескерзаде, под руководством П. К. Жузе). В дальнейшем работа над совершенствованием этого перевода и введением русских соответствий продолжалась (А. Демирчизаде, А. Джафар, Дж. Эфендиев). Первый том перевода находится в печати.

В начале 40-х годов к изучению труда Махмуда Кашгарского приступил узбекский филолог Салих Муталибов, издавший все три тома «Дивана» (с индексом) на узбекском языке.

Узбекский же ученый Алибек Рустамов закончил перевод «Дивана» на русский язык.

Материалы «Дивана» Махмуда Кашгарского широко изучаются. Они послужили основой для ряда диссертаций (С. Ахаллы, Т. А. Боровковой, Х. Г. Нигматова и др.).

В октябре 1971 г. в Фергане состоялась Всесоюзная тюркологическая конференция, посвященная 900-летию создания труда Махмуда Кашгарского.

Советские тюркологи все чаще обращаются к изучению орхоно-енисейских памятников — древнейших образцов тюркской письменности.

Продолжая традиции В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского и А. Н. Самойловича, изучением рунических памятников в течение всей своей долгой жизни занимался С. Е. Малов, три известных труда кото-

рого внесли выдающийся вклад в эту область.

В настоящее время ведется большая работа по обследованию районов, в которых возможны находки рунических памятников. Могильные памятники с руническими надписями найдены в Туве и Киргизии (А. Д. Грач, И. А. Батманов и его сотрудники).

В связи с неослабевающим интересом к истории тюркских языков советские тюркологи, наряду с орхоно-енисейскими, изучают и другие памятники тюркской письменности. Лингвистическое изучение памятников при этом сочетается с изучением истории конкретного языка.

Почти все важнейшие памятники тюркской письменности — «Кутадгу билиг», «Тюрко-арабский словарь XIII в.», «Кодекс куманикус», «Шейбани-наме», «Хиба-тул-Хакаи» и другие — изучаются в лексико-грамматическом плане.

Текстологическому изучению памятников тюркской письменности уделяется сравнительно меньше внимания, хотя и в этой области в последнее время появились значительные работы (П. Шамсиев, Х. Сулейманов, С. С. Джикия, Г. Араслы, М. Тахмасиб и др.).

За последние двадцать лет советская тюркология достигла заметных успехов в области исторической фонетики и грамматики отдельных тюркских языков, а также сравнительно-исторической фонетики и грамматики отдельных групп тюркских языков. Однако методика исследования все еще остается недостаточно разработанной. Как уже отмечалось выше, методике изучения тюркских языков было посвящено специальное координационное совещание⁶.

Историческая фонетика отдельных тюркских языков, несмотря на известный опыт в этой области (В. В. Радлов, В. Банг, В. А. Богородицкий, Е. Д. Поливанов, Н. К. Дмитриев, К. К. Юдахин, Г. Рамстедт, Ю. Немет, А. Габен, М. Ряснен, К. Менгес, И. Бенцинг, А. М. Щербак и др.), не вышла еще из стадии предварительных исследований. Задача осложняется тем, что ни один из тюркских языков не имеет сколько-нибудь значительной по времени документированной истории, к тому же историческое развитие тюркоязычных племен, народностей и народов шло сложным путем возникновения и распада племенных союзов. Несмотря на эти трудности, в последние годы появились работы по исторической фонетике татарского, башкирского, чувашского, узбекского и некоторых других языков.

Тюркологи единодушны в понимании необходимости составления полных фонетико-грамматических очерков отдельных памятников

⁶ 19—22 октября 1959 г. Ашхабад.

ков. Материалы этих очерков должны быть сопоставлены с данными диалектов и современных тюркских языков.

Наличие общих лексических и фонетико-грамматических элементов в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках является бесспорным. Существование общих элементов в лексике, фонетике и грамматике этих языков выдвигает проблему: «алтайская теория» и тюркское языкознание. Восходят ли эти общие элементы к языку-основе или они возникли в результате многовекового взаимодействия носителей этих языков — науке пока не известно.

Пользуясь данными только тюркских языков, невозможно представить состояние этих языков в период древнее VI в. н. э., а также воссоздать тюркскую праязыковую схему даже как первичную рабочую гипотезу.

Следовательно, единственный путь создания сравнительно-исторической грамматики тюркских языков — это выход исследователя за пределы тюркской языковой семьи. Только на основе материалов алтайских языков возможно реконструировать фонетику и морфологию тюркских языков хотя бы в первом приближении.

Исключительно важное значение имеет описание тюркоязычных рукописей, находящихся в библиотеках и фондах СССР: в Ленинграде (Ленинградское отделение Института востоковедения, Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Восточный факультет ЛГУ, Восточный отдел Государственного Эрмитажа), в Москве (Музей восточных культур, Центральный государственный архив древних актов СССР), в Ташкенте (Институт востоковедения АН УзССР), в Баку (Республиканский рукописный фонд АН Азерб. ССР), в Ереване («Матенадаран» — Научно-исследовательский институт древних рукописей при Совете Министров Арм. ССР), в Казани (Казанский государственный университет), в Душанбе (АН Тадж. ССР), в Тбилиси (АН Груз. ССР), в Ашхабаде (АН Туркм. ССР), в Алма-Ате (АН Каз. ССР), в Махачкале (Институт истории языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР) и т. д.

Во всех названных хранилищах ведется работа по систематизации, описанию, составлению каталогов и изданию (в оригиналах и переводах) памятников культуры народов Азии.

Для успешной работы в этой области давно пора выработать общие для всех принципы описания рукописей.

История отечественной тюркской филологии (ученые, их деятельность, учебные и научно-исследовательские заведения и пр.) все чаще привлекает внимание советских тюркологов. Работа в этой области ведется по следующим основным тематическим направлениям: 1) востоковеды,

их жизнь и деятельность; 2) история развития тюркской филологии; 3) история развития тюркологии в Средней Азии, на Кавказе, в Поволжье; 4) история преподавания и изучения тюркских языков в России и СССР; 5) востоковедные (в том числе и тюркологические) общества, кружки и пр.

С каждым годом все большее значение приобретает библиография отечественной тюркской филологии. Книжки и сборники, монографии и статьи по различным вопросам тюркской филологии, ежегодно издающиеся в СССР на русском и тюркском языках, настолько многочисленны, что учесть их отдельный ученый уже не в состоянии. Поэтому все отчетливее проявляется стремление к созданию библиографий, библиографических указателей и списков, включающих различные разделы тюркской филологии. На очереди организация специального печатного органа «Библиография советской тюркской филологии».

Выходящий с начала 1970 г. первый в СССР специальный журнал «Советская тюркология», получивший уже признание тюркологов, открывает широкие возможности для оперативного освещения достижений отечественной тюркологии.

Какие же задачи стоят перед советской тюркологией, на чем она должна сосредоточить свое внимание в ближайшие годы?

Ряд координационных совещаний, посвященных различным проблемам тюркского языкознания, перед советской тюркологией поставил следующие основные задачи: 1) совершенствование методов и приемов, применяемых при описательном, историческом, сравнительно-историческом, сопоставительном изучении звукового и грамматического строя тюркских языков; 2) разработка проблемы «„алтайская теория“ и тюркские языки»; 3) создание истории отдельных языков, истории групп близкородственных языков и общей истории тюркских языков; 4) разработка проблем классификации и исторической периодизации тюркских языков; 5) совершенствование методов изучения лексики тюркских языков и лексикографической практики; 6) совершенствование методов собирания и изучения диалектных материалов; создание тюркских «областных» словарей; подготовка диалектологического атласа тюркских языков СССР; 7) изучение закономерностей развития тюркских литературных языков; изучение процессов взаимодействия тюркских языков; взаимодействия русского и тюркских языков; взаимодействия тюркских и соседних нетюркских языков (Поволжье, Кавказ, Средняя Азия, тюркские и иранские языки); 8) разработка на тюркологическом материале проблемы «Нация и национальный язык»; 9) совершенствование алфавитов, орфографий, орфоэпических норм; 10) совершенствование методики описания рукописей памятников тюркской письменности; 11) углубленное изучение истории

отечественной тюркологии; 12) создание библиографии советского тюркского языкознания.

Эта программа работы советских тюркологов является программой-максимум. Претворение ее в жизнь потребует объединенных усилий всех отечественных тюркологов, а это осуществимо лишь при одном непременном условии: создании организации, объединяющей советских тюркологов. О необходимости создания такой организации поднимался вопрос еще в мае 1959 г.⁷ К этому же выводу в феврале 1964 г. пришел и Сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР, предложивший создать «Научный совет по тюркологии»⁸.

О необходимости создания такой объединяющей тюркологов организации говорится и в Резолюции Всесоюзной тюркологической конференции, посвященной 900-летию труда

Махмуда Кашгарского «Дивану лугат-ит-тюрк» (9 октября 1971 г.): «Конференция вновь подтвердила настоятельную необходимость создания объединения советских тюркологов — Комитета советских тюркологов, основной задачей которого будет координация и кооперация исследовательских работ в области тюркологии в Советском Союзе»⁹.

Для дальнейшего успешного развития отечественной тюркологии необходимо широко обсудить ряд актуальных научных и организационных вопросов и проблем и вынести соответствующие рекомендации. А это еще раз указывает на то, что настало время созвать Второй Всесоюзный тюркологический съезд, который, несомненно, сыграет решающую роль в деле дальнейшего подъема тюркологической науки в нашей стране и еще более укрепит ее ведущее положение в мировой тюркологии.

*
*

ИЗ ДОКЛАДА Э. Р. ТЕНИШЕВА «О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

Научная тюркологическая литература в области фонетики пополнилась исследованиями по азербайджанскому, туркменскому, казахскому, киргизскому, татарскому, узбекскому, уйгурскому, тувинскому, хакасскому и якутскому языкам. Эти исследования осуществлялись инструментальными методами.

Фонетисты-тюркологи все чаще обращаются к акустическим методам исследований и использованию спектрограмм. В последние годы инструментальные методы начали использоваться и при исследовании словесного ударения и интонации предложения. Анализ фонемной структуры в частном или общетюркском плане ведется с применением фонологической методики в ее наиболее рациональной форме. При решении ряда вопросов используются приемы статистики и фонотактики.

В области морфологии многие вопросы строя и функций знаменательных и служебных частей речи в тюркских языках были подвергнуты анализу с позиций классической лингвистики. Ряд исследований посвящается словообразованию — именному и глагольному, словоизменению, в особенности глагольному, а также аспектологии.

Характерным для исследований синтаксиса является детальный подход как к отдельным явлениям словосочетания и предложения, так и к проблеме в целом. Внимание специалистов привлекает актуальное

членение предложения и структуральная методика.

В области диалектологии продолжается интенсивное монографическое изучение мало или совершенно не известных диалектов, говоров и более мелких диалектных единиц. Опубликованы сводные труды по азербайджанской, узбекской, киргизской, туркменской диалектологии. Заметной вехой для тюркской диалектологии явилось начало работы над национальными диалектологическими атласами азербайджанского, туркменского, татарского, чувашского, башкирского, узбекского, казахского и киргизского языков.

Накопившийся опыт в области частной лингвогеографии позволил перейти к работе большего масштаба — составлению атласа тюркских языков и диалектов, распределенных на территории Советского Союза.

Сотрудники сектора тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР разработали теоретические основы общетюркского атласа, провели соответствующую подготовительную работу.

Лексикологическими исследованиями охвачены профессиональная лексика, тематические группы (названия животных и птиц, прилагательные), а также антропонимия и топонимия. Сектор тюркских языков возобновил работу по классической теме — тюркизмы в западных и восточных славянских языках. Целью исследований является создание словаря тюркизмов, проект которого уже составлен.

Лексикография обогатилась новыми словарями литературных языков: киргизского, уйгурского, туркменского, тувинского. Подготовлены словари караньского и гагаузского языков. Вышли в свет словари диалектной лексики азербайджанского, та-

⁷ А. Н. Кононов. О некоторых вопросах дальнейшего развития тюркского языкознания в СССР, — «Вестник АН СССР», 1959, № 5, стр. 140—141.

⁸ См.: О перспективном плане научно-исследовательской работы Сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР (машинопись), стр. 9.

⁹ «Советская тюркология», 1972, № 1, стр. 157.

тарского, башкирского, чувашского языков. В ряде тюркоязычных республик готовятся толковые и фразеологические словари, издаются терминологические словари и словари языка писателей. Вышли в свет инверсионные словари узбекского и казахского языков. В секторе тюркских языков подготовлена работа обобщающего характера по теории тюркской лексикографии.

Опубликованы материалы и исследования (принадлежащие в основном сотрудникам сектора тюркских языков) по малозученым тюркским языкам и диалектам: алтайскому, караимскому, гагаузскому, саларскому, сарыг-югурскому и др.

Ведется систематическая работа по историческому и сравнительно-историческому изучению тюркских языков, по грамматическому описанию языков памятников: орхонско-енисейских, древнеуйгурских, караханидско-уйгурских, хорезмских, чагатайских, кыпчакских.

Впервые в истории тюркологии сотрудниками Института языкознания Академии наук СССР создан и опубликован Древнетюркский словарь. Создаются очерки по истории литературных и, в меньшей мере, народно-разговорных языков: азербайджанского, туркменского, узбекского, башкирского, татарского, казахского, чувашского.

Опубликована новая (после В. В. Радлова) сравнительно-историческая фонетика тюркских языков, подготовленная Институтом языкознания Академии наук СССР. Развертываются исследования по тюркской сравнительно-исторической морфологии. В секторе тюркских языков впервые в тюркском языкознании создан труд по сравнительно-историческому исследованию синтаксиса.

В орбиту сравнительно-исторического изучения вошла и лексика тюркских языков. Изданы этимологические словари чувашского и казахского языков. Готовится к печати этимологический словарь татарского языка. Сектором тюркских языков подготавливается большой общетюркский этимологический словарь. Первый выпуск его находится в печати.

В зарубежной тюркологии за этот же период видное место заняли труды по диалектологии, истории тюркских языков и описательно-грамматические исследования по современным литературным языкам. Следует упомянуть монографические описания турецких диалектов и говоров как в самой Турции, так и в других странах: Болгарии, Албании, Югославии.

Переиздается диалектологический словарь турецкого языка. Вышел в свет диалектологический словарь языка уйгуров Восточного Туркестана. Опубликованы труды по исторической фонетике и морфологии тюркских языков, по грамматике языка орхонских и чагатайских памятников. Изданы словари: общетюркский этимологический (точнее — исторический), древнеуйгурский и древнекыпчакский, переиздается словарь староту-

режкой лексики по письменным памятникам (единственный пока в тюркском языкознании опыт кодификации исторической лексики национального языка). Появившиеся в последние годы грамматические описания некоторых современных тюркских литературных языков даны с позиций структурной лингвистики. Зарубежными учеными изданы труды обобщающего характера: по описанию алтайских языков в целом, введению в тюркское языкознание, опубликованы два выпуска свода современных и древних тюркских языков. Таким образом, удельный вес исторических и сравнительно-исторических исследований много меньше, нежели исследований, посвященных современному состоянию тюркских языков, в числе же последних мало имеющих чисто теоретическую направленность.

Важнейшей задачей тюркского языкознания в настоящее время является создание сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Некоторая предварительная работа в этом направлении выполнена. Теперь предстоит придать тюркским сравнительно-историческим исследованиям более системный и целенаправленный характер. Накопленный в тюркском языкознании огромный фактический материал должен быть синтезирован в тюркской сравнительно-исторической грамматике. Общетюркская сравнительная грамматика позволит разработать научно обоснованные реконструкции пратюркской фонетической и грамматической систем, создать историю общего типа отдельных тюркских языков.

Неотложной задачей тюркского языкознания является также изучение истории литературных тюркских языков. А это невозможно без дальнейшего углубленного изучения тюркоязычных памятников, особенно древней и средней поры, их публикации и лингвистического анализа. Поэтому следует усилить специальную подготовку работников, изучающих древние памятники.

Монографический метод в тюркской диалектологии остается и теперь основным. Описание целых диалектных единиц или отдельных явлений должно быть основано на системном подходе, а не только на сравнении с литературным языком, что позволит в полной мере использовать диалектные данные для исторических построений.

Важной задачей является завершение работы над созданием как национальных, так и общетюркского атласов.

Было бы весьма полезным собрать материал по редким, мало или совсем не изученным языкам в нашей стране и за рубежом. Следует преодолеть наметившееся в тюркском языкознании отставание в области теоретических разработок по типологии и семантике. В числе актуальных проблем тюркского языкознания остается и традиционная, тесно связанная с практикой, тюркская грамматика.

Х Р О Н И К А

«ХУДОЖНИК И ЖИЗНЬ»

В сентябре 1971 г. на заседании Ученого совета по филологии Отделения истории, языкознания и литературоведения Академии наук Узбекской ССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук Матякубом Кошчановым на тему «Художник и жизнь (творчество Абдуллы Каххара в аспекте сравнительного изучения)».

Официальными оппонентами на защите выступили д-р филол. наук, проф. У. Абдуллаев, д-р филол. наук Дж. Шарипов, д-р филол. наук С. Мамаджанов.

Выдающийся узбекский советский писатель Абдулла Каххар является одним из зачинателей и признанным основоположником узбекской малой прозы. Именно его творчество сыграло решающую роль в формировании в узбекской литературе жанра художественного рассказа. В отличие от других работ, посвященных творческому пути и отдельным вопросам творчества А. Каххара, в диссертации рассматривается проза писателя в целом.

На материале прозы А. Каххара автор диссертации стремится раскрыть связи реальной жизни и художественного творчества, присущие таланту писателя особенности, то есть черты, отличающие его как автора от других писателей — современников и классиков.

Определяя идейную направленность и эстетическую ценность произведений А. Каххара, М. Кошчанов сопоставляет их с произведениями русских (Н. В. Гоголь, А. П. Чехов, А. Н. Островский, А. М. Горький) и западных (О. Генри, Г. Мопассан и др.) классиков, а также лучших узбекских писателей (А. Кадыри, Айбек, Гафур Гулям, Яшен).

Диссертант показал, что рассказы А. Каххара, в отличие от произведений многих других узбекских писателей, не связаны с конкретными историческими фактами, нет в них резких столкновений характеров. Сюжетная основа его рассказов, как правило, сугубо бытовая. Однако писатель умеет мастерски вскрыть социальные корни обычных житейских событий. Одним из первых в узбекской литературе А. Каххар применил прием психологического анализа.

Научный консультант член-корреспондент АН УзССР И. А. Султанов и официальные оппоненты отметили в своих выступлениях важность и актуальность исследованных диссертантом проблем и подчеркнули большое значение проделанной им работы для узбекского литературоведения.

Ученый совет высказался за присуждение М. Кошчанову ученой степени доктора филологических наук.

М. Расули

«ИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ФОРМООБРАЗОВАНИЕ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ»

12 апреля 1972 года на заседании Ученого совета филологического факультета Азербайджанского ордена Трудового Красного Знамени университета им. С. М. Кирова доцент Карачаево-Черкесского государственного педагогического института Магомет Хабичев защитил докторскую диссертацию на тему «Именное словообразование и формообразование в карачаево-балкарском языке (опыт сравнительно-исторического изучения)».

В диссертации М. А. Хабичева данные карачаево-балкарского языка анализируются в сопоставлении с кумыкским, куманским (язык «Кодекс Куманикус»), армяно-куманским, караимским, крымскотатарским, средневековыми кыпчакскими языками, с привлечением материалов древних и современных тюркских, монгольских, угро-финских, тунгусо-маньчжурских, индоевропейских и кавказских языков. В работе, наряду с привлечением большого языкового материала, критически использована обширная научная литература как отечественная, так и зарубежная. Исследование проведено в диахроническом и синхроническом аспектах, в нем рассмотрено диалектическое приобретение языковым состоянием нового качества в результате количественного накопления словообразующих средств. Анализируемые материалы изучены и расположены в последовательности, отражающей естественную близость или отдаленность сравниваемых языков.

В связи с исследованием способов слово- и формообразования в диссертации М. А. Хабичева освещаются вопросы структуры, значения, происхождения, развития, а также взаимоотношения первичных корней, непро-

изводных основ и аффиксов. На этом фоне характеризуется своеобразие и определяется место карачаево-балкарского языка в группе куманских языков. Аффиксы словообразования описаны в системе семантических пучков. Единый семантический пучок составляют генетически родственные синкретические аффиксы со значением уменьшительности, соразмерности, совместности и соучастия, усилительности, собирательности-множественности, уменьшительности-уподобительности и т. д.

В исследовании М. А. Хабичева глубоко разработан также вопрос об именном формообразовании.

М. А. Хабичев впервые ввел в научный обиход факты словообразования и формообразования в языках «Кодекс Куманикус», половецких армян, мамлюкско-кыпчакских (XIII—XIV вв.). На основе изученных материалов диссертант пришел к выводу, что языки, объединяемые в куманскую подгруппу, являются самостоятельными, сложившимися в разное время на разных территориях и в окружении различных языков.

Работа М. А. Хабичева насыщена богатым фактическим материалом и содержит ценные выводы.

Официальные оппоненты академик АН Азерб. ССР М. Ш. Ширалиев, д-р филол. наук, проф. А. З. Абдуллаев, д-р филол. наук, проф. Ф. Р. Зейналов дали высокую оценку диссертации.

Ученый совет проголосовал за присуждение М. А. Хабичеву ученой степени доктора филологических наук.

Э. Н. Наджин

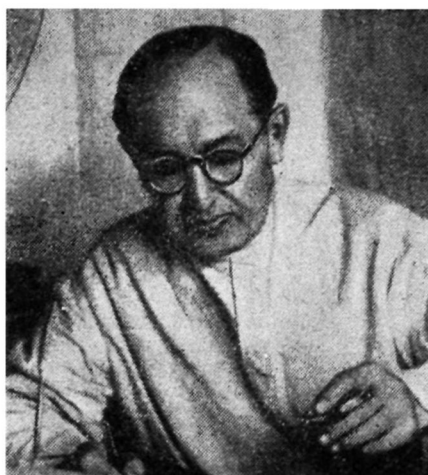
ПАМЯТИ Ф. Г. ИСХАКОВА

4 ноября 1971 г. состоялось расширенное заседание сектора тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР, посвященное 70-летию со дня рождения видного советского тюрколога Фазыла Гарифовича Исхакова. В заседании приняли участие сотрудники и аспиранты Института языкознания и Института востоковедения Академии наук СССР, представитель Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, бывшие ученики Ф. Г. Исхакова.

Заседание открылось вступительным словом заведующего сектором тюркских языков Э. Р. Тенишева, рассказавшего о жизненном и творческом пути Ф. Г. Исхакова, о его вкладе в тюркологию и в дело подготовки национальных кадров тюркологов. Ф. Г. Исхаков сформировался как специалист-тюрколог в процессе практической работы в области просвещения: в разное время он преподавал татарский и другие тюркские языки в школах, на курсах, в вузах, сотрудничал в ВЦКНА при Президиуме ЦИК СССР, работал сотрудником-методистом в Центриздате народов СССР и инспектором-консультантом в отделе нерусских школ Министерства просвещения РСФСР, составлял учебники и грамматики родного языка для татарских, погайских, тувинских, хакасских школ и позже — учебники и грамматики русского языка для тех же школ.

С 1950 г. Ф. Г. Исхаков полностью переклонулся на научно-исследовательскую работу и свой большой опыт педагога и ученого перенес в область углубленного исследования фонетической, грамматической и лексической структуры тюркских языков. За сравнительно короткий срок (1953—1959 гг.) им было подготовлено и издано более двадцати работ в виде статей, очерков, монографий. Все они вызвали большой интерес у отечественных и зарубежных тюркологов и получили высокую оценку критики как у нас в Союзе, так и за рубежом. Среди своих сотрудников Ф. Г. Исхаков заслуженно пользовался уважением как высоко эрудированный ученый, как человек высоких нравственных идеалов и большой внутренней культуры.

С докладом, посвященным жизни и научно-педагогической деятельности Ф. Г. Исхакова, выступил его товарищ по аспирантуре и долгие годы проработавший с ним сотрудник сектора тюркских языков д-р филол. наук Э. В. Севортян, особо подчеркнувший влияние на Ф. Г. Исхакова его ближайших учителей и наставников — Е. Д. Поливанова и Н. К. Дмитриева, а также таких выдающихся предшественников, как Н. Ф. Катанов и П. М. Мелиоранский. Докладчик дал суммарный анализ трудов Ф. Г. Исхакова и показал, в чем именно

заключается своеобразие и ценность его научного творчества.

Сотрудник сектора тюркских языков, д-р филол. наук Н. А. Баскаков, выступивший с воспоминаниями о Ф. Г. Исхакове, подчеркнул, что в сложных условиях борьбы на языковедном фронте 20—30-х годов Ф. Г. Исхаков держался правильных позиций и с симпатией относился к сторонникам «крамольной» тогда «индоевропейской школы» в языкознании (Е. Д. Поливанов, А. И. Самойлович, А. М. Сухотин, П. С. Кузнецов и др.).

Ученики Ф. Г. Исхакова доцент кафедры русского языка Орехово-Зуевского педагогического института С. А. Бурнашева и старший научный редактор Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» Г. А. Давыдова охарактеризовали Ф. Г. Исхакова как преподавателя.

Канд. филол. наук М. И. Боргояков говорил о большой роли, которую сыграл Ф. Г. Исхаков в налаживании школьного и вузовского образования, а также в организации научно-исследовательской работы в ряде тюркоязычных автономных республик и областей. М. И. Боргояков, в частности, напомнил, что в Абакане по инициативе и при энергичном участии Ф. Г. Исхакова была открыта в годы Великой Отечественной войны областная национальная школа-интернат для хакасских детей, организовано отделение хакасского языка и литературы при Абаканском учительском (ныне педагогическом) институте, создан Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.

Своими воспоминаниями о Ф. Г. Исхакове поделились также кандидаты филологических наук А. А. Дарбеева, А. А. Коклянова, Л. С. Левитская, Л. А. Покровская.

Ф. Д. Ашинин

НЕКРОЛОГИ

ЛУКА НИКИФОРОВИЧ ХАРИТОНОВ

13 января 1972 г. скончался крупный исследователь якутского языка, заслуженный деятель науки РСФСР и Якутской АССР, доктор филологических наук, профессор Л. Н. Харитонов.

Лука Никифорович Харитонов родился 4 октября 1901 года в Атамайском наслеге Горного района (бывшего Намекого улуса) в семье бедного скотовода-якута. В 1917 году он окончил Намекую двухклассную школу, а в 1922 году — Якутский педагогический техникум. Завершив свое образование в Академии комвоспитания им. Н. К. Крупской, Л. Н. Харитонов два года работал инспектором школ, а с 1929 года руководил Якутской национальной опытно-показательной школой.

В то время в Якутии началась разработка вопросов методики обучения на национальном языке. Л. Н. Харитонов был одним из зачинателей и активных участников этого

дела. Его первые методические брошюры «Боремся за качество» и «Борьба за грамотность» вышли в 1934 году. Затем появились работы «Борьба с ошибками в письме», «Об обучении письму», «Русский язык в якутской начальной школе», посвященные методике преподавания якутского и русского языков в школах Якутии.

В 1936 году Л. Н. Харитонов поступил в аспирантуру при Институте языка и письменности АН СССР, а в 1939 году успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Категория наречия в якутском языке».

В том же году Л. Н. Харитонов назначается заведующим кафедрой якутского языка и литературы Якутского пединститута, где наряду с педагогической деятельностью ведет и научную работу. В 1943 году вышла из печати его книга «Неизменяемые слова в якутском языке», в основу которой была положена его диссертация. Л. Н. Харитонов был первым, кто разработал проблему звукоподражательных и образных слов, междометий и некоторых служебных частей речи в якутском языке.

В 1947 году Л. Н. Харитонов публикует в качестве вузовского пособия монографию «Современный якутский язык (фонетика и морфология)», в которой, обобщив работы своих предшественников, с предельной четкостью и полнотой освещает вопросы фонетики и морфологии современного якутского языка. Эта работа, получившая высокую оценку советских и зарубежных тюркологов, по сей день остается настольной книгой всех тех, кто изучает якутский язык.

В 1954 году Л. Н. Харитонов защитил докторскую диссертацию на тему «Типы глагольной основы в якутском языке». Этот ценный научный труд вышел в Москве в издании Академии наук СССР и был удостоен премии Президиума Академии. Эта работа была оценена специалистами как крупное теоретическое достижение в области современной тюркологии. В. М. Насилов, например, писал, что Л. Н. Харитонов в своей работе «дает энциклопедический словарь по

всему якутскому глаголу в такой широте охвата и в такой дифференцированной системе, что такое исследование не найдет себе эквивалента в тюркологической литературе».

Вышедшая в 1960 году монография Л. Н. Харитонова под названием «Формы глагольного вида в якутском языке» явилась новым значительным вкладом ученого в тюркологию.

Вслед за этой монографией в 1963 году в издании Академии наук СССР выходит книга Л. Н. Харитонова, посвященная залоговым формам глагола в якутском языке.

Л. Н. Харитонов много внимания уделял и вопросам лексикографии. Он автор ряда словарей прикладного характера, редактор большого русско-якутского словаря, изданного в Москве в 1968 году, один из участников подготовки якутско-русского словаря, выпускаемого издательством «Советская энциклопедия». Ряд статей ученых посвятил

истории изучения якутского языка и деятельности видных представителей якутского языкознания.

Л. Н. Харитонов является автором школьных учебников и программ, он принимал участие в разработке орфографии, терминологии, пунктуации якутского языка.

За свою многолетнюю научную и педагогическую деятельность Л. Н. Харитонов был награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями, значком «Отличник народного образования РСФСР», двумя Почетными грамотами Президиума Верховного Совета ЯАССР, ему было присвоено звание заслуженного учителя ЯАССР.

Коллеги и ученики покойного Луки Никифоровича Харитонова навсегда сохраняют память о нем — большом ученом, чутком наставнике и добром, отзывчивом человеке.

*Е. И. Коркина, Н. Е. Петров,
П. А. Слепцов*

УЛУГ ТАШМУХАММЕДОВИЧ ТУРСУНОВ

Скончался видный узбекский ученый-тюрколог профессор Улуг Ташмухаммедович Турсунов.

У. Т. Турсунов родился 9 января 1905 г. в гор. Коканле Ферганской области.

После окончания в 1927 г. Ферганского областного техникума У. Т. Турсунов работал учителем в Коканле и Маргелане. Вскоре он поступает в Ленинградский восточный институт. По окончании этого института У. Т. Турсунов с 1930 года занимал должность научного работника узбекского комитета языка и терминологии при Наркомпросе УзССР, в дальнейшем работал заведующим сектором и старшим научным сотрудником Института культурного строительства, преподавал на педагогическом факультете Среднеазиатского государственного университета (ныне ТашГУ). С 1934 по 1936 г. он — заведующий сектором лингвистики и заместитель директора научно-исследовательского института языка и литературы. С 15 марта 1936 г. и до конца жизни У. Т. Турсунов работал в Самаркандском государственном университете, сначала в должности доцента, а затем и заведующего кафедрой узбекского языкознания.

В 1941 г. У. Т. Турсунов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Образование частей речи в узбекском языке». Его научно-педагогическую деятельность прервала Великая Отечественная война, участником которой он был.

Первая работа У. Т. Турсунова — «Образование глагола в узбекском языке» — была написана в 1930 г. С того времени он опубликовал значительное число научных исследований по всем разделам узбекского языкознания — истории узбекского языка и диалектологии, орфографии и терминологии, фразеологии и изучению языка художест-

венных произведений, лексикологии и лексикографии, истории формирования и развития узбекского литературного языка. Важнейшими из этих работ являются: «Некоторые вопросы современного узбекского литературного языка», «Пути обогащения узбекской терминологии», «Материалы к вопросу о классификации узбекских говоров самаркандской области», «О сингармонизме в узбекском языке», «Узбекская диалектология на новом этапе своего развития», «Значение изучения языка народных дастанов для диалектологии», «Послелогии в современном узбекском языке». Некоторые из его работ посвящены отдельным вопросам общей тюркологии.

У. Т. Турсунов является также автором ряда учебников и учебных пособий: «Морфологии современного узбекского языка»

(1960, в соавторстве с Ж. Мухтаровым), «Современного узбекского языка» (1964, в соавторстве с Ж. Мухтаровым и Ш. Рахматуллаевым), «Очерков по истории узбекского языка» (1969), «Некоторых вопросов лексики узбекского литературного языка» (1971) и др.

Большой вклад внес У. Т. Турсунов и в дело подготовки высококвалифицированных научных кадров. Под его руководством защищено около сорока кандидатских диссертаций. В числе его учеников немало докторов наук и профессоров.

Светлая память о профессоре Улуге Ташмухаммедовиче Турсунове навсегда сохранится в сердцах его друзей и учеников.

Н. Р. Раджабов

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>А. П. Дульзон</i> (Томск). Происхождение алтайских показателей множественного числа	3
<i>А. Т. Кайдаров</i> (Алма-Ата). Различные способы выражения одних и тех же грамматических отношений в близкородственных языках	16
<i>М. З. Закиев</i> (Казань). Некоторые вопросы формирования сложноподчиненных предложений	23
<i>А. Аннануров</i> (Ашхабад). Функциональное развитие грамматических категорий, связанных с деепричастием на -р	32
<i>И. Н. Кобешавидзе</i> (Москва). К характеристике графики и фонемного состава языка орхоно-енисейских надписей	40

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>К. Р. Бабаев</i> (Бухара). Семантические изменения тюркизмов при их заимствовании	47
--	----

ТОПОНИМИКА, АНТРОПОНИМИКА

<i>Г. Е. Корнилов</i> (Чебоксары). К этимологии топонима Seboksary	54
<i>В. А. Никонов</i> (Москва). Размежевание личных имен по полу у тюркоязычных народов	63

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Н. А. Баскаков</i> (Москва). К вопросу о структуре сказуемого в тюркских языках	68
<i>З. А. Ахметов</i> (Алма-Ата). К вопросу изучения теории тюркского стиха	80

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

<i>А. А. Курбанов, О. Д. Кузьмин</i> (Ашхабад). Александр Петрович Поцелуевский	87
---	----

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

<i>З. Г. Ураксин</i> (Уфа). Развитие башкирского языкознания за годы Советской власти	95
---	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Р. А. Гусейнов, К. Г. Алиев</i> (Баку). Д. Е. Еремеев. Этногенез турок	103
<i>В. И. Асланов</i> (Баку). A Fourteenth Century Turkic Translation of Sa'di's «Gulistan» by A. Bodrogligeti	111

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Э. Н. Фазылов, Л. Г. Чичулина, Л. В. Данилова (Ташкент). Выездная объединенная сессия Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и академий наук республик Средней Азии и Казахстана 115

ХРОНИКА

- «Художник и жизнь» 127
 «Именное словообразование и формообразование в карачаево-балкарском языке» 128
 Памяти Ф. Г. Исхакова 129

НЕКРОЛОГИ

- Лука Никифорович Харитонов 130
Улуг Ташмухаммедович Турсунов 131

* *
 * *
 * *

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- A. P. Dulzon (Tomsk). The origin of the Altaic markers of plural number 3
 A. T. Kaydarov (Alma-Ata). Different means expressing the identical grammar relations in cognate languages 16
 M. Z. Zakiyev (Kazan). Some problems of complex sentences formation 23
 A. Annanurov (Ashkhabad). Functional development of grammar categories connected with *p*-form of adverbial participle 32
 I. N. Kobeshavidze (Moscow). Towards characteristics of graphics and phoneme system of orkhon-enisei inscriptions 40

LANGUAGES IN CONTACT

- K. P. Babayev (Bukhara). Semantic changes of Turkisms by their borrowing 47

TOPONYMICS, ANTHROPONIMICS

- G. E. Kornilov (Cheboksary). Towards etymology of toponym *Cheboksary* 54
 V. A. Nikonov (Moscow). Delimitation of Turkic personal names according to sex 63

DISCUSSIONS

- N. A. Baskakov. (Moscow). On the problem of predicate structure in Turkic languages 68
 Z. A. Akhmetov (Alma-Ata). Towards the theory of Turkic verse 80

HISTORY OF NATIVE TURCOLOGY

- A. A. Kurbanov, O. D. Kuzmin (Ashkhabad). Aleksandr Petrovich Potseluyevski 87

INFORMATION, SURVEYS

- Z. G. Uraksin (Ufa). Development of Bashkir linguistics for the years of Soviet power 95

REVIEWS

- R. A. Guseynov, K. G. Aliyev (Baku). D. I. Yeremeyev. Ethnogenesis of Turks 103
 V. I. Aslanov (Baku). A Fourteenth century Turkic translation of Sa'di's «Gulistan» by A. Bodrogligeti 111

SCIENTIFIC LIFE

- E. I. Fazylov, L. G. Chichulina, L. V. Danilova* (Tashkent). The united session of Social sciences section of Presidium of the Academy of Sciences of the USSR, the Institute of Marxizm-Leninizm attached to the Central Committee of the CPSU and Academies of Sciences of Middle Asia and Kazakhstan 115

CHRONICLE

- «Literary artist and the life» 127
 «Nominal word-formation and formbuilding in the Karachay-Balkar language» 128
 Commemorating F. G. Iskhakov 129

OBITUARIES

- Luka Nikiphorovich Kharitonov** 130
Ulug Tashmukhammedovich Tursunov 131

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*.
 Корректоры *С. В. Лисицова, И. Г. Дорфман*.

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 4/IV-1972 г. Подписано к печати 21/VI-1972 г. ФГ 01228. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,2. Физ. печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 11,5. Заказ № 1863.
 Тираж 4500. Цена 1 руб.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ
 НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ
 РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА „СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ“

Г Л А С Н Ы Е

A a — а
 Ä ä — э
 U u — ы
 I i — и
 O o — о
 Ö ö — ө
 U u — у
 Ü ü — ү
 E e — е

С О Г Л А С Н Ы Е

B b — б	N n — н
z ž — ч, дж (ج)	P p — п
C c — ц	ng — Н ^г (ڭ)
^v C c — ч (چ)	ʒ — ж
D d — д	R r — р
F f — ф	S s — с
G g — г	^v S s — ш
G' g' — к (گ)	T t — т
γ γ — ғ (غ)	V v — в
H h — h, х ₁ (ح, ه)	Z z — з
J j — j	^v Z z — ж
K k — ка (ق)	θ θ — ç (ث)
K' k' — ке (ك)	Δ δ — ʒ (ذ)
L l — л	X x — х (خ)
M m — м	

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ НАД БУКВАМИ

- долгота
- ∪ краткость
- ~ носовой
- ' мягкость

1 руб.

Индекс
70927